

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

№ 5 (107) 2021

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

No 5 (107) 2021

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Панченко В.Я. Российские политологи перед лицом новых вызовов	9
Федулкина А.П. Совместная поддержка исследований в сфере общественно-политических наук	11
Гаман-Голутвина О.В. Итоги совместных конкурсов РФФИ—ЭИСИ 2020 года в сфере общественно-политических наук	13

СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: МНОЖЕСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ГОСУДАРСТВОМ, ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Мартынов М.Ю. Концепт гражданского общества в исследованиях взаимодействия государства и волонтерского движения	20
Шестопап Е.Б. Влияние идеальных политических представлений на восприятие разных лидерских ролей	28
Левашов В.К., Новоженина О.П. Меняющийся образ будущего в сознании российских граждан	38
Милаева О.В., Сиушкин А.Е. Женский депутатский корпус Российской Федерации субфедерального уровня: социально-политический состав	52

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Парма Р.В. Вовлечение российских граждан в общественное участие онлайн	63
Рябченко Н.А., Малышева О.П., Усков С.В. Управление цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве: субъекты, технологии и результаты	74
Островский А.Н., Мамедов А.Э., Островская М.А., Ширяев В.Ю., Лагун Л.В., Голобородько Е.Р., Попов С.В. Цифровые сообщества как актор социальных трансформаций в мегаполисе (на примере соседских, районных и городских групп в социальных сетях и мессенджерах)	86
Соколов А.В., Беляков А.А. Структура протестной повестки в социальных сетях: проблемы, цели, поддержка	97

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: ЦЕННОСТИ, ПОВЕСТКА, ТЕХНОЛОГИИ

Отроков О.Ю. Социально-политические потребности современной российской молодёжи.....	109
Попова О.В. Студенческая молодёжь российских мегаполисов: ценностные ориентации и эффекты политической онлайн-мобилизации	118
Морозова Е.В. Жизненные ценности и гражданская идентичность старшеклассников	130
Ларионова А.В., Горчакова О.Ю. Деструктивная коммуникация молодёжи в сети Интернет: социально-политический контекст	141
Марин Е.Б. Семантика протестного сознания и формы протестной активности российской молодёжи	151

CONTENTS

V.Ya. Panchenko Russian Political Scientists Facing New Challenges	9
A.P. Fedulkina Cooperative Support for Research in Social and Political Sciences	11
O.V. Gaman-Golutvina Results of Joint RFRF—EISS 2020 Competitions in Social and Political Sciences	13

TODAY'S CIVIL SOCIETY: MULTIPLE IDENTITIES, COMMUNICATION WITH THE GOVERNMENT, IMAGE OF THE FUTURE

Martynov M. Yu. The Concept of Civil Society in Studies of Relations between the State and Volunteers.....	20
Shestopal E.B. The Influence of Ideal Political Views on the Perception of Various Leadership Roles	28
Levashov V.K., Novozhenina O.P. The Changing Image of the Future in the Minds of Russian Citizens	38
Milaeva O.V., Siushkin A.E. Female Deputies of the Russian Federation at the Sub-Federal Level: Social and Political Structure	52

DIGITIZATION OF SOCIO-POLITICAL ENGAGEMENT: BENEFITS AND RISKS

Parma R.V. Engagement of Russian Citizens in Public Participation Online	63
Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Uskov S.V. Managing the Digital Socio-Political Agenda Online: Subjects, Technologies, and Results	74
Ostrovsky A.N., Mamedov A.E., Ostrovskaya M.A., Shiryaev V. Yu., Lagun L.V., Goloborodko E.R., Popov S.V. Digital Communities as Actors of Social Transformation in Megacities (Examples of Neighbourhood, and City Chats and Communities in Messengers and Social Media)	86
Sokolov A.V., Belyakov A.A. The structure of the Protest Agenda on Social Media: Issues, Goals, and Support.....	97

POLITICAL AND COMMUNICATION PROCESSES AMONG THE YOUTH: VALUES, AGENDA, TECHNOLOGIES

Otrokov O. Yu. Socio-Political Needs of Modern Russian Youth	109
Popova O. V. Student Youth in Russian Megacities: Value Orientation and the Effects of Political Online Mobilization	118
Morozova E. V. Life Values and Civic Identity of High School Students	130
Larionova A. V., Gorchakova O. Yu. Destructive Communication among Youth on the Internet: Socio-Political Context.....	141
Marin E. B. Semantics of Protest Consciousness and Forms of Protest Activity among Russian Youth	151

*В.Я. Панченко,
академик РАН,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований*

Российские политологи перед лицом новых вызовов

Стремительные перемены в современном мире связаны с влиянием на нашу жизнь цифровых технологий, с появлением новых вызовов, таких как пандемия, мировой финансовый кризис, экологические проблемы. Они затрагивают всё большее число сфер нашей жизни, влияют на жизнь каждого человека, на жизнь общества, государств, мира в целом. Кризисный мир – наша новая социальная реальность, требующая тщательного анализа и глубокого осмысления для выработки профессиональных рекомендаций. Это приводит к росту востребованности работы политологов, их включённости в принятие решений органами государственной власти и общественными структурами.

В сложной современной обстановке проводимые Российским фондом фундаментальных исследований совместно с Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) конкурсы научных проектов по общественно-политическим наукам (ОПН) оказались остро актуальны.

За три года проведения реализована обширная программа, включающая пять видов конкурсов проектов.

Главными принципами организации конкурсов стали их открытость, возможность участия представителей разных университетов и академических институтов, государственных и негосударственных организаций, ведущих исследователей и молодых учёных, аспирантов, студентов и школьников.

Хотелось бы отметить широкий тематический диапазон исследований, который позволил реализовать комплексный, междисциплинарный подход к изучению природы общественно-политических отношений. Благодаря этому подать заявки на участие в конкурсах смогли не только политологи, но и специалисты других областей знания: психологи, социологи, философы, этнологи, историки, праведы, лингвисты, экономисты, специалисты в IT-сфере и другие.

В ходе реализации программы на конкурсы поступили 3388 заявок более чем от 12 400 исследователей из 72 регионов Российской Федерации, в том числе от молодых учёных, аспирантов, студентов и школьников. Широкий географический охват, большое тематическое разнообразие исследований, комплексный подход дали возможность получить актуальную репрезентативную картину состояния и развития общественно-политических процессов в нашей стране.

Конкурсы стали значимым инструментом поддержки политологического сообщества. Они создали серьёзный стимул для профессионального развития не только молодых исследователей, но и маститых учёных. Об этом свидетельствует рост числа подаваемых заявок. Если в 2019 году на конкурсы поступили 982 заявки, то в минувшем году их число составило 1207.

За три года поддержку получили 525 проектов с общим объёмом финансирования 600 млн рублей. По итогам издательских конкурсов в сфере ОПН опубликованы 10 научных и 1 научно-популярный труд.

В этом номере журнала представлены наиболее значимые статьи, подготовленные по итогам выполнения проектов 2020 года и сгруппированные в пять рубрик: «Цифровизация социально-политического участия: преимущества и риски», «Политико-коммуникативные процессы в молодёжной среде: ценности, повестка, технологии», «Современное гражданское общество: множественные идентичности, взаимодействие с государством, образ будущего», «Региональные власти современной России: состав и репрезентация» и «Актуальная повестка военно-политического развития». Даже простое перечисление рубрик свидетельствует об исключительной актуальности исследований, проведённых как маститыми учёными, так и молодым поколением участников конкурсов.

Нельзя не отметить ещё одну важную особенность конкурсов по ОПН: его участники не «остаются верны» однажды выбранной тематике, а постоянно смещают фокус своего исследовательского внимания на наиболее актуальные проблемы.

Оценивая результаты совместных конкурсов РФФИ и ЭИСИ, следует признать, что они оказались весьма плодотворными и внесли существенный вклад в развитие политологии, обогатили наши представления о стране, в которой мы живём.

Столь весомые результаты стали возможны благодаря слаженной работе экспертов РФФИ и ЭИСИ, а также опытному руководству конкурсным процессом со стороны председателя Экспертного совета РФФИ чл.-корр. РАН, д.полит.н. Оксаны Викторовны Гаман-Голутвиной. Выражаю всем вам огромную благодарность за кропотливую и высокопрофессиональную работу!

Надеюсь, что итоги совместных конкурсов РФФИ—ЭИСИ и в дальнейшем будут способствовать поиску эффективных ответов на глобальные вызовы современности.

*А.П. Федулкина,
исполнительный директор
Экспертного института
социальных исследований,
член Российской Ассоциации
по связям с общественностью*

Совместная поддержка исследований в сфере общественно-политических наук

Экспертный институт социальных исследований и Российский фонд фундаментальных исследований с 2019 года совместно проводят конкурсы научных проектов в сфере общественно-политических наук.

Главной целью конкурсов является поддержка фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, формирование условий для развития политологического сообщества в России. И несмотря на то, что это конкурсы научных проектов, они имеют и прикладное значение. Как отмечал первый заместитель руководителя администрации Президента РФ Сергей Владиленович Кириенко, задачей конкурсов являются не только собственно результаты исследований, но и включение сообщества специалистов общественно-политических наук в анализ, выработку рекомендаций и подготовку вариантов принимаемых в стране решений.

Конкурсы способствуют решению ключевых задач ЭИСИ — организации исследований в области общественных наук, сбору и обобщению гуманитарного опыта и созданию пространства коммуникации для экспертов.

Конкурсы стали значимым инструментом поддержки политологического сообщества. Они создали серьезный стимул для профессионального развития как молодых исследователей, так и авторитетных ученых. За время проведения конкурсов мы видели немало примеров, когда научные коллективы во главе с именитыми исследователями, которые ранее не имели такой возможности, с помощью конкурсов реализовывали интересные проекты, а для молодых людей, особенно из регионов, победа в конкурсах открывала путь в большую науку, и они получали возможность заявить о себе на уровне страны.

Тематические направления конкурсов охватывают широкий спектр наиболее актуальных проблем в сфере общественно-политических наук. Самыми популярными среди поддержанных проектов 2020 года стали тематики: «Новые коммуникационные технологии в современном обществе: возможности и границы применения», «Социальная активность в современном обществе», «Государственная политика: новые вызовы, механизмы и тенденции формирования», «Ценности и традиции в формировании политической идентичности» и «Современная политическая система России: тенденции и направления развития». Реализуемые проекты позволят не только придать импульс развитию политической науки в стране, но и получить фундаментальный анализ актуального состояния современной политики в целом.

Экспертный институт социальных исследований благодарит руководство и сотрудников Российского фонда фундаментальных исследований за совместную работу в ходе проведения конкурсов и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Желаем всем победителям конкурсов успешной реализации проектов и высоких достижений в области общественно-политических наук.

*О.В. Гаман-Голутвина,
член-корреспондент РАН, доктор
политических наук, председатель
Экспертного совета РФФИ
по философии, социологии,
политологии, правоведению
и науковедению*

Итоги совместных конкурсов РФФИ–ЭИСИ 2020 года в сфере общественно-политических наук

В 2020 году Российский фонд фундаментальных исследований совместно с Экспертным институтом социальных исследований реализовал программу, включающую четыре конкурса проектов:

- на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук («опн»);
- на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, реализуемых молодыми учёными («опн_мол»);
- на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, выполняемые талантливой молодежью под руководством ведущего учёного-наставника («наставник_опн»);
- а также новый конкурс на издание лучших научно-популярных трудов по общественно-политическим наукам («опн_днпи»).

Задача конкурсов состояла в поддержке научных проектов в сфере общественно-политических наук, осуществляемых организациями и отдельными исследователями, направленных на формирование общероссийской идентичности, демонстрацию поступательного исторического развития современной России, противодействие угрозам национальной безопасности в историко-культурной сфере.

На конкурсный отбор были представлены проекты фундаментальных исследований по 10 тематическим направлениям:

- ❖ «Государственная политика: новые вызовы, механизмы и тенденции формирования» (исследования в сфере устойчивости современных государственных

систем, функционирования субъектов государственной политики, проблем государственного управления, различных отраслевых политик, направлений эволюции государственной политики, взаимодействия государства и гражданского общества, эффективности государственных служащих);

- ❖ «Социальная активность в современном обществе» (исследования, затрагивающие различные формы социальной активности и её влияния на политические процессы, волонтерские движения, гражданские инициативы, формирование гражданского общества, вовлечения граждан в социально-политические процессы на уровне регионов и страны, а также анализ деструктивного и девиантного поведения, экстремистских форм социальной активности);
- ❖ «Политическая история России: закономерности и альтернативы» (исследования исторических символов в политических процессах страны, наиболее значимых точек бифуркации в политической истории России, дилемм развития на основных исторических этапах, политической модернизации и становления современной политической системы страны, эволюционной и революционной составляющих в политической истории страны);
- ❖ «Новые коммуникационные технологии в современном обществе: возможности и границы применения» (исследования, связанные с использованием новых онлайн- и офлайн-решений в современной коммуникации, в том числе цифровых технологий, с использованием возможностей социальных сетей и мессенджеров в политике, геймификации социально-политических процессов);
- ❖ «Образ будущего России: государство, человек, общество» (исследования в сфере конструирования ключевых образов для обеспечения устойчивого развития России, формирования имиджа государства и определения места человека в новом обществе, решения проблем формирования государственной идентичности, восприятия будущего России различными социальными группами);
- ❖ «Современный мир: акторы и тренды мирового политического развития» (исследования, касающиеся формирования и развития основных трендов мировой политики и международных отношений, процессов демократизации, глобализации и интеграции в современном мире, формирования контртенденций локализации и изоляционизма, сравнения мировой и российской траекторий развития, перспектив многополярного мира, современных кризисов в международных отношениях);
- ❖ «Современная политическая система России: тенденции и направления развития» (исследования лидерства в политическом процессе, современного состояния партийного ландшафта, институциональных особенностей в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти, политической культуры, социально-политических последствий конституционных изменений, влияния групп интересов на политический процесс, местного самоуправления);
- ❖ «Формирование и реализация государственной молодежной политики» (исследования, связанные с различными форматами работы с молодежью на уровне государства в России и зарубежных странах, развитием патриотизма, полити-

Ил. 1. Распределение заявок и проектов по конкурсам РФФИ–ЭИСИ

ческими ценностями и установками современной молодёжи, особенностями политической культуры молодых людей);

- ❖ «Ценности и традиции в формировании политической идентичности» (исследования ценностного фактора в политике, влияния традиций на политический процесс, проблем формирования политической идентичности, трансформаций представлений о стране и мире, социокультурных ценностей российских граждан, символической политики, актуальной структуры политического сознания);
- ❖ «Этнополитические процессы в России и мире» (исследования в сфере международных отношений в России и зарубежных странах, современной этнополитической ситуации в регионах РФ, механизмов государственной национальной политики, идентичности и языков (в том числе в контексте Всероссийской переписи населения 2021 г.), причин экстремистского насилия, обеспечения межнационального мира и согласия).

На конкурсы были поданы 1226 заявок, из которых 1199 допущены к экспертизе (ил. 1). Заявки представили порядка 4400 исследователей из 72 регионов Российской Федерации, в том числе молодые учёные, аспиранты, студенты и школьники.

В результате конкурсного отбора поддержан 191 проект с общим объёмом финансирования 200 млн рублей. Коэффициент прохождения составил 16%.

Представленные на конкурсы заявки охватывают все тематические направления (ил. 2). Лидирующую позицию занимает тематическое направление «Государственная политика: новые вызовы, механизмы и тенденции формирования». Наибольшее число поддержанных проектов представлено по тематическому направлению «Новые коммуникационные технологии в современном обществе: возможности и границы применения».

Ил. 2. Распределение проектов по тематическим направлениям конкурсов РФФИ—ЭИСИ

Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук

Задача конкурса состояла в поддержке фундаментальных научных исследований, направленных на получение результатов в сфере общественно-политических наук, интеграцию научного знания в процессы принятия политических решений.

Из 820 заявок в результате конкурсного отбора поддержаны 134 проекта. Коэффициент прохождения составил 16%. Наибольшее число поддержанных проектов представлено по тематическому направлению «Социальная активность в современном обществе».

По итогам реализации поддержанных проектов конкурса лучшим было признано исследование «Риски деформации политической системы РФ в условиях конституционных изменений (конфликтологическая экспертиза)» (20-011-31097, руководитель А.В. Глухова, Воронежский государственный университет). Данное исследование направлено на решение фундаментальной научной задачи, связанной с возможностями и перспективами реформирования политической системы в нестабильной внутренней и внешней среде посредством корректировки Конституции как политико-правового основания политического сообщества. Авторы проанализировали условия и факторы, способствующие усилению рискогенности внесённых в Конституцию Российской Федерации поправок в нормативно-правовой

Ил. 3. Облако тегов по частоте упоминания слов в зарубежных СМИ за период с января по июль 2020 г.

подсистеме. Выявлены конфликтогенные структурные изменения функциональной подсистемы в контексте отхода от базовых конституционных принципов; дана оценка совокупного эффекта подавления функциональной дифференциации институциональной подсистемы в свете потребности страны в политической модернизации (ил. 3). Изучены потенциал и возможности гражданского общества в плане получения «обратной связи», влияния на формирование внутривнутриполитической повестки в рамках коммуникативной подсистемы в условиях резкого усиления полномочий верховной государственной власти.

Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, реализуемых молодыми учёными

Задача конкурса — привлечение молодых учёных к активному участию в фундаментальных научных исследованиях в сфере общественно-политических наук, создание условий молодым учёным для проведения самостоятельных исследований по важнейшим проблемам в сфере общественно-политических наук.

В конкурсе приняли участие молодые учёные в возрасте до 35 лет.

Из 312 заявок поддержаны 47 проектов. Коэффициент прохождения составил 15%. Наибольшее число поддержанных проектов представлено по тематическому направлению «Новые коммуникационные технологии в современном обществе: возможности и границы применения».

В этом виде конкурса лучшим был признан проект «Политические стратегии российского бизнеса в пространстве цифровизации: социокультурное измерение» (20-011-32206, руководитель Д.А. Мальцева, Санкт-Петербургский государственный университет), направленный на разработку и апробацию новаторского методологического инструментария анализа ценностных оснований предпринимательской деятельности в России, который позволяет концептуализировать инновационную национальную модель эффективного взаимодействия государства и бизнеса в условиях цифровой экономики. Высокое прикладное значение результатов исследования, основным из которых стала разработка практических рекомендаций органам власти по гармонизации взаимоотношений бизнес-сообщества и государства, детерминировано возможностью их использования при формировании стратегий обеспечения социальной ответственности, реализации антикоррупционных проектов различного уровня, совершенствовании человеческого капитала, имплементации инновационной политики, а также в сфере гражданского образования.

Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, выполняемые талантливой молодёжью под руководством ведущего учёного-наставника

Задача конкурса — создание условий для профессиональной самореализации молодых учёных и учащихся образовательных учреждений, передача талантливой молодёжи научного опыта ведущих учёных в сфере общественно-политических наук.

Особенностью конкурса было то, что в нём принимали участие коллективы от 5 до 10 человек, в состав которых входило от 2 до 4 молодых учёных в возрасте до 25 лет и от 2 до 5 школьников в возрасте 15–18 лет.

Из 55 заявок в результате конкурсного отбора поддержаны 9 проектов. Коэффициент прохождения составил 16%. Наибольшее число поддержанных проектов представлено по тематическому

направлению «Новые коммуникационные технологии в современном обществе: возможности и границы применения».

По итогам года лучшим был признан проект «Жизненные ценности и гражданская идентичность старшеклассников» (20-011-33041, руководитель Е.В. Морозова, Кубанский государственный университет). Авторы выявили динамику жизненных ценностей старшеклассников в 1913–2020 гг., тенденции и противоречия этого процесса; предложили структурную модель гражданской идентичности старшеклассников, основанную на содержательных характеристиках её когнитивного, ценностного,

эмоционального и инструментального уровней; выявили степень влияния цифровой инклюзии на процесс формирования жизненных ценностей и гражданской идентичности старшеклассников; рассмотрели эволюцию образа идеального гражданина в представлениях старшеклассников в постсоветский период; охарактеризовали роль школы как актора политической социализации школьников.

Конкурс на издание лучших научно-популярных трудов по общественно-политическим наукам

Задача конкурса — поддержка проектов, направленных на издание и распространение информации о результатах научных исследований в научно-популярной форме в сфере общественно-политических наук.

Из 12 проектов поддержан 1 проект по тематическому направлению «Современный мир: акторы и тренды мирового политического развития». Коэффициент прохождения составил 8%.

По итогам конкурса опубликован научно-популярный труд «Война и политика в современном мире» (20-011-34021, руководитель А.И. Подберёзкин, ИД «Международные отношения»), посвящённый анализу и прогнозу развития военной безопасности основных субъектов современной международной и военно-политической обстановки: государств, локальных человеческих цивилизаций и коалиций. Книга представляет новый материал по современной военно-политической и внешне-политической проблематике.

Результаты совместных конкурсов по общественно-политическим наукам были утверждены в июле 2020 г. на заседании бюро совета РФФИ. По итогам встречи принято решение, что Российский фонд фундаментальных исследований и Экспертный институт социальных исследований продолжат финансирование исследований в сфере общественно-политических наук.

СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: МНОЖЕСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ГОСУДАРСТВОМ, ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Индекс УДК 323.22/.28

Код ГРНТИ 11.15.11

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-20-27

М.Ю. МАРТЫНОВ*

Концепт гражданского общества в исследованиях взаимодействия государства и волонтерского движения

В статье представлены результаты сравнительного анализа взаимодействия волонтерского движения с государством в субъектах Российской Федерации, различающихся интенсивностью становления институтов гражданского общества. Эмпирическую базу составили результаты социологических исследований, проведенных в Ханты-Мансийском автономном округе и Пермском крае. Получены результаты о противоречивом характере политических аспектов взаимодействия волонтерства с институтами государства, которые трудно интерпретировать в рамках классической концепции гражданского общества. С одной стороны, зависимость волонтерского движения от государственной поддержки ставит вопрос о его ценности как института гражданского общества. С другой стороны, именно эта поддержка обеспечивает роль движения в политической социализации граждан. В качестве решения проблемы предлагается уточнение смыслового содержания концепта «гражданское общество».

Ключевые слова: волонтерство, гражданское общество, гражданский активизм, некоммерческие общественные организации, политическая социализация

Концепция гражданского общества и политические аспекты волонтерского движения

Поскольку волонтерство рассматривается как форма гражданского активизма,

концептуальной рамкой подавляющего большинства исследований выступает теория гражданского общества, помещающая его в более широкий контекст, к которому относят гражданские ассоциации,

* **Мартынов Михаил Юрьевич** — доктор политических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета, руководитель проекта «Политические аспекты взаимодействия волонтерского движения с институтами государства и гражданского общества: кросс-региональный анализ» (20-011-31026).
E-mail: martinov.mu@gmail.com

демократию и справедливость. Сущностными признаками волонтерства в рамках этой классической методологической парадигмы считается альтруистическая мотивация участников движения, стремление к достижению коллективных благ и социальной справедливости, организационная и материальная независимость от государства, в том числе за счёт финансирования из негосударственных источников и опоры на «средний класс» в качестве источника социального активизма [1, 2].

Политическим аспектам волонтерства уделяется гораздо меньше внимания, нежели экономическим и социальным. Между тем, как справедливо подчёркивает американский политолог Майкл Уоррен, хотя сама по себе деятельность гражданских ассоциаций, будучи направлена на достижение общественного блага, носит неполитический характер, однако точки их пересечения с интересами государства неизбежно рожают политическую проблематику [3, р. 56–58].

Правда, когда эта политическая проблематика всё-таки попадает в поле зрения отечественных исследователей, то оценка взаимодействия государства с волонтерством в большей мере приобретает негативные коннотации, поскольку, как пишет М.В. Певная, «мы рефлекслируем парадоксальную ситуацию: создавать условия развития гражданского общества, управлять инициативами населения пытается авторитарная власть» [4, с. 72]. Особые опасения у авторов вызывает практика индоктринации членов волонтерских движений, в том числе в духе «государственного патриотизма», из чего следует вывод об отличиях политической социализации волонтеров, представляющих государство, от социализации добровольцев, работающих в негосударственном секторе и критически, а иногда и оппозиционно настроенных по отношению к власти [5, с. 77].

География и методы исследования

Проведённое нами исследование политических аспектов взаимодействия го-

сударства и волонтерского движения как института гражданского общества должно было ответить на ряд вопросов. Способствует ли современное волонтерское движение в России формированию солидарных связей в обществе, и какова его роль в снижении социальных противоречий и потенциала политической конфликтности? Осуществляется ли в ходе занятия волонтерской работой политическая ресоциализация его участников? Использует ли государство, участвующее в поддержке волонтерства, возможность индоктринации его членов? Способно ли волонтерское движение стать самостоятельным политическим актором, включая – в случае необходимости – оппозирование власти вплоть до превращения в оппозиционный политический активизм?

Мы использовали сочетание количественных (массовый опрос, контент-анализ) и качественных (экспертный опрос, углублённое интервьюирование, фокус-группа) методов. Генеральной совокупностью массового опроса выступали участники волонтерского движения из числа граждан Югры и Пермского края. Объём выборочной совокупности составил по 800 респондентов в каждом регионе. При этом часть респондентов (две трети) представляла волонтерские организации, создаваемые при непосредственной поддержке государства («Волонтеры Победы», волонтерство в сфере предупреждения и ликвидации ЧС, волонтерство в сфере общественной безопасности и пр.), а часть (одну треть) – волонтеры, привлекаемые некоммерческими организациями.

Исследование носило кросс-региональный характер. Сравнительный анализ особенностей генезиса волонтерского движения и его взаимодействия с государством осуществлялся на материалах субъектов Федерации с разным уровнем институционального развития гражданского общества – Пермского края и Ханты-Мансийского автономного округа–Югры.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Каким образом Вы попали в число волонтеров?»

Результаты исследования и проблемы их интерпретации

Эмпирические результаты исследования были опубликованы нами ранее [6, 7], однако обращение к ним необходимо для иллюстрации трудностей их интерпретации, возникающих в рамках традиционной концепции гражданского общества.

Как выяснилось, государственная поддержка выступает основным триггером волонтерского движения, позволяя успешно и форсированно развивать его в регионе, даже имеющем ограниченный исторический опыт функционирования гражданских инициатив (в Югре), по сравнению с другими регионом (в данном случае – с Пермским краем).

Формирование волонтерского движения на базе исключительно институтов гражданского общества без государственной поддержки не обеспечивает должного поступательного развития волонтерства в регионе и его массовости. Даже вступление в ряды волонтеров в большинстве случаев инициируется властью «сверху», использующей в этих целях организационные ре-

сурсы учреждений и предприятий (рис. 1).

Если обратиться к анализу мотивации участия в волонтерской работе, то, как показал массовый опрос, на первом месте стоят личные мотивы: возможность самореализации, приобретения новых друзей, стремление решить проблему, лично волнующую респондента, а также возможность получения заработка. Если ранее деятельность институтов гражданского общества была направлена на поддержку других граждан, то теперь само участие, в данном случае в волонтерском движении, становится формой социальной поддержки самих его участников.

Альтруистические и близкие к ним по смыслу политические мотивы (решение общественных проблем) имеют гораздо меньшее значение (рис. 2).

Характерен в этом отношении социальный состав участников движений. В большинстве своём это люди с небольшим доходом. Самый большой отряд представлен работниками сферы услуг, далее идут «бюджетники», затем – студенты. Значительно число безработных – 16,2%. Как показали «парные» распределения, именно у этих групп личные мотивы оказались наиболее сильными.

Дефицит альтруистической и политической мотивации в общественном сознании волонтеров настолько очевиден, что эти ценности не находят место даже в программных документах о развитии добровольчества, где упор на привлечение к движению также делается исключительно на личные мотивы [8].

Однако вне альтруистического контекста такие традиционные цели добровольчества, как формирование солидарных связей и достижение социальной справедливости, не рефлексированы в массовом сознании волонтеров, что подтвердили и результаты опроса.

Но волонтерские движения слабо формируют солидарные связи не только вне себя, в обществе, но и внутри собственных организаций. Лишь каждый десятый опрошенный ощущает себя «частью во-

лонтёрского коллектива как особого сообщества людей, занятых выполнением важной миссии». Поэтому, кстати, и мнение, что волонтерские движения способны быть самостоятельным политическим актором, вплоть до превращения в оппозиционный политический активизм, не подтвердилось.

Возможности волонтеров в целях индоктринации реально существуют, отражаясь даже в программных документах [9, с. 6]. Однако эксперты оценили подобное участие государства в процессах политической социализации позитивно, указывая на важность формирования в ходе её ценностных, в том числе патриотических, ориентаций граждан.

То мнение, что участие в волонтерской работе действительно способствует политической социализации, подтвердили и результаты массового опроса. Лишь 6% опрошенных заявили, что волонтерская работа никак не повлияла на них. Большинство же (66,4%) отметили её позитивное влияние на личностное развитие: «приобрёл навыки общения, развил организационные умения и навыки», «стал более ответственным, организованным». Ещё примерно каждый четвёртый (25,6%) указал на факты, которые можно интерпретировать как политическую социализацию: «стал больше интересоваться общественной жизнью и политикой», «стал лучше понимать социальные

проблемы населения, жизнь людей» и т.д.

Государство стремится видеть в волонтерском движении поддержку, и высказываемые рядом авторов опасения, что эта поддержка используется в узких партикулярных целях, не подтвердились. Сравнение уровня политического доверия институтам власти у двух групп респондентов – членов волонтерских движений, инициатором создания которых выступало государство, с одной стороны, и волонтеров, представляющих НКО (выступавших в качестве референтной группы) – с другой, не продемонстрировало существенной разницы в ответах (рис. 3).

Обсуждение и методологические выводы

Таким образом, с одной стороны, волонтерские движения в большинстве случаев не только иницируются и материально поддерживаются государством, но и сами стремятся не столько к независимости, сколько, наоборот, к государственному патронажу над ними. Кроме того, у участников движения, среди которых оказывается не так много представителей «среднего класса», преобладают личные, а отнюдь не альтруистические или политические (общественные) мотивы, делая проблематичным достижение традиционных целей волонтерства в виде коллективных благ

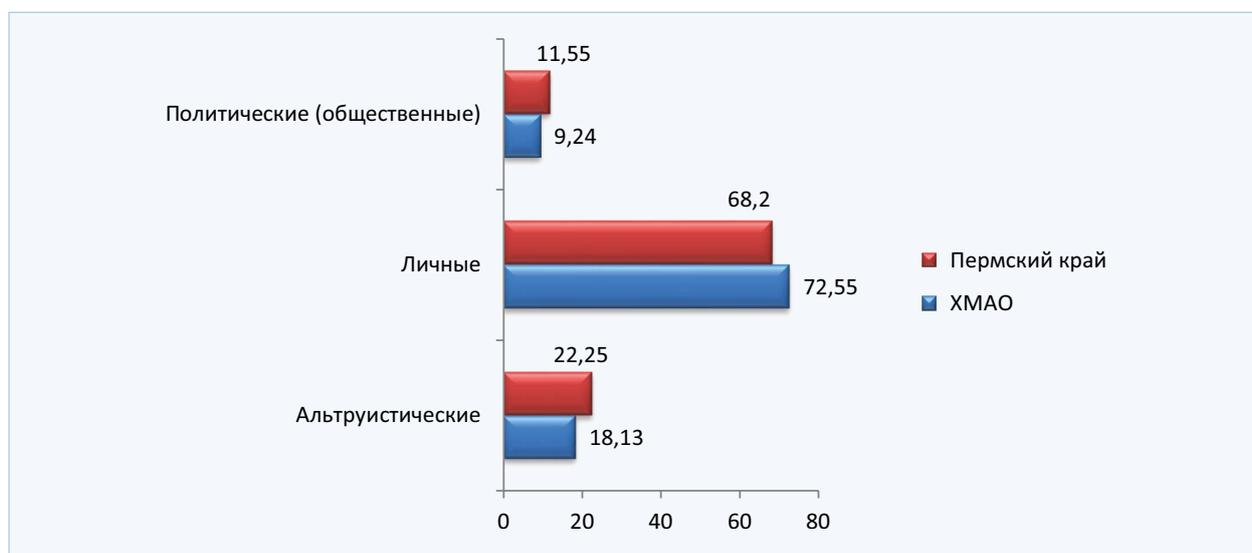

Рис. 2. Мотивы участия в волонтерском движении

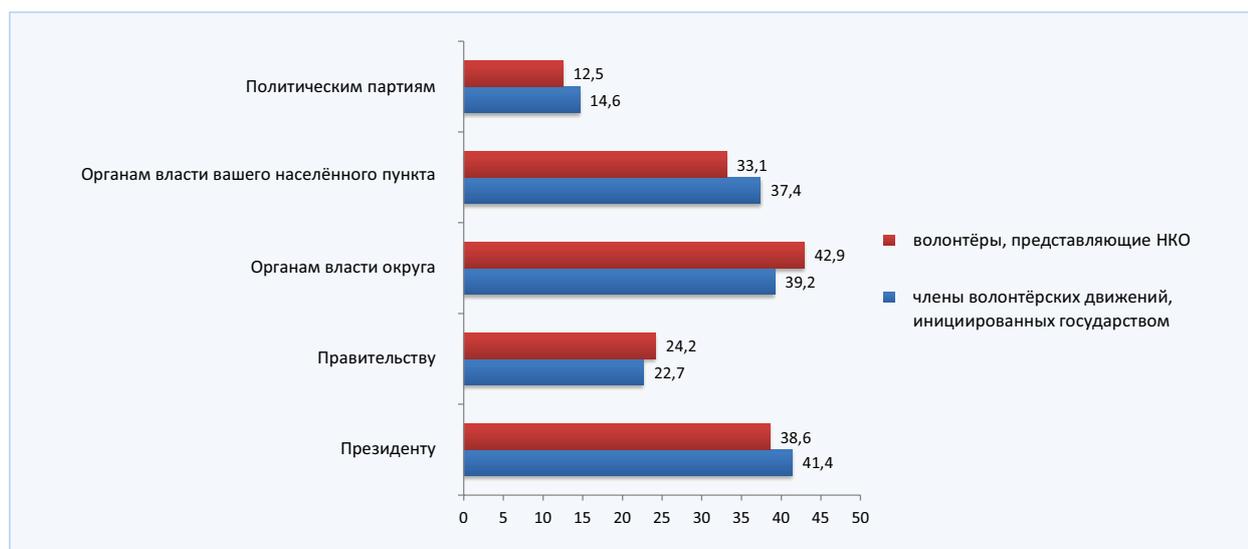

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о доверии политическим институтам в зависимости от типа волонтерства*

*в процентах и без «загруднившихся ответить»; можно было давать более одного варианта ответа

и социальной справедливости. Это ставит вопрос о ценности волонтерства как института гражданского общества.

С другой стороны, являясь органичным элементом «третьего сектора», волонтерство успешно реализует цели достижения пусть не коллективных благ, но индивидуальной, адресной социальной поддержки граждан. Столь же бесспорно, что участие в волонтерской работе выступает эффективным инструментом саморазвития и политической социализации участников волонтерских движений.

Попытка З. Брунарска использовать для анализа волонтерства более релевантную, с её точки зрения, теорию структуры политических возможностей (POS theory) [10], а не концепт гражданского общества, выглядит недостаточно последовательной.

Оставаясь же в рамках общепринятой классической трактовки концепта гражданского общества, мы будем вынуждены либо игнорировать возникающие противоречия, либо соглашаться с авторами, считающими институты гражданского общества в современной России симулякрами [11], в том числе и потому, что «в России прослеживается тенденция к установлению контроля бюрократии над гражданским обществом» [12, с. 6].

Поскольку отмеченные противоречия, судя по кросс-региональным исследованиям, присущи отнюдь не только российским волонтерским практикам [13], эвристически гораздо более плодотворным выглядит предположение, что мы имеем дело не столько с несоответствием этих практик концепции гражданского общества, сколько, наоборот, с несоответствием этой концепции изменившимся социальным условиям, в которых функционируют сегодня гражданские ассоциации.

Концептуализация понятия «гражданское общество» показывает, что его смысловое содержание неоднократно и существенно изменялось.

Будучи введенным в научный оборот Т. Гоббсом и Дж. Локком, концепт в тот период декларировал тем не менее абсолютное подчинение граждан государственному «левиафану».

Его смысл меняется на прямо противоположный в революционную эпоху XVIII в., когда олицетворяемому аристократией государству противопоставляется гражданское общество, или выступавшее его синонимом понятие «народ». Теперь уже гражданское общество должно установить безусловный контроль над государством, поскольку «общество в любом своём состо-

янии есть благо, правительство же и самое лучшее есть необходимое зло» [14, с. 21].

В XIX в. с переходом к элитистской демократии гражданское общество становится точкой приложения общественной активности «среднего класса», уже отделённого от реального принятия политических решений, но ещё обладающего экономической самостоятельностью. Согласно возникшей классической трактовке концепта, гражданское общество — сфера активности граждан, охватывающая «негосударственную» жизнь общества. Концепт фиксирует баланс отношений государства и гражданского общества, основанный на принципах невмешательства.

После Второй мировой войны смысл концепта вновь кардинально меняется. Теперь он декларирует не дистанцирование от государства, а тесное взаимодействие с ним, в первую очередь, в обеспечении функционирования государства социального типа. Это вызвало бурное развитие НКО, заполняющих ниши социальной поддержки граждан, не занятые государством и бизнесом. В политической сфере после пережитых ужасов тоталитаризма концепт также стал означать не обособление сферы гражданского общества от государства, а наоборот, необходимость контроля с его стороны за бизнесом и властью.

Последние два десятилетия ознаменовались серьёзными экономическими и социальными изменениями, что делает неизбежным дальнейшую эволюцию концепта в постклассический вариант прочтения.

Кризисные явления в экономической сфере и снижение объёма производства приводят к требованиям сокращения социальных обязательств государства. Эти функции предполагается передать НКО. Если ранее некоммерческие организации, в том числе волонтерские, замещали лишь ту нишу, которую не занимало государство, то теперь они должны вытеснять его из традиционных секторов этой государственной поддержки. Использование волонтерского труда позволяет некоммерческой организацией манифестировать

свои преимущества в виде более низких транзакционных издержек. Выполнение социальных функций, в том числе в соответствии с государственными заданиями, делает прежние принципы независимости от государства неактуальными и нерелевантными, а коммерциализация, связанная с эволюцией НКО фактически в социальное предпринимательство, блокирует альтруистическую мотивацию труда используемых ими волонтеров.

Что касается политической сферы, то объяснение гипертрофированного участия государства в развитии волонтерского движения следует искать не в его «авторитарных наклонностях», а опять-таки в серьёзных изменениях, произошедших в обществе. Размывание «среднего класса», тенденции «охлократизации» [15] «вымывают» политически ответственных субъектов. Феномен популизма в США [16] — частное отражение общей тенденции. Институты гражданского общества начинают использоваться для давления на власть. В результате последние становятся не столько средством развития общества, сколько инструментами его разрушения.

Естественной реакцией государства является изъятие из сферы гражданского общества контрольных функций, ещё недавно составляющих её неотъемлемую часть. Но главное, в условиях отчуждения граждан от политики и её «охлократизации» для власти становится остро необходимым создание собственной политической опоры, призванной восстановить ускользающие связи с гражданами даже путём формирования гражданских ассоциаций, в том числе волонтерства, «сверху».

Институты гражданского общества, включая волонтерство, в современных условиях выступают, таким образом, средствами поддержки власти, создаваемыми при её же участии. Подобная трактовка концепта служит методологическим основанием, позволяющим непротиворечивым образом объяснить особенности взаимодействия государства и волонтерского движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Eliasoph N. The Politics of Volunteering. Cambridge: Polity Press, 2013.
2. Peucker M. Muslim community volunteering: the civic-religious 'culture of benevolence' and its sociopolitical implications // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. 46 (11). P. 2367–2386.
3. Warren M. Democracy and Association. Princeton University Press, 2001.
4. Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 69–77.
5. Яницкий О.Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (5). С. 71–89.
6. Мартынов М.Ю., Ушакова Н.В. Политические аспекты взаимодействия государства и институтов гражданского общества с волонтерским движением (кросс-региональный анализ) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. С. 8–102. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 22.12.2021).
7. Martynov M.Yu., L.A. Fadeeva. The Voluntary Movement in Modern Russia: Civic Activism vs. State-Enforced Indoctrination // Russian Politics. 2020. № 5. P. 477–496.
8. Концепция развития добровольчества в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446493427> (дата обращения: 14.11.2021).
9. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 14.11.2021).
10. Brunarska Z. Understanding Sociopolitical Engagement of Society in Russia. A View from Yaroslavl Oblast and Tatarstan // Problems of Post-Communism. 2018. Vol. 65 (5). P. 315–326.
11. Kamerade D., Crotty J. & Ljubownikow S. Civil Liberties and Volunteering in Six Former Soviet Union Countries // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, 45 (6). 2016. 1150–1168.
12. Ховард Марк М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / Марк М. Ховард; Пер. с англ. И.Е. Кокарева. М.: Аспект Пресс, 2009.
13. Brower R.S. Voluntary Sector Organizing in International Contexts // International Review of Public Administration. 2011. Vol. 16 (1). P. 1–9.
14. Пейн Т. Избранные сочинения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
15. Тощенко Ж.Т. Особенности современной охлократии // Политические исследования. 2010. № 2. С. 166–177.
16. Шаклеина Т.А. Дональд Трамп и «новый популизм» в Америке // Политические исследования. 2021. № 5. С. 176–183.

ENGLISH

The Concept of Civil Society in Studies of Relations between the State and Volunteers

Mikhail Yurievich Martynov – Doctor of Political Science, professor at the Department of Political and Legal Subjects, Surgut State University, head of the project 'Political Aspects of Relations between Volunteers and State and Civil Society Institutions: Cross-Regional Analysis' (20-011-31026).
E-mail: martynov.mu@gmail.com

The paper presents the comparative analysis results of how the volunteers organizations interact with the government in different Russian regions, which differ in the degree of civil society institutes development. The empirical basis consists of the results of sociological survey conducted in Khanty-Mansi Autonomous District and Perm Territory. The results show the

contradictory nature of the political aspects of relations between volunteers and government institutions, which are difficult to interpret within the classical concept of civil society. On the one hand, the dependence of the volunteer movement on state support raises the question of its value as a civil society institution. On the other hand, it is precisely this support that ensures the role of the movement in the political socialization of citizens. As a solution to the problem we propose to clarify the semantic content of the 'civil society' concept.

Keywords: volunteering, civil society, civic activism, non-profit public organizations, political socialization

REFERENCES

1. Eliasoph N. The Politics of Volunteering. Cambridge: Polity Press, 2013.
2. Peucker M. Muslim community volunteering: the civic-religious 'culture of benevolence' and its sociopolitical implications // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. 46 (11). P. 2367–2386.
3. Warren M. Democracy and Association. Princeton University Press, 2001.
4. Pevnaya M.V. Upravlenie rossiyskim volontyorstvom: sushchnost' i protivorechiya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 12. S. 69–77 (in Russian).
5. Yanitskiy O.N. Volontyory: grazhdanskie i gosudarstvennye // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2014. № 1 (5). S. 71–89 (in Russian).
6. Martynov M.Yu., Ushakova N.V. Politicheskie aspekty vzaimodeystviya gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva s volontyorskim dvizheniem (kross-regional'nyy analiz) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal). 2020. № 4. S. 8–102. URL: www.vestnik-mgou.ru (data obrashcheniya: 22.12.2021) (in Russian).
7. Martynov M.Yu., L.A. Fadeeva. The Voluntary Movement in Modern Russia: Civic Activism vs. State-Enforced Indoctrination // Russian Politics. 2020. № 5. P. 477–496.
8. Kontsepsiya razvitiya dobrovol'chestva v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446493427> (data obrashcheniya: 14.11.2021) (in Russian).
9. Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016–2020 gody». URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (data obrashcheniya: 14.11.2021) (in Russian).
10. Brunarska Z. Understanding Sociopolitical Engagement of Society in Russia. A View from Yaroslavl Oblast and Tatarstan // Problems of Post-Communism. 2018. Vol. 65 (5). P. 315–326.
11. Kamerade D., Crotty J. & Ljubownikow S. Civil Liberties and Volunteering in Six Former Soviet Union Countries // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, 45 (6). 2016. 1150–1168.
12. Khovard Mark M. Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Evrope / Mark M. Khovard; Per. s angl. I.E. Kokareva. M.: Aspekt Press, 2009 (in Russian).
13. Brower R.S. Voluntary Sector Organizing in International Contexts // International Review of Public Administration. 2011. Vol. 16 (1). P. 1–9.
14. Peyn T. Izbrannyye sochineniya. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959 (in Russian).
15. Toshchenko Zh.T. Osobennosti sovremennoy okhlokратii // Politicheskie issledovaniya. 2010. № 2. S. 166–177 (in Russian).
16. Shakleina T.A. Donal'd Tramp i «novyy populizm» v Amerike // Politicheskie issledovaniya. 2021. № 5. S. 176–183 (in Russian).

Е.Б. ШЕСТОПАЛ*

Влияние идеальных политических представлений на восприятие разных лидерских ролей

Статья посвящена идеальным представлениям российских граждан о лидерах, играющих разные политические роли. В теоретической части статьи проводится анализ этих идеальных представлений в контексте различных политологических, психологических и социологических концепций. Теоретическая модель разрабатывается автором в рамках теории политического восприятия.

Основой эмпирической части исследования стало изучение образа идеального лидера в массовом сознании россиян, проведённое в 2020 г. в 11 российских регионах. В нём изучались образы идеального президента, губернатора и депутата. В данной статье описываются полученные результаты и проводится сравнение восприятия идеальных политических лидеров, играющих разные роли. Результаты исследования позволили выявить различия и сходства в идеальных образах трёх типов лидеров, показать формы взаимодействия между идеальными и реальными образами, укоренённость идеальных образов в глубинных слоях российской политической культуры и влияние этих идеальных представлений на восприятие реальных политических лидеров.

Ключевые слова: политическое восприятие, идеальные представления, массовое сознание, политическая культура, образы идеального президента, депутата, губернатора

Опыт изучения образов действующих российских политиков [20] показал, что оно далеко не всегда обусловлено непосредственными обстоятельствами восприятия. Оценивая конкретного лидера, граждане всегда сопоставляют его с неким эталоном, образцом

или идеалом, который глубоко укоренён в отечественной политической культуре, в тех архетипических представлениях и ценностях, многие из которых существуют столетиями и зачастую не осознаются гражданами. Эти идеальные представления о лидерах и стали объектом

* **Шестопа́л Елена Борисовна** — доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти, политических институтах и лидерах» (20-011-31369).
E-mail: shestop0505@rambler.ru

нашего анализа в данной статье. Мы попытались получить ответы на ряд исследовательских вопросов:

- ◆ какую роль в процессе восприятия реальных политиков играют идеальные представления о них?
- ◆ каков тот набор культурных эталонов, которые «защиты» в образах идеального российского лидера?
- ◆ есть ли связь между идеальными представлениями о лидерах и конкретной политической ролью: является ли лидер верховным правителем страны (президент) или его полномочия ограничиваются регионом (губернатор), представляет ли он исполнительную власть или это лидер законодательного типа?

Проведённое исследование позволило пролить свет на эти вопросы.

Теоретические основания исследования

Данная проблема носит междисциплинарный характер. Во-первых, чтобы понять природу идеальных представлений о политических лидерах, мы обратились к политологическим теориям, в частности, к теориям лидерства и политической культуры.

Среди множества подходов к лидерству наше внимание привлёк нормативный подход, который фокусируется на фигуре «лидера, каким он должен быть» [8]. Сторонники нормативной теории не только описывают идеал лидера, но и обращаются к его противоположности — антиподу. И в том и в другом случае лидер оценивается по моральным параметрам, а не по критериям эффективности или законности. Этот подход, в отличие от широко распространённых теории «черт» [10, 16] или «ситуативной теории» [11], указывает на наличие определённых эталонов лидера со знаком плюс и со знаком минус.

Наряду с классическими теориями политической культуры [6, 14] в последние годы появились работы, напрямую связывающие доминирующие в обществе ценности политической культуры с ли-

дерством. Исследования кластеров культурных ценностей позволяют выявить тот эталон, которому идеальные лидеры должны соответствовать. Так, например, Р. Инглхарт предложил типологию, в основе которой положены две шкалы: первая — «традиционные» ценности выживания, а вторая — «рационально-секулярная» система ценностей «самовыражения» [12]. Первую из них они представляют как некую универсалию, распространяющуюся в последние десятилетия по всему миру. Этот тезис применительно к нашему исследованию нуждается в проверке.

Соединяя исследование ценностей, политической культуры и лидерства, исследователи из проекта «The GLOBE research project» [8, 14] попытались оценить влияние культурных, ценностных отличий на практику лидерства [9, 12].

Во-вторых, важным теоретическим источником для нас стали *психологические работы*, посвящённые механизмам формирования социальных и политических представлений. В литературе есть два отличных друг от друга подхода к пониманию природы представлений. Один базируется на психоаналитической трактовке этого феномена и оперирует категорией «архетип». И хотя современные авторы достаточно критично относятся к этому юнгианскому термину, но при всей его метафоричности он улавливает феномен глубинных, общих для данного социума представлений о правителе. Мы будем понимать архетип как *устойчивый набор неосознаваемых образов, общих для представителей данной культуры*. Второй подход представлен когнитивистскими работами и трактует представления как «промежуточную стадию между понятием и восприятием...». Как полагает И. Маркова, представления «не всегда артикулированы, но могут быть “спящими”, т.е. могут передаваться из поколения в поколение, становясь частью культуры, и при этом не рефлексироваться» [13, с. 140–141]. Это положение подкрепляет нашу гипотезу о не до конца осознаваемом характере

образов идеальных лидеров и об их укоренённости в политической культуре страны.

Мы полагаем, что представления об идеальном лидере в массовом сознании связаны с ядром национальной политической культуры и заложены в бессознательных архетипах. Эта трактовка подтверждается работами А.А. Мельниковой и Л.Я. Круглянской, М.Г. Ивановой [4, 5].

Третьим основанием нашей концептуальной модели стала *теория политического восприятия*. Исследования образов реальных президентов давно уже стали в ней магистральной темой [20]. Одной из первых в нашей стране к этой теме обратилась Е.В. Егорова-Гантман [3]. Она показала место идеальных прототипов лидеров в формировании их образов. Для нашего исследования ценно её понимание прототипа как «некого обобщённого образа, идеального лица, обладающего одобряемыми в обществе чертами» [3, с. 216].

Концептуальная модель исследования

В своём понимании идеальных представлений о лидерах мы исходим из того, что образ реального политического лидера возникает в сознании воспринимающего, с одной стороны, как отражение реальности, а с другой – это отражение не является зеркальным, оценивается со знаком плюс или со знаком минус в ходе сопоставления реального лидера с представлением о его идеальном двойнике. Таким образом, на образ лидера оказывает воздействие некая система факторов, которую мы предложили рассматривать в виде обобщённой схемы [18, с. 45]. (См. рис. 1).

Одна из целей данного исследования – найти место идеальных представлений о лидере в этой факторной модели. Мы полагаем, что они соотносятся и с объектными факторами, и с субъектными факторами.

Рис. 1. Факторная модель восприятия политического лидера

Характеристика исследования

Для решения поставленных задач в 2020 г. мы провели эмпирическое исследование идеальных представлений граждан о российском президенте, губернаторе и депутате.

Методы. Мы использовали глубинное интервью, семантический дифференциал и метод неоконченных предложений. Эмпирическую базу данной части исследования составили 930 глубинных интервью. Выборка включала респондентов из 11 субъектов Российской Федерации: городов федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), Республики Башкортостан, Кемеровской, Брянской, Ивановской, Смоленской, Томской, Челябинской и Сахалинской областей, а также Краснодарского края. Исследование носило качественный характер, поэтому полученные данные не претендуют на репрезентативность в масштабах страны. Тем не менее выборка была уравновешена по параметрам пола, возраста и уровня образования респондентов, как того требуют правила проведения качественных политико-психологических исследований.

Результаты и их обсуждение

1. Образ идеального президента

Фигура верховного правителя в нашем обществе имеет центральное значение неза-

висимо от того, кто играет эту роль и какая политическая система в данный момент. Это связано с глубоко заложенными в нашем национальном менталитете представлениями о значении верховного политического лидера для существования нации. В ходе истории на протяжении тысячелетий формировались и отбирались ценности и представления, которые отражали тот опыт выживания, для которого были чрезвычайно важны особые требования к национальному лидеру. Для понимания представлений о том, каким должен и каким не должен быть идеальный президент, опрошенным были заданы вопросы о его желаемых и неприемлемых качествах (рис. 2).

Приведённые ниже данные показывают, что, во-первых, идеальный президент по всем параметрам, кроме внешности, выглядит намного более значимым и позитивным, чем его антипод. Это говорит о его востребованности у опрошенных. Во-вторых, образ идеального президента у респондентов когнитивно богат, чётко и ярко, т.е. респонденты хорошо понимают, чего хотят от президента. И, в-третьих, в образе идеального президента наиболее выраженными являются моральные и психологические характеристики. Профессиональные и деловые качества им сильно уступают. Таким образом, в образе идеального президента *личностные каче-*

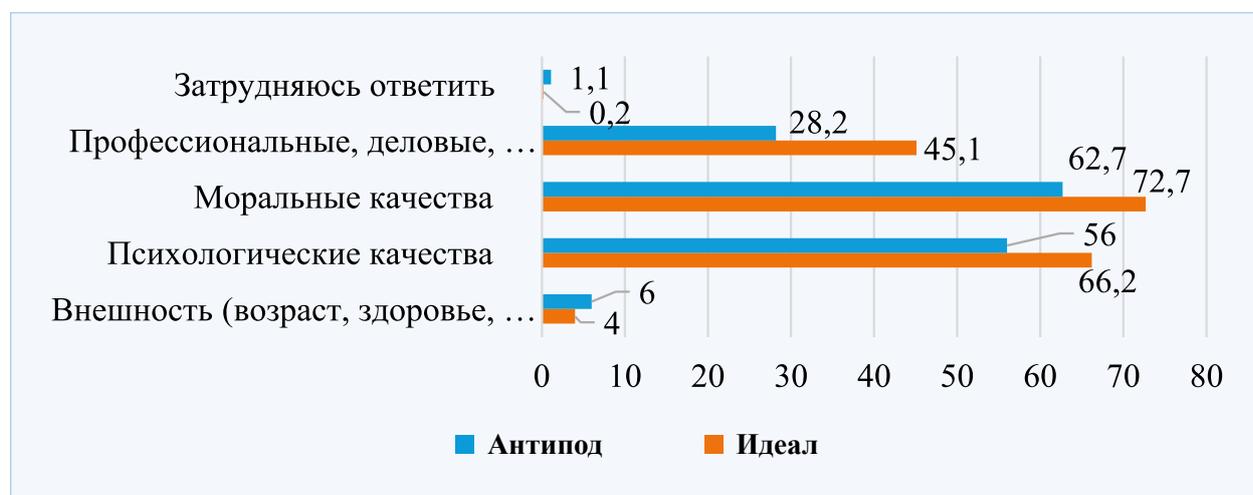

Рис. 2. Какими качествами, по Вашему мнению, должен обладать идеальный президент (идеал)?
Какие качества совершенно недопустимы для идеального президента (антипод)?

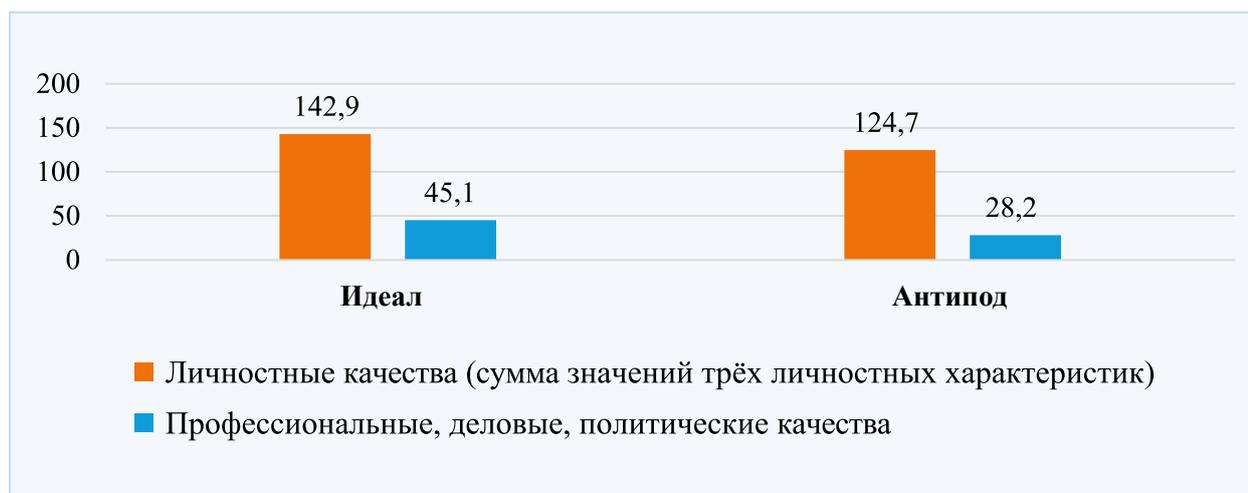

Рис. 3. Какими качествами, по Вашему мнению, должен обладать идеальный президент?
Какие качества недопустимы для идеального президента?

ства (сумма внешних, психологических и моральных) существенно преобладают над функционально-ролевыми, особенно в негативном сегменте восприятия (рис. 3).

Последний момент может показаться странным: можно было предположить, что профессиональные качества будут востребованы в первую очередь (именно так всегда и было в образе реального президента [2, гл. 23]). Но оказалось, что опрошенные хотят, чтобы идеальный президент был скорее достойным человеком, чем «крутым» профессионалом, что отражает специфику российской политической культуры, в которой человек важнее законов, функций и правил.

Личностные характеристики идеального президента. Такие востребованные качества, как *честность, порядочность, нравственность, наличие совести*, по мнению опрошенных, являются гарантией справедливости и законности власти. При этом представления об идеальном президенте отличают одновременно *доброта и строгость*.

Профессиональные, деловые и политические характеристики идеального президента. Среди указанной группы характеристик обращает на себя внимание неожиданная значимость для граждан *политических задач* (35%), стоящих перед президентом. *Экономика* в этой иерар-

хии у респондентов стоит лишь на 4-м месте (16%).

Таким образом, ожидания в отношении идеального президента (как со знаком плюс, так и со знаком минус) сфокусированы, прежде всего, на его **человеческих, личностных** качествах. Идеальный президент прочно и глубоко ассоциируется у российских граждан с традиционной ролью «отца нации», который не только организует жизнь страны, но и думает о людях, заботится о них неформально, самоотверженно их защищает. Современная практика заимствования зарубежных образцов, как видим, не сделала «эффективного менеджера» эталоном президента. Опрошенным по-прежнему ближе строгий, но справедливый «отец».

2. Образ идеального депутата Государственной Думы РФ

Как и в отношении образа идеального президента, мы рассматривали образ идеального депутата Госдумы в двух проекциях: положительной и отрицательной (рис. 4).

Образ идеального депутата отличается тем, что респонденты намного чётче представляют себе то, каким он не должен быть (антипод), при этом фокус их внимания сосредоточен в большей степени на **человеческих** качествах. Главным источником идеальных представлений опрошенных являются существующие реалии, от которых

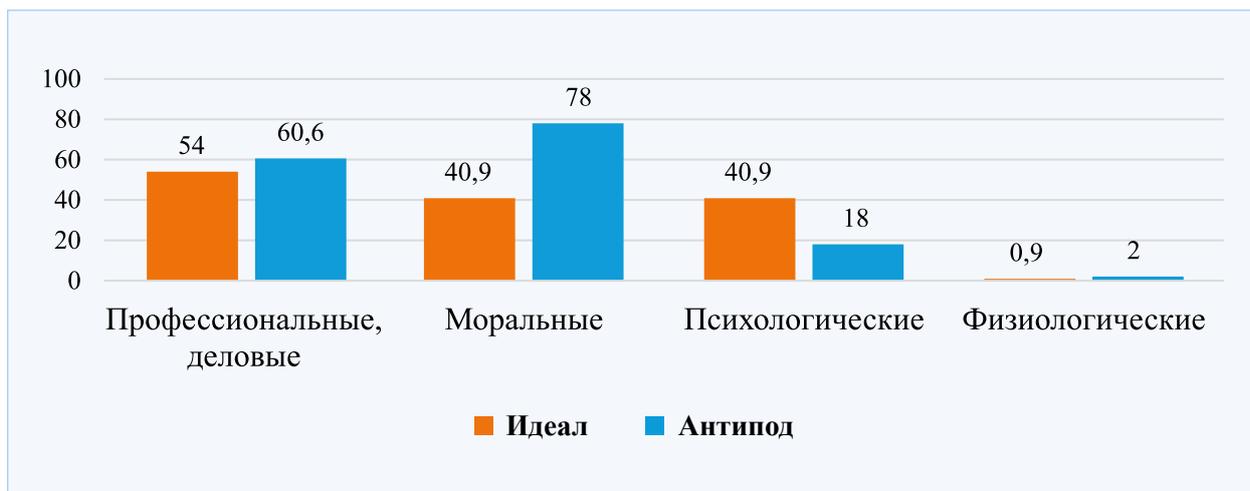

Рис. 4. Какими качествами, по Вашему мнению, должен обладать идеальный депутат? Какие качества совершенно неприемлемы для идеального депутата?

они отталкиваются. Двойное гражданство, деньги в офшорах, дети за границей – вот те характеристики действующих депутатов, которые формируют образ идеального депутата со знаком минус.

Перечень моральных качеств, которыми должен или, наоборот, не должен обладать идеальный депутат, наиболее интересен. Чаще всего, описывая народного избранника, респонденты говорили о *лжи и безнравственности* (17,7%): «Из-за вранья мы регулярно теряли своё государство. Страна оставалась, а государство потеряли». Для избирателей важно, чтобы депутат был человеком, для которого **правда** важнее любых правил и формальных ограничений (более 74% респондентов).

Функционально-ролевые характеристики образа опрошенные связывают с высокой образованностью и наличием практического опыта. Депутат должен иметь серьёзную теоретическую подготовку, разбираться в юриспруденции, социологии и политологии, в экономических и других науках (76,3%). Многие участники исследования (42,3%) высказались за то, что депутатом должен быть политик-профессионал.

Для того чтобы понять, насколько действующие представители нижней палаты парламента близки к образу идеального депутата, мы попросили респондентов на-

звать нам фамилию хотя бы одного народного избранника, который соответствует их идеальным представлениям. Более 27% опрошенных смогли назвать хотя бы одну фамилию. Среди них оказались Николай Бондаренко – депутат Саратовской областной Думы от КПРФ, активно ведущий собственный YouTube-канал), Василий Власов – молодой депутат Госдумы от ЛДПР, а также Олег Шеин – представитель «Справедливой России». При этом другая треть опрошенных считает, что никто из сегодняшних депутатов не достоин сравнения с идеалом, четверть – не знает ни одного из них, а 15,4% не смогли дать ответ.

Тем не менее в образе идеального депутата мы выявили некое ядро более глубоких, «базовых идеальных качеств», состоящих в основном из набора личностных характеристик. Хороший депутат в понимании рядовых граждан – это не просто чиновник, выполняющий определённые функции, а в первую очередь защитник, способный сопереживать своим избирателям.

3. Представления российских граждан об идеальном губернаторе

В отличие от президента и депутата губернатор представляет собой тип лидера, наиболее близкий и понятный населению. Об общих особенностях восприятия можно судить по рис. 5.

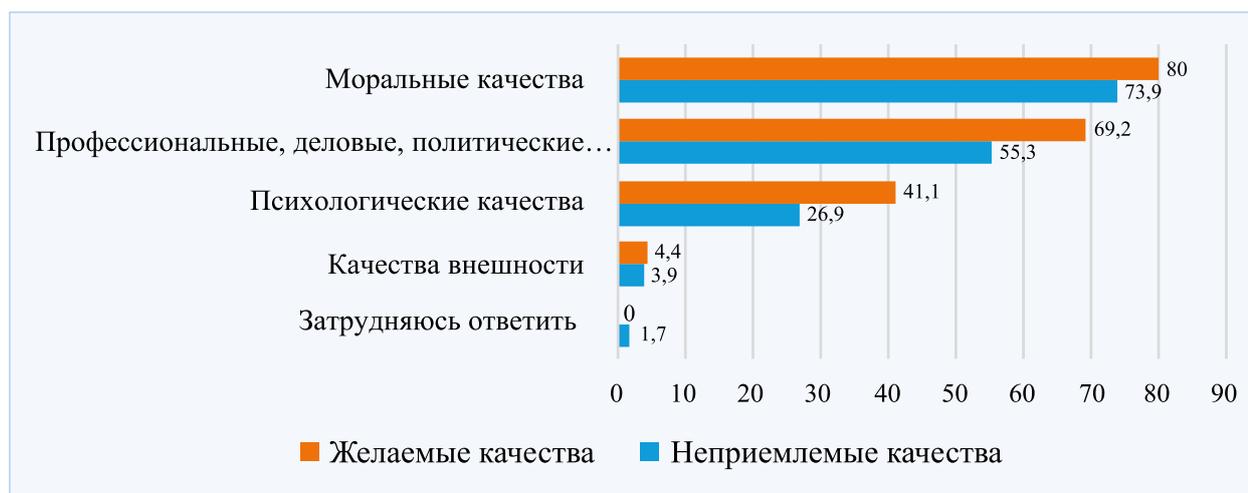

Рис. 5. Желаемые и нежелательные качества идеального главы региона (возможно несколько вариантов ответа), %

Опрошенные представляют идеального губернатора достаточно простым и открытым к общению с гражданами человеком. Он должен регулярно встречаться с жителями (77,2%) и быть готовым выступать в СМИ (68,9%). Респонденты хотели бы видеть на этом посту человека, которого «было бы нормальным встречать где-то в городе».

Отметим, что тема общения губернатора с жителями является чрезвычайно важной для опрошенных. Желательно, чтобы губернатор был уроженцем того региона, которым управляет: «Он как минимум должен быть сахалинцем, как раньше было. Должен быть из наших»; «Он должен быть коренным жителем Москвы. Чтобы прямо его очень трогало лично состояние Москвы, чтобы он относился к городу, как к своему дому»; «Должен быть местным, знать и решать проблемы области...».

Ответы опрошенных показали высокие требования к уровню знаний и компетенций главы региона. Он должен иметь как минимум одно высшее образование (76,9%), причём желательно гуманитарное (42,8%). Такой запрос может быть реакцией на существующую в последние годы тенденцию назначения в регионы «губернаторов-технократов».

Респонденты представляют роль главы субъекта как соединение *политических и хозяйственных функций*, при этом по-

следние доминируют: «*Это такой завхоз, который умеет управлять хозяйством*». Отличительная особенность идеального губернатора от других типов лидеров состоит именно в важности стоящих перед ним хозяйственных задач.

Выводы

Проведённое исследование привело нас к следующим выводам:

1. Идеальные представления действительно работают в качестве эталона, с которым граждане сравнивают реальных лидеров. В них сконцентрированы ожидания, которые связаны с представлениями, уходящими вглубь национальной политической культуры. Однако такой эталон не является застывшим шаблоном. Он может меняться под влиянием текущей повестки дня.
2. Влияние идеальных образов на восприятие реальных лидеров является прямым и опосредованным. Между идеальным и реальным образами были выявлены не только связь, но и несовпадения в значимости отдельных параметров. Так, если в идеальных образах на первом месте стоят личностные и особенно моральные критерии, то в восприятии реальных лидеров (особенно президента и депутатов) самыми выпуклыми являются профессиональные, деловые и политические

качества. Набор ценностных и культурных смыслов, заложенных в образах идеальных лидеров, основывается на представлениях о том, что лидер для нашего общества — это не просто функция, он прежде всего личность, понятная и психологически близкая последователям. Эти глубинные представления воплощаются в идеале скорее лидера—«отца», чем лидера — «эффективного менеджера», и обладают в большей степени специфическими российскими, чем универсальными чертами. Идеальный образ по своим ценностным, смысловым параметрам связан в большей степени с ценностями «выживания», чем с ценностями «самовыражения», по Инглхарту [12]. Можно предположить, что это обусловлено разрывом между заимствованными извне «рационально-секулярными» представлениями, ценностями и «традиционными», более глубинными представлениями об идеальном лидере, базирующимися на национальном менталитете, его ключевых ценностях. Предложенная Р. Инглхартом модель плохо работает на российской почве. Внешне наборы ценностей, определяющие эталон «хорошего лидера», выглядят как заимствованные в постсо-

ветские годы образцы. Но они отторгаются, если противоречат глубинным слоям политических убеждений и ценностей.

3. Между идеальными представлениями о лидерах разных типов есть существенные отличия. Так, для образа идеального президента характерны ожидания прежде всего в отношении его *личностных качеств, особенно моральных*. Для губернатора же важнее всего его «хозяйственные» характеристики. Идеальные образы депутатов наиболее сильно связаны с реальными образами, которые влияют на представления о том, каким депутат не должен быть (антипод), чем каким он должен быть (идеал).
4. При всех отличиях в представлениях об идеальных лидерах разного типа между ними есть и определённые сходства. Можно говорить о существовании некоего набора значимых морально-нравственных черт, которыми должен обладать идеальный российский политический лидер. Эти универсальные характеристики, относящиеся к устойчивому ядру представлений об идеальном лидере, играют ключевую роль при оценке гражданами политика любого уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. М.: Антикава, 1993.
2. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / Отв. ред. Е.Б. Шестопап. М.: Весь Мир, 2019.
3. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Политическая реклама. М.: ЦПК «Николло М», 1999.
4. Иванова М.Г. Роль национальных архетипов для формирования образа будущего России // Вестник РУДН. Серия Политология. 2017. № 3. С. 309–315. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-3-309-315>.
5. Мельникова А.А., Круглянская Л.Я. Архетипы лидера и глубинные основания в культуре: лингво-культурологическое исследование // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1. С. 194–197.
6. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. New Jersey: Princeton University Press, 1963.
7. Chhokar J.S., Brodbeck F.C., House R.J. (eds.). Culture and leadership across the world: The GLOBE book of in-depth studies of 25 societies. London: Routledge, 2013.
8. Gold J., Thorpe R., Mumford A. (eds.). Handbook of leadership and management development. Aldershot: Gower, 2010.

9. Harter N. Great man theory // Marturano A., Gosling, J. (eds.) Leadership: the key concepts. London: Routledge, 2008. P. 67–71.
10. Hartley J., Hinksman B. Leadership development a systematic review of the literature. London: NHS Leadership Centre, 2003. P. 1–78.
11. House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman Pw.W., Gupta V. Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 societies. London: Sage, 2004.
12. Inglehart R., Welzel C. The WVS Cultural Map of the World. WVS // World Values Survey. 2013. № 19. P. 10. <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 30.01.2020).
13. Markova I. Dialogicality and social representations. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
14. Political Culture and Democracy in Developing Countries / Ed. by L. Diamond. Boulder: Lynne Rienner, 1993.
15. Stogdill R.M. Personal factors associated with leadership: a survey of the literature // Journal of Psychology. 1948. № 25. P. 35–71.
16. The Psychology of Leadership: New Perspectives and Research / Ed. David M. Messick and Roderick M. Kramer. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005.
17. Trent J.S., Short-Thompson C., Mongeau P.A., Metzler M.S. The Consistent Attributes of the Ideal Presidential Candidate in an Increasingly Divided Electorate // American Behavioral Scientist. 2017. № 61 (3). P. 278–297. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764217693278>.
18. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018). М.: Весь Мир / Под ред. Е.Б. Шестопал.
19. Vroom V.H. & Yetton P.W. 1973. Leadership and decision-making. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wrc8r>.
20. Kinder D., Peters M, Abelson R., Fiske S. Presidential prototypes in Political behavior // Political Psychology. 2002. 1980. № 2. P. 315–338.

ENGLISH

The Influence of Ideal Political Views on the Perception of Various Leadership Roles

Elena Borisovna Shestopal – Doctor of Philosophy, head of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, head of the project ‘The Image of the Ideal Future: Russian Citizens’ Normative Views of Authorities, Political Institutions, and Leaders’ (20-011-31369).

E-mail: shestop0505@rambler.ru

The paper is focused on Russian citizens’ ideal views on leaders playing different political roles. In the theoretical part of the paper the author analyses these ideal views in the context of various political, psychological and sociological concepts. The theoretical model is developed within the framework of political perception theory.

The basis for the empirical part of the paper was the study of an ideal leader’s image in the mass consciousness of the Russians, conducted in 2020 in 11 Russian regions. It studied the images of the ideal president, governor and deputy. This paper describes the results and compares the views on ideal political leaders playing different roles. The results of the study revealed differences and similarities in the ideal images of three types of leaders, showed the correlation between the ideal and the real images, demonstrated the persistence of ideal images in the deepest layers of Russian political culture, and the influence of these ideal images on the perception of real political leaders.

Keywords: political perception, ideal views, mass consciousness, political culture, images of an ideal president, deputy, governor

REFERENCES

1. Abashkina E., Egorova-Gantman E., Kosolapova Yu., Razvorotneva S., Sivertsev M. Politikami ne rozhdaiutsya: kak stat' i ostat'sya effektivnym politicheskim liderom. M.: Antikva, 1993 (in Russian).
2. Vlast' i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudeniya (1993–2018) / Otv. red. E.B. Shestopal. M.: Ves' Mir, 2019 (in Russian).
3. Egorova-Gantman E.V., Pleshakov K.V. Politicheskaya reklama. M.: TSPK «Nikollo M», 1999 (in Russian).
4. Ivanova M.G. Rol' natsional'nykh arkhetyпов dlya formirovaniya obraza budushchego Rossii // Vestnik RUDN. Seriya Politologiya. 2017. № 3. С. 309–315. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-3-309-315> (in Russian).
5. Mel'nikova A.A., Kruglyanskaya L.Ya. Arkhetipy lidera i glubinnye osnovaniya v kul'ture: lingvo-kul'turologicheskoe issledovanie // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2013. № 1. S. 194–197 (in Russian).
6. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. New Jersey: Princeton University Press, 1963.
7. Chhokar J.S., Brodbeck F.C., House R.J. (eds.). Culture and leadership across the world: The GLOBE book of in-depth studies of 25 societies. London: Routledge, 2013.
8. Gold J., Thorpe R., Mumford A. (eds.). Handbook of leadership and management development. Aldershot: Gower, 2010.
9. Harter N. Great man theory // Marturano A., Gosling, J. (eds.) Leadership: the key concepts. London: Routledge, 2008. P. 67–71.
10. Hartley J., Hinksman B. Leadership development a systematic review of the literature. London: NHS Leadership Centre, 2003. P. 1–78.
11. House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V. Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 societies. London: Sage, 2004.
12. Inglehart R., Welzel C. The WVS Cultural Map of the World. WVS // World Values Survey. 2013. № 19. R. 10. <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (data obrashcheniya: 30.01.2020).
13. Markova I. Dialogicality and social representations. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
14. Political Culture and Democracy in Developing Countries / Ed. by L. Diamond. Boulder: Lynne Rienner, 1993.
15. Stogdill, R.M. Personal factors associated with leadership: a survey of the literature // Journal of Psychology. 1948. № 25. P. 35–71.
16. The Psychology of Leadership: New Perspectives and Research / Ed. David M. Messick and Roderick M. Kramer. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005.
17. Trent J.S., Short-Thompson C., Mongeau P.A., Metzler M.S. The Consistent Attributes of the Ideal Presidential Candidate in an Increasingly Divided Electorate // American Behavioral Scientist. 2017. № 61 (3). P. 278–297. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764217693278>.
18. Vlast' i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudeniya (1993–2018). M.: Ves' Mir / Pod red. E.B. Shestopal (in Russian).
19. Vroom V.H. & Yetton P.W. 1973. Leadership and decision-making. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wrc8r>.
20. Kinder D., Peters M., Abelson R., Fiske S. Presidential prototypes in Political behavior // Political Psychology. 2002. № 2. P. 315–338.

Индекс УДК 316.334.3

Код ГРНТИ 04.51.43

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-38-51

**В.К. ЛЕВАШОВ,
О.П. НОВОЖЕНИНА***

Меняющийся образ будущего в сознании российских граждан

На основе эмпирической информации социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проводимого исследователями ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г., а также в рамках проекта «Устойчивость социально-политического развития российского общества и меняющийся образ будущего в массовом сознании граждан» авторы анализируют структуру и характер представлений российских граждан об образе будущего. В центре внимания россиян и социологов находятся понятия «социализм» и «капитализм» как две диалектически связанные системы взглядов, лежащие в основе всех современных идеологий, влияющих на проективное социально-политическое устройство будущего российского общества и государства. В той или иной мере с ними коррелируют ценностные ориентации российских граждан, которые могли бы стать базисными для успешного и устойчивого развития нашей страны в будущем. Целью настоящей статьи является представление результатов социологического анализа образа будущего нашей страны в сознании российских граждан через призму понятий «капитализм», «социализм», «ценности политики возрождения».

Ключевые слова: образ будущего, социологический мониторинг, гражданское общество, капитализм, социализм, ценностные ориентации, социально-политическое устройство общества

Проблемная ситуация

В нашей стране и за рубежом проблема образа будущего в политической культуре граждан актуализировалась в последние десятилетия на фоне обострения глобальной социальной и политической ситуации, требующей неотложного поис-

ка совместных решений. Устойчивость и успешность развития национальных государств в будущем во многом зависят от принятия совместных решений в настоящем. В 2017 г. Национальный разведывательный совет США опубликовал доклад «Глобальные тенденции: пара-

* **Левашов Виктор Константинович** — доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИСПИ ФНИСЦ) РАН, руководитель проекта «Устойчивость социально-политического развития российского общества и меняющийся образ будущего в массовом сознании граждан» (20-011-31185).

E-mail: levachov@mail.ru

Новоженина Ольга Петровна — старший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: olganov@mail.ru

докс прогресса» [1], в котором изложены перспективы развития стран в будущем на период до 2035 г. В докладе отмечается, что главным трендом развития международных отношений в ближайшие годы будут рост напряжённости между странами и кризис международного сотрудничества по глобальным вопросам.

В 2018 г. в Давосе прошёл форум под лозунгом «Создание общего будущего в разрозненном мире»¹. Современную картину и образ будущего развития спрогнозировали авторы доклада «Глобальные риски. Доклад 2020», разработанного в рамках Мирового экономического форума. По их мнению, главными рисками являются экономические конфронтации и внутривнутриполитическая поляризация. В мире усиливается недовольство граждан своим положением, увеличивается число протестов вследствие неудовлетворённости гражданского общества тем, как властные органы решают социальные и экономические проблемы в их странах.

В начале 2020 г. ООН призвала всех жителей планеты присоединиться к глобальному обсуждению проблем, связанных со строительством будущего в стремительно изменяющихся условиях и высокой вероятности возникновения рисков устойчивого развития. Гражданам предлагалось ответить на три главных вопроса: какое будущее мы хотим создать; находимся ли мы на верном пути; какие меры необходимо предпринять?²

Методологическая традиция исследования социального и политического будущего через призму мнений настоящего пришла к нам из глубины веков и совершенствовалась по мере развития методов и инструментов сбора и обработки эмпирической информации. В той или иной мере она использовалась в трудах

Конфуция, Аристотеля, Платона и многих других мыслителей Востока и Запада, перечисление даже части имён которых невозможно в силу ограниченных объёмов этой публикации [2–4]. В ряду исследователей и социальных конструкторов образа будущего нельзя не вспомнить отечественных и зарубежных классиков общественной мысли К. Маркса, В.И. Ленина, Н.А. Бердяева, Д. Гэлбрейта, Й. Шумпетера, М. Фридмана, Ф. Хайека, Э. Тоффлера [5–10]. В российских научных публикациях последних лет проблематика образа будущего в различных философских, социологических и политологических аспектах затрагивалась в работах М.К. Горшкова [11] и многих других исследователей. Изложенные в этой статье методики и результаты измерений индикаторов социально-политической устойчивости, потенциала гражданского общества и прожективного образа будущего разрабатывались и апробировались на протяжении тридцати лет коллективом исследователей ИСПИ ФНИСЦ РАН [12–14]³.

Формирование образа будущего в сознании российского общества происходит сегодня в условиях резкого изменения условий жизнедеятельности, вызванного, с одной стороны, пандемией коронавируса и порождённым ею глобальным социально-политическим и социально-экономическим кризисом, с другой – непрекращающимся потоком политических и экономических санкций со стороны западных стран. В качестве одной из форм самоидентификации общества образ будущего отражает совокупность представлений граждан о жизни России в прошлом, настоящем и будущем, о доминирующих тенденциях общественного развития, о возможных направлениях развития этих тенденций и, в конечном итоге, определяет стратегическую перспективу развития

¹ <https://www.weforum.org/focus/davos-2018> (дата обращения: 29.11.2021).

² URL: <https://www.un.org/ru/un75/join-conversation> (дата обращения: 29.11.2021).

³ К настоящему моменту коллективом исследователей под руководством В.К. Левашова проведены 51 этап социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» и ряд других социологических исследований по проблематике статьи.

российского государства и гражданского общества. Фокусируя представления различных социальных слоёв на социальных, политических, экономических, духовных аспектах будущей жизни, актуальный «modus vivendi» выражает субъективную оценку аспектов настоящего, степень желательности или, напротив, отказа от включения их в те параметры социума, которые достойны продолжения.

Таким образом, исследуя образ будущего в общественном сознании, социологи обращаются прежде всего к настоящему сознанию граждан, поиску ответа на вопрос о том, какое место в нём занимает будущее в виде социальных ожиданий, настроений, тревог и опасений, какие факторы влияют на представления граждан о будущем и как эти факторы реактивно воздействуют на актуальную социальную реальность.

Цель и задачи исследования

Описание будущего общества и государства в утопических романах начинается с постулирования идеальной социально-политической системы отношений, конструирование которой ставят своей целью авторы. Создание некоего идеала социально-политического устройства общества, к которому можно было бы солидарно стремиться, национальной идеи действительно способствовали бы преодолению социально-политического отчуждения в российском обществе, устойчивому развитию страны, государства и общества. При этом российское общество в своих оценочных суждениях о том, чьи интересы выражает российское государство, о политической системе российского общества, об актуальных противоречиях в обществе показывает крайне противоречивые мнения, оставаясь в политическом и в идеологическом отношении расколотым обществом. Однако, несмотря на многообразие декларируемых политических взглядов и разнообразие политических партий, российские граждане, как правило, не имеют чёткого представления об идеологических

и политических конструктах. При этом существуют понятия, занимающие прочное место в общественном сознании, связанные с исторической памятью и огромным культурно-образовательным багажом, который при этом имеет как позитивные, так и негативные смыслы, поддерживаемые и развиваемые современными средствами массовой информации различных идейно-политических окрасок.

«Социализм» и «капитализм» как две диалектически связанные системы ценностей и ориентаций — в той или иной форме, в большей или меньшей степени — лежат в основе всех современных идеологий, смешиваются и проявляются в объективной реальности и в общественном сознании. Радикальные либеральные преобразования в России начались со слома политических, экономических и социальных основ социализма под лозунгами рыночных реформ, приватизации, десоциализации и деидеологизации. Эти процессы в разное время принимали различные формы, они продолжаются и сейчас. Соответственно, в массовом сознании гражданского общества сформировалась картина кризиса ценностных ориентаций, возникла проблемная ситуация в понимании социальной и политической сути происходящего, анализ и пути разрешения которой являлись предметом нашего исследования [15].

Эмпирической базой исследования динамики анализируемых показателей выступают данные социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проводимого коллективом исследователей Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. Данные 51-го этапа мониторинга приведены в бюллетене «Как живёшь, Россия? Экспресс-информация. 51-й этап социологического мониторинга, июнь 2021 года» [16]. Результаты эмпирических исследований, проводившихся с 1992 г., изложены в научных докладах и монографиях [14, 17], статьях в научных журналах и сборниках [18–20].

Что такое в понимании респондентов «социализм» и «капитализм»?

В ходе декабрьского 2020 г. всероссийского исследования «Куда идёшь, Россия?» респондентам был задан вопрос: «Существуют два известных понятия: “социализм” и “капитализм”. Что каждое из них для Вас означает?» Был предложен набор вариантов ответов из понятий, которые часто встречаются в средствах массовой информации и обычно имеют либо социально негативную, либо позитивную коннотацию. Результаты измерения показаны в табл. 1, каждая группа ранжирована по степени убывания.

Распределение ответов по понятию «социализм» показывает, что практически все

альтернативы, указанные респондентами в первой десятке, являются позитивными: патриотизм — 48%, порядок — 44%, коллективизм — 38%, справедливость — 29%, взаимопомощь — 27%, нравственность — 25%, технический прогресс — 23%, права человека — 20%, народовластие, духовность, гуманизм — 18%. Лишь одна альтернатива из двенадцати, занявших первые десять позиций, является негативной — это бедность (18%). Наименее характерными для социализма, по мнению респондентов в 2020 г., были экономическая отсталость, социальная незащищённость, коррупция, частная собственность, конкуренция, преступность (от 7% до 1%).

Картина представлений респондентов о капитализме выдержана скорее в нега-

Таблица 1

Операциональные когнитивные представления респондентов о понятиях «социализм» и «капитализм»
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных. N = 1563)

Социализм	%	Ранг	Капитализм	%	Ранг
Патриотизм	48	1	Частная собственность	63	1
Порядок	44	2	Конкуренция	57	2
Коллективизм	38	3	Власть узкой группы людей	45	3
Справедливость	29	4	Технический прогресс	41	4
Взаимопомощь	27	5	Коррупция	40	5
Нравственность	25	6	Социальная незащищённость	28	6
Технический прогресс	23	7	Бедность	23	7
Права человека	20	8	Подавление личности	20	8
Народовластие	18	9	Преступность	19	9
Духовность	18	9	Высокий уровень жизни	19	9
Бедность	18	9	Свобода	17	10
Гуманизм	18	9	Порядок	5	
Высокий уровень жизни	13	10	Права человека	8	
Свобода	11		Патриотизм	1	
Подавление личности	11		Коллективизм	2	
Власть узкой группы людей	11		Экономическая отсталость	4	
Экономическая отсталость	7		Справедливость	2	
Социальная незащищённость	6		Гуманизм	2	
Коррупция	2		Народовластие	2	
Частная собственность	1		Нравственность	1	
Конкуренция	1		Духовность	1	
Преступность	1		Взаимопомощь	1	

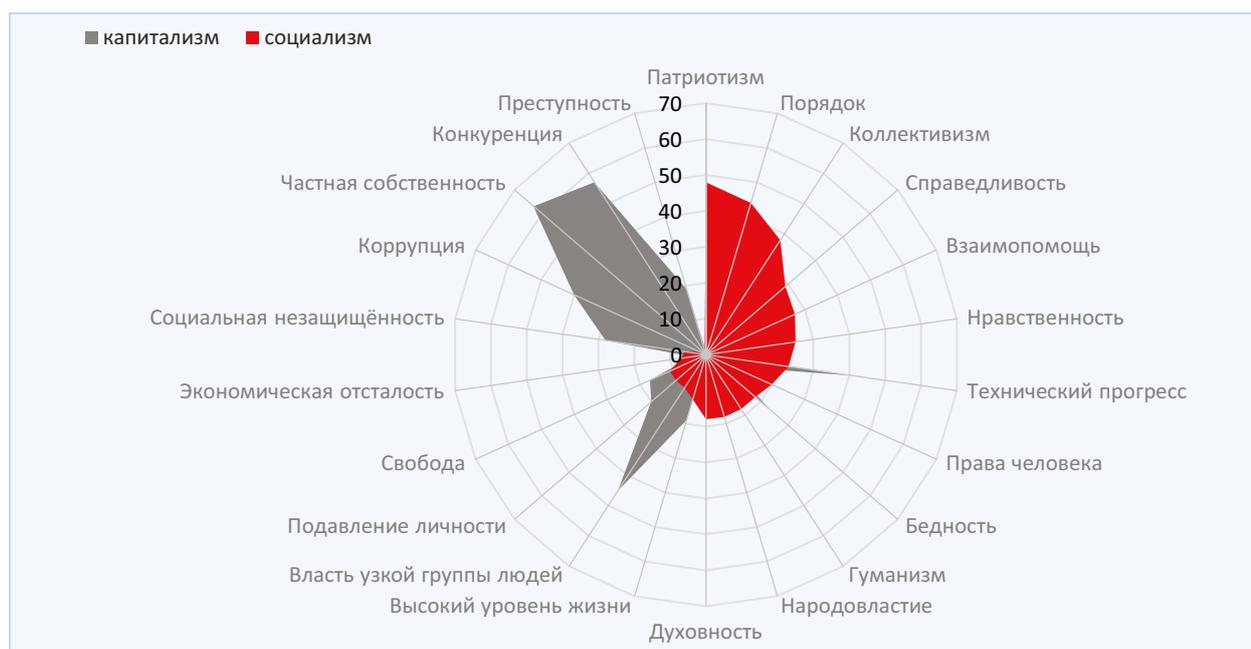

Рис. 1. Структура мнений респондентов о том, что означает для них понятие «социализм»

тивных тонах: из одиннадцати характеристик, занявших первые десять позиций, восемь — социально негативного или нейтрального содержания: частная собственность — 62%, конкуренция — 57%, власть узкой группы людей — 45%, коррупция — 40%, социальная незащищённость — 28%, бедность — 23%, подавление личности — 20%, преступность — 19%, а три — социально

позитивных: технический прогресс — 41%, высокий уровень жизни — 19%, свобода — 17%. В наименьшей степени с капитализмом у респондентов ассоциировались гуманизм, народовластие, патриотизм, нравственность, духовность, взаимопомощь (2%–1%).

При формировании стратегии устойчивого развития общества, особенно

Рис. 2. Структура мнений респондентов о том, что означает для них понятие «капитализм»

мотивации политического и экономического поведения, необходимо учитывать особенности образа, который уже сложился в массовом сознании. Поэтому ещё раз отметим, что большинство россиян понятие «социализм» совмещает в первую очередь с социально позитивными характеристиками – патриотизм, порядок, коллективизм, справедливость, взаимопомощь (рис. 1), а понятие «капитализм» – в основном с нейтральными или негативными ценностями и представлениями о жизни: с частной собственностью, конкуренцией, властью узкой группы людей, коррупцией (рис. 2). Графики это чётко демонстрируют. Целесообразно учитывать такую корреляцию ценностей при позиционировании смыслов образа будущего вокруг устойчивого ядра фундаментальных ценностей современного российского общества. Отметим, что три первых по весу позитивных характеристики социализма и капитализма могут составить сегодня когнитивную матрицу представлений массового сознания об идеальном обществе (рис. 3).

Социализм:		Капитализм:	
Патриотизм	48%	Технический прогресс	41%
Порядок	44%	Высокий уровень жизни	19%
Коллективизм	38%	Свобода	17%

Рис. 3. Проективная когнитивная матрица представлений массового сознания об идеальном обществе

Какой тип социально-государственного устройства предпочтительнее?

Мониторинговые измерения показывают, что в российском обществе всё ещё идут сложные процессы социополитической идентификации, и качественного перелома в сторону социалистических или капиталистических ценностей и идей в видении образа будущего пока не произошло (табл. 2).

В декабре 2020 г. четверть от общего числа респондентов заявляли, что хотели бы жить в социалистическом обще-

Таблица 2

Динамика ответов на вопрос, в каком обществе хотели бы жить респонденты (РФ, % от числа опрошенных)

	В социалистическом	В капиталистическом	В каком-то другом	Затруднились ответить
1998, XII	38	22	10	30
2000, V	31	21	12	36
2000, XII	31	21	18	31
2002, XII	29	19	14	38
2003, X	31	23	11	35
2004, VI	34	22	8	36
2006, I	32	19	10	39
2008, II	33	18	10	39
2009, VI	34	20	10	36
2011, VI	36	19	8	37
2012, IV	39	18	7	36
2014, VI	33	16	7	44
2016, VI	32	15	6	47
2018, V	29	24	6	41
2020, XII	26	21	4	49

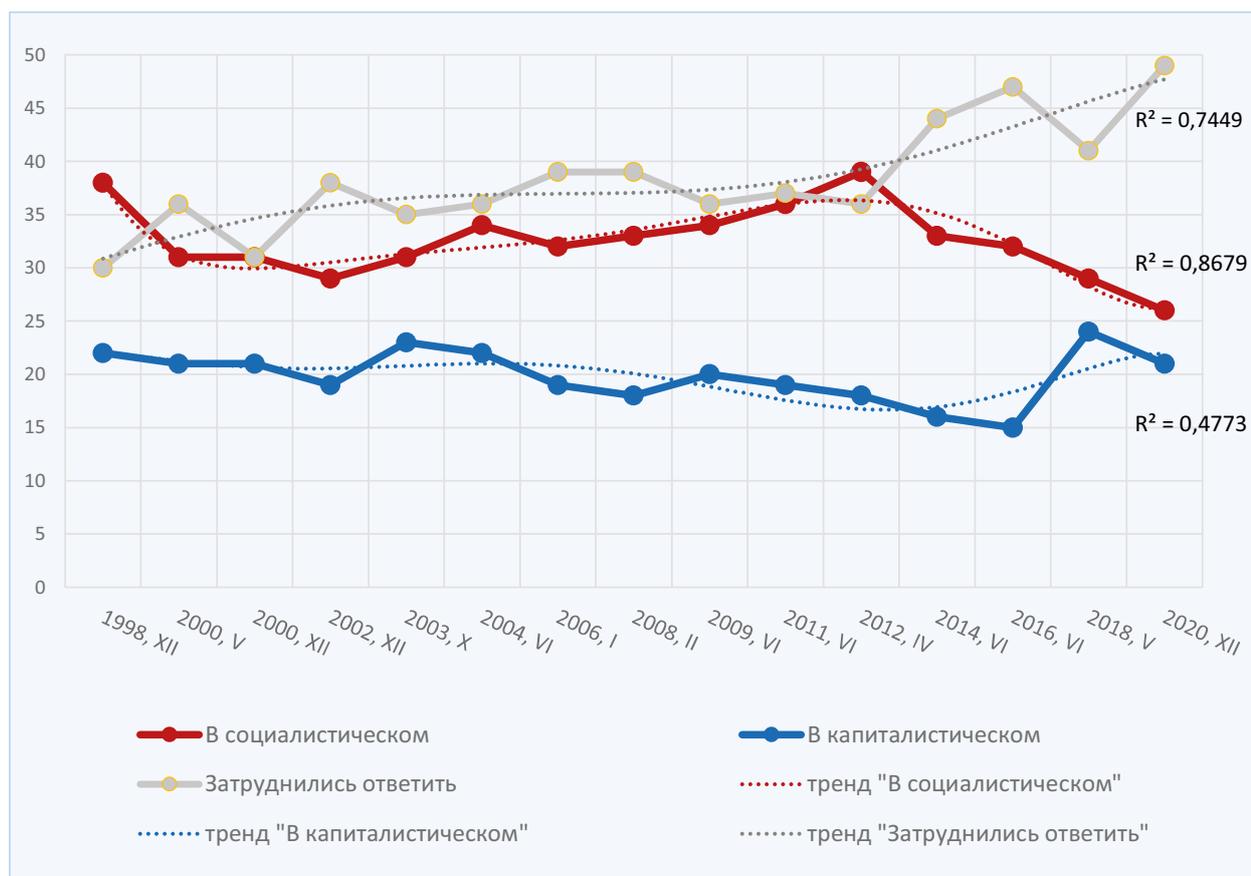

Рис. 4. Динамика и тренды мнений респондентов о том, в каком обществе они хотели бы жить

стве (26%), пятая часть — в капиталистическом (21%). Хотя жить в каком-то другом обществе 4% опрошенных, а почти половина респондентов (49%) затруднились ответить на вопрос. Приведённые на графике (рис. 4) полиномиальные тренды шестой степени отражают динамику представлений российских граждан о том, каким они хотят видеть социальное устройство будущего российского общества. Доля респондентов, которые видят своё будущее в социалистическом обществе, изменяется разнонаправленно, но после 2012 г. имеет выраженную тенденцию к снижению (достоверность аппроксимации — 87%), хотя пока превышает долю тех, кто предпочёл бы жить при капитализме. При этом вероятность сколько-нибудь значительного роста числа граждан, которые видят своё будущее в капиталистическом обществе, невелика (тренд показывает достоверность аппроксимации менее 50%).

Обратим, однако, внимание на уверенный рост числа респондентов, затруднившихся с выбором образа будущего социального устройства России. Если в 1998 г. их доля составляла треть, то в 2020 г. — уже половину опрошенных, и их доля с достаточно большой степенью вероятности (тренд показывает достоверность аппроксимации 75%) будет расти. Такая динамика ответов показывает, что практически половина гражданского общества сегодня не определилась в своём отношении к будущему, испытывает неуверенность, возможно, старается не думать о перспективах, переживает сомнения. С одной стороны, возникают угрозы проявления фрустраций в различных сегментах общества, что может привести к усилению рисков устойчивого развития государства и страны в целом. С другой стороны, возможно, всё большая часть российских граждан ищет какие-то новые социально-политические ориентиры вне

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос, в каком обществе хотели бы жить респонденты
(РФ, % от числа опрошенных)

	Молодёжь ¹	Средний возраст	Старший возраст	Массив
В социалистическом	17	26	35	26
В капиталистическом	29	24	11	21
В каком-то другом	7	4	2	4
Затруднились ответить	48	47	52	49

узкого смыслового континуума «капитализм—социализм».

Предпочтительные формы социально-политического устройства ожидаемо различны для разных возрастных когорт (табл. 3).

В представлениях разных поколений одни и те же социальные изменения воспринимаются неоднозначно, образуют сложные конструкты, определяющие различные образы России. Если среди молодёжи наблюдается явное предпочтение капиталистического устройства, то для более старших возрастных групп столь же очевиден выбор в пользу социализма. При половине затруднившихся ответить в группах около трети молодёжи желает жить при капитализме, а более трети старшей возрастной группы – при социализме.

Ключевые понятия политики возрождения России в представлениях граждан

Какие же ценностные ориентации в своей корреляции с понятиями «социализм» и «капитализм» могли бы стать базисными для устойчивого развития и успешного образа нашей страны в будущем? Какие понятия, по мнению респондентов, должны лечь в основу политики развития, независимости и процветания России? Исследования показали следующее распределение предпочтений (табл. 4).

Определение композиции идей, ценностных ориентаций, которые можно было бы положить в основу массовой политической идеологии – политики возрождения России, показало, что предпочтения респондентов остаются постоянными на протяжении многих лет. В зависимости от конкретной ситуации на период измерения меняется иерархия понятий, меняется число респондентов, выбравших то или иное понятие, но неизменными в их композиции остаются закон, порядок, справедливость, права человека.

Спарклайны, помещённые справа от таблицы на рис. 5, позволяют визуально отследить динамику мнений большинства респондентов о понятиях, которые они видят в основе политики возрождения России. Отметим значительный рост всех основных показателей по сравнению с измерением, сделанным в 2014 г., а также резкую положительную динамику в восприятии гражданским обществом таких ценностей, как патриотизм, созидание и державность. При этом оценка «социализма» как понятия, могущего лечь в основу возрождения страны, резко снизилась.

Структура ценностных социально-политических ориентаций российской молодёжи в конце 2020 – начале 2021 г. несколько отличается от структуры базисных ценностных ориентаций более старших

¹ Для проведения анализа в данной статье массив респондентов был сгруппирован по признаку возраста в три группы: молодёжь (до 35 лет), средний возраст (36–50 лет) и старший возраст (51 год и более). Выделение в категорию «молодёжь» респондентов от 18 до 35 лет обусловлено закреплением соответствующей возрастной группы в Федеральном законе от 30.12.2020 года № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации».

Таблица 4

**Распределение мнений респондентов о понятиях, которые
могли бы лечь в основу политики возрождения России**

	1995, I	1997, I	1998, XII	2000, V	2012, IV	2014, VI	2020, XII
Мир	33	21	15	18	16	19	47
Закон	-	33	31	41	35	22	43
Порядок	36	33	29	30	24	22	36
Права человека	37	24	21	22	23	19	32
Справедливость	44	29	22	24	28	24	30
Патриотизм	-	6	10	10	13	15	24
Свобода	20	19	15	11	16	19	22
Созидание	-	8	10	11	8	11	21
Державность	10	8	12	14	14	14	20
Духовность	13	9	8	12	12	13	15
Государственность	-	11	11	12	10	10	15
Демократия	-	-	-	-	-	-	15
Российская империя	-	3	4	4	2	4	13
Культура	-	-	-	-	-	-	13
Нравственность	-	7	8	7	9	7	12
Равенство	10	8	6	7	12	11	11
Взаимопомощь	-	-	-	-	5	4	11
Согласие	-	9	11	10	8	10	10
Частная собственность	14	12	11	9	7	4	10
Социализм	14	8	13	11	10	8	8
Конкуренция	-	-	-	-	3	5	7
Народовластие	14	11	8	9	8	7	6
Нация	4	4	4	7	5	5	6
Капитализм	3	2	3	4	4	3	6
Интернационализм	7	2	3	2	4	2	6
Православие	8	5	9	6	7	7	4
СССР	-	10	9	6	3	5	4
Религиозность	3	3	2	2	2	3	4
Братство	6	19	4	4	4	7	2
Народность	4	2	5	1	3	3	2
Самодержавие	2	2	1	2	2	4	1

демографических когорт и всего российского общества (табл. 5).

Мы ограничились рассмотрением в таблице тех ценностей, которые получили признание не менее 20% респондентов

в группах либо по всему массиву. Отклонения от среднего по массиву показателя не менее чем на 3 процентных пункта в сторону увеличения выделены синим цветом, в сторону уменьшения – красным.

	1995, I	1997, I	1998, XII	2000, V	2012, IV	2014, VI	2020, XII	Динамика
Мир	33	21	15	18	16	19	47	
Закон	-	33	31	41	35	22	43	
Порядок	36	33	29	30	24	22	36	
Права человека	37	24	21	22	23	19	32	
Справедливость	44	29	22	24	28	24	30	
Патриотизм	-	6	10	10	13	15	24	
Свобода	20	19	15	11	16	19	22	
Созидание	-	8	10	11	8	11	21	
Державность	10	8	12	14	14	14	20	
Социализм	14	8	13	11	10	8	8	

Рис. 5. Динамика ценностных ориентаций, отмеченных не менее чем 20% респондентов в 2020 г.

Таблица 5

Распределение мнений респондентов по массиву и в возрастных группах о понятиях, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России

	Молодёжь	Средний возраст	Старший возраст	Массив
Мир	50	46	44	47
Закон	50	38	40	43
Порядок	31	38	40	36
Права человека	38	29	30	32
Справедливость	29	31	29	30
Патриотизм	21	23	28	24
Свобода	26	20	18	22
Созидание	23	23	17	21
Державность	17	24	20	20
Демократия	22	13	10	15

Как видим, для молодёжи гораздо более значимы, чем в среднем по массиву, в качестве элементов образа будущего России понятия «закон» (на 7 п.п.), «демократия» (7 п.п.), «права человека» (6 п.п.). При этом расхождения с мнением старшей возрастной группы составляют соответственно 10, 12 и 8 п.п. Кроме того, молодёжь выше остальных групп оценивает мир и свободу, ниже остальных — порядок, патриотизм

и державность. А понятие «справедливость» не дифференцируется возрастом — его считают достойным принципом формирования будущего России до трети респондентов во всех возрастных группах.

По своей общей направленности и содержанию выявленная композиция идей возрождения России хорошо коррелирует с приоритетами ценностей социализма, сложившимися в массовом сознании, хотя

само понятие «социализм» постепенно перешло с шестой позиции в ранговой структуре 1995 г. к шестнадцатой — в 2020 г. (см. табл. 4, рис. 5). Стремление к закону (правовому государству), справедливости, порядку, правам человека — это те тревожные центры массового сознания, которые сегодня и в будущем станут в значительной степени определять общественную ситуацию в стране, влиять на политический выбор, в конечном итоге — определять образ будущего.

Заключение

Положительный тренд, зафиксированный и вскрытый проведённым исследованием, демонстрирует индикатор необходимости трансформации политической системы российского общества. Постепенный рост доли респондентов, которых полностью устраивает политическая система общества, сопровождается снижением числа «радикалов», настаивающих на её полной смене. Всё меньше российских граждан стремятся к преобразованию политической системы насильственным путём. Общая тенденция массового отчуждения населения от проводимых реформ выразилась в том, что большая часть российского общества определённо осознала для себя проигрыш от их осуществления. Будучи отстранённой от управления собственностью, практически только на выборах участвуя в демократических процедурах, подавляющая часть населения не доверяет новым группам элиты: банкирам, крупным предпринимателям, олигархам, коррумпированной верхушке бюрократического аппарата. Низко доверие к должностным лицам госаппарата, полиции, всех правоохранительных органов. Время

от времени обостряется фундаментальное социально-политическое противоречие: государство своей политикой радикальных либеральных реформ противопоставляет себя обществу, а общество, исчерпав внутренние резервы выживания, не поддерживает асоциальную направленность проводимых преобразований.

По результатам общения с родственниками и друзьями, более половины респондентов отмечают формирование оптимистического образа будущего в своём сознании. Пессимистические перспективы после общения с семьёй отмечает лишь каждый пятый. Число респондентов, оценивших своё видение будущего в целом как оптимистическое (36%), значительно превышает число тех, кто смотрит в будущее с пессимизмом (20%). При этом высокой остаётся доля граждан, затруднившихся однозначно оценить свой взгляд на будущее (44%). Полученная самооценка образа будущего в целом хорошо коррелирует с наличием у граждан уверенности в завтрашнем дне (да — 35%; нет — 29%, затруднились — 36%). В результате пребывания в информационно-коммуникационном пространстве, просмотра и прослушивания передач по радио и телевидению, знакомства с информацией в Интернете, общения в социальных сетях, общения с родственниками и друзьями у российских граждан складывается скорее оптимистический образ будущего. Основной вклад в его формирование при этом принадлежит родственникам и друзьям (межличностное общение), а менее всего участвует в создании положительной картины настоящего и будущего информация в Интернете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Trends: Paradox of Progress. A publication of the National Intelligence Council. January 2017. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/gt-full-report-2017.pdf> (дата обращения: 29.11.2021).
2. Конфуций. Суждения и беседы / Конфуций / Пер. с кит. П.С. Попова. М.: АСТ, 2018.
3. Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–779.

4. Платон. Государство. М.: Наука, 2005.
5. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: Политическая литература, 1961.
6. Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Политическая литература, 1974. С. 1–120.
7. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Наука, 1990.
8. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. The New Industrial State (1967). М.: АСТ, 2004.
9. Хайек Ф.А. Общество свободных = The political order of a free people. London: Overseas publ. interchange, 1990.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2004.
11. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М.К. Горшков и др.]; Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018.
12. Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ: монография / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.
13. Левашов В.К. Новые социально-политические противоречия на пути достижения устойчивого развития // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 107–119. DOI: 10.31857/S013216250003174-4.
14. Левашов В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 32–46.
15. Куда идёшь, Россия? Экспресс-информация / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021.
16. Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Гребняк О.В., Новоженина О.П. Как живёшь, Россия? Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 г.: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021.
17. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [Коллективная монография] / Осипов Г.В. и др.; Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ПЕРСПЕКТИВА, 2020. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.
18. Левашов В.К. Кому живётся весело, вольготно на Руси? // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 165–170. DOI: 10.31857/S013216250004600-3.
19. Левашов В.К. Потенциал развития гражданского общества в России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3 (100). С. 64–80. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-64-80.
20. Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живёшь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: Материалы научно-практической конференции (Москва, 10 декабря 2020 г.) / Отв. ред. О.П. Новоженина; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. URL: <http://испи.рф/product/декчтения-2>. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020.

ENGLISH

The Changing Image of the Future in the Minds of Russian Citizens

Viktor Konstantinovich Levashov – Doctor of Social Sciences, Director of the Institute of Social and Political Studies of the Federal Research Sociological Center (ISPS FRSC) of the Russian Academy of Sciences, head of the project ‘Stability of Social and Political Development of Russian Society and the Changing Image of the Future in the Mass Consciousness of Population’ (20-011-31185).

E-mail: levachov@mail.ru

Olga Petrovna Novozhenina – senior researcher at ISPS FRSC RAS, executor of the same project.

E-mail: olganov@mail.ru

On the basis of empirical data of the sociological monitoring ‘How are you, Russia?’, conducted by the researchers of ISPS FRSC RAS since 1992, as well as the project ‘Stability of Social and Political Development of Russian Society and the Changing Image of the Future in the Mass Consciousness of Population’ the authors analyse the structure and character of Russian citizens’ perceptions of the image of the future. The paper focuses on the concepts of socialism and capitalism as two dialectically related view systems that underlie all modern ideologies, which influence the projective socio-political structure of the future Russian society and state. To some extent, the value orientation of Russian citizens correlates with those, which could become the basis for the successful and sustainable development of our country in the future. The paper is aimed at presenting the results of the sociological analysis of how the Russians see the future of the country via of the concepts of ‘capitalism’, ‘socialism’, ‘values of the revival policy’.

Keywords: image of the future, sociological monitoring, civil society, capitalism, socialism, value orientation, socio-political structure of society

REFERENCES

1. Global Trends: Paradox of Progress. A publication of the National Intelligence Council. January 2017. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/gt-full-report-2017.pdf> (data obrashcheniya: 29.11.2021).
2. Konfutsiy. Suzhdeniya i besedy / Konfutsiy / Per. s kit. P.S. Popova. M.: AST, 2018 (in Russian).
3. Aristotel'. Politika / Aristotel'. Sochineniya: V 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1983. S. 376–779 (in Russian).
4. Platon. Gosudarstvo. M.: Nauka, 2005 (in Russian).
5. Marks K. Kritika Gotskoy programmy // Marks K., Engel's F. Soch. T. 19. M.: Politicheskaya literatura, 1961 (in Russian).
6. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya // Polnoe sobranie sochineniy. 5-e izd. T. 33. M.: Politicheskaya literatura, 1974. S. 1–120 (in Russian).
7. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva. M.: Nauka, 1990 (in Russian).
8. Gelbreyt Dzh. Novoe industrial'noe obshchestvo. The New Industrial State (1967). M.: AST, 2004 (in Russian).
9. Khayek F.A. Obshchestvo svobodnykh = The political order of a free people. London: Overseas publ. interchange, 1990.
10. Toffler E. Shok budushchego. M.: AST, 2004 (in Russian).

11. Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsiy v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza / [M.K. Gorshkov i dr.]; Otv. red. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. M.: Ves' Mir, 2018 (in Russian).
12. Levashov V.K. Rossiyskoe gosudarstvo i obshchestvo v period liberal'nykh reform: monografiya / V.K. Levashov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurayt, 2020 (in Russian).
13. Levashov V.K. Novye sotsial'no-politicheskie protivorechiya na puti dostizheniya ustoychivogo razvitiya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 12. S. 107–119. DOI: 10.31857/S013216250003174-4 (in Russian).
14. Levashov V.K. Sotsial'noe gosudarstvo: istoricheskiy genezis i dinamika stanovleniya v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 7. S. 32–46 (in Russian).
15. Kuda idyosh', Rossiya? Ekspress-informatsiya / V.K. Levashov, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova [i dr.]; Otv. red. V.K. Levashov; FNISTS RAN. M.: FNISTS RAN, 2021. URL: <http://ispi.rf/p-content/uploads/2021/02/kuda-idesh'-rossiya-ekspress.pdf>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021 (in Russian).
16. Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S., Afanas'ev V.A., Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. Kak zhivyosh', Rossiya? Ekspress-informatsiya. 51 etap sotsiologicheskogo monitoringa, iyun' 2021 g.: [byulleten'] / V.K. Levashov, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova [i dr.]; Otv. red. V.K. Levashov; FNISTS RAN. M.: FNISTS RAN, 2021. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021 (in Russian).
17. Rossiyskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh pandemii: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossiyskoy Federatsii v 2020 godu: [Kollektivnaya monografiya] / Osipov G.V. i dr.; Pod red. G.V. Osipova, S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostovskoy; Otv. red. V.K. Levashov. M.: PERSPEKTIVA, 2020. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532 (in Russian).
18. Levashov V.K. Komu zhivyotsya veselo, vol'gotno na Rusi? // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 4. С. 165–170. DOI: 10.31857/S013216250004600-3 (in Russian).
19. Levashov V.K. Potentsial razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2020. № 3 (100). S. 64–80. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-64-80 (in Russian).
20. Vtorye dekabr'skie sotsial'no-politicheskie chteniya «Kak zhivyosh', Rossiya?». Rossiyskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v 2020 godu: realizatsiya natsional'nykh proektov v usloviyakh postpandemicheskoy real'nosti: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 10 dekabrya 2020 g.) / Otv. red. O.P. Novozhenina; FNISTS RAN. M.: FNISTS RAN, 2020. URL: <http://ispi.rf/product/dekhteniya-2>. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020 (in Russian).

Индекс УДК 32.323

Код ГРНТИ 11.07.45

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-52-62

**О.В. МИЛАЕВА,
А.Е. СИУШКИН***

Женский депутатский корпус Российской Федерации субфедерального уровня: социально-политический состав

В статье предпринят анализ социально-демографических характеристик женского депутатского корпуса субфедерального уровня РФ по восьми федеральным округам. Результаты анализа позволяют говорить о модели конструирования политического поля «сверху», где влияние гендерного подхода минимально. Фундаментом модели женского депутатского корпуса является руководящий состав бюджетных учреждений образования и здравоохранения, который кооптируется в органы представительства через выдвижение от политических партий. Базовым социальным ресурсом для женщин остаётся образование и опыт профессиональной деятельности, которые и реализуются в рамках выбора ими соответствующей сферы в политике через представленность в комитетах «социального профиля». Вследствие чего сложно говорить именно о реализации гендерной повестки, кроме простой репрезентации гендера в политическом поле. В данном случае тип избирательной системы малозначим и не влияет на пропорцию гендерного представительства.

Модель рекрутирования женщин в политику в своих основных чертах претерпела изменения в отношении минимального включения женщин, имеющих опыт государственной и муниципальной службы, как наиболее очевидный административный ресурс. Традиционное представление о женщинах-депутатах как о тандеме «учитель и врач» бюджетного сектора также претерпевает трансформацию: бизнес-сообщество приближается к бюджетному сектору по количеству своих представителей. Педагогика и прочие гуманитарные специальности перестают быть доминирующими профессиями женщин-депутатов; экономика, управление и юриспруденция в совокупности превышают представленность педагогов, что свидетельствует о социальных изменениях в женском представительстве.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендерный анализ, женщина в политике, женское представительство, публичная политика, региональная политика, политическое представительство

* **Милаева Оксана Всеволодовна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Пензенского государственного университета (ПГУ), руководитель проекта «Современная модель женского представительства в региональных парламентах и представительных органах местного самоуправления Российской Федерации» (20-011-31091).

E-mail: milaevaov@mail.ru

Сиушкин Альберт Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории государства и права и политология ПГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: bert_s@mail.ru

Введение

Дискуссия о расширении женского представительства в системе публичной власти и управления, помимо количественного параметра, одной из граней имеет качество базового индивидуального социального ресурса у женщин как субъектов политического процесса. Этот ресурс потенциально может быть конвертирован в социальный капитал в рамках участия в органах представительства разных уровней, в систему социальных связей и отношений, обеспечивающих в обобщённом виде доступ к участию в принятии властных решений и повышение эффективности коллективной деятельности субъектов этих отношений.

В целом российское общество выглядит относительно благополучно по достижению формальных показателей гендерного равенства (89% женщин против 75% мужчин поступают в высшие учебные заведения; практически одинаковое число женщин и мужчин имеют учёные степени (64% против 66%); основная масса женщин (62,3%) трудится на высококвалифицированных рабочих местах [1]. Нельзя назвать патриархальной модель поведения российских женщин и в бизнесе: 32,6% владельцев бизнеса в России — женщины, по этому показателю страна занимает 4-е место в мире [2]. Фактически речь идёт не о формальном праве, а неравенстве возможностей по совокупности причин [3, 4]. Имея конкурентоспособный исходный социальный ресурс, женщины не трансформируют его в социальный капитал [5, 6] в рамках политической деятельности.

В отечественных гендерных исследованиях, охватывающих широкий спектр проблем [7], констатируется, что в сложившейся системе российской публичной политики на протяжении всего постсоветского периода имеется устойчивый дефицит женского участия на всех уровнях власти, что говорит об институционализации сложившегося гендерного дисбаланса, ограниченном использовании социального ресурса [8].

Постановка цели и методология

В рамках настоящей статьи объектом исследования является социальный состав женского депутатского корпуса регионального и муниципального уровней в восьми федеральных округах Российской Федерации¹. В качестве предмета анализа выделены такие характеристики социального ресурса женщин, участвующих в деятельности представительных органов, как профессиональное образование и социально-профессиональный опыт, социальный статус, источники движения.

Методология исследования включает сбор эмпирического материала, составление базы статистических данных, их систематизацию и аналитическую группировку по показателям².

Эмпирическими источниками исследования являлись официальные сайты 170 органов представительства восьми федеральных округов РФ, сайты избирательных комиссий субъектов, сайты информационного электорального сервиса, партийные информационные системы³.

¹ В качестве объекта выступают региональные законодательные органы и органы представительства местного самоуправления административных центров субъектов Российской Федерации в восьми административных округах: 18 субъектов Центрального федерального округа, 11 субъектов Северо-Западного, 8 субъектов Южного, 14 субъектов Приволжского, 7 субъектов Северо-Кавказского, 6 субъектов Уральского, 10 субъектов Сибирского и 11 субъектов Дальневосточного.

² Статистическая группировка осуществлялась при помощи Microsoft Excel. Не учитывались показатели по довыборам, проведённым в ряде субъектов 13.09.2020 г.

³ Исследование проводилось в два этапа: июль–август 2020 — сбор статистических данных на официальных сайтах о состоянии депутатского корпуса до единого дня голосования 13.09.2020; сентябрь–октябрь 2020 — сбор данных об обновлении состава депутатского корпуса.

Таблица 1

**Образование женщин-депутатов региональных
законодательных органов и органов представительной власти местного
самоуправления городов – центров субъектов РФ**

Федеральный округ	Число женщин	Из них имеют				
		высшее образование	социально-профессиональный опыт	среднее образование	степень кандидата наук	степень доктора наук
ЮФО	115	107	1	2	13	3
УФО	62	59	3	–	9	1
СКФО	83	81	3	–	8	7
ДФО	148	125	7	3	6	7
СФО	152	139	6	–	7	2
СЗФО	164	147	4	4	11	4
ЦФО	243	214	16	3	14	8
ПФО	220	188	7	–	34	4
Всего	1187	990	47	12	102	36

Результаты анализа

Ресурсное преимущество российским женщинам-депутатам обеспечивает высокий образовательный ценз, что отмечается всеми исследователями. При этом у женщин-кандидатов остальные ресурсы избирательной кампании меньше, чем у мужчин-кандидатов [9], поэтому социально-профессиональный статус – их основной ресурс. Результаты проведенного исследования в масштабе субфедерального женского представительства это подтверждают: 83,4% имеют высшее образование, 8,6% имеют учёную степень кандидата наук, 3,0% – степень доктора наук (данные представлены в табл. 1).

Значительная часть депутатов имеет второе, некоторые и третье высшее образование, связанное с государственным управлением, организационным менеджментом, юриспруденцией, что следует отнести к «повышению квалификации», позволяющей эффективно осуществлять представительскую деятельность и управленческие функции. Однако это лишь в редких случаях принципиально меняет сферу основной профессиональной деятельности.

По группам образовательных специальностей видно, что больший процент жен-

щин в представительную власть кооптируется за счёт бюджетной сферы, одной из самых феминизированных сфер в спектре профессий в РФ (табл. 2).

Значительное число бюджетников может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, выдвижение представительниц бюджетной сферы в качестве кандидатов используется в основном «партией власти» и может рассматриваться как технология ограничения политической конкуренции при заинтересованности власти в формировании управляемого депутатского корпуса. Больницы и школы зависят от местной власти как с финансовой точки зрения, так и в плане назначения своего руководства. Во-вторых, очевидна кооптация администраторов социально влиятельных сфер в систему власти и управления через внедрение их представителей в органы представительства [10]. В-третьих, типичность и значительность присутствия в городских Думах руководства образовательных и медицинских учреждений отражает значимость социальной политики как одной из основополагающих функций местной власти. Расходы на образование и здравоохранение обычно составляют основную часть городских бюджетов, и де-

Таблица 2

**Специализация высшего образования¹ женщин-депутатов
региональных парламентов и органов представительной власти
административных центров субъектов РФ**

Группы специальностей	Федеральный округ								Всего
	ЮФО	УФО	СКФО	ДФО	СФО	СЗФО	ЦФО	ПФО	
Педагогика	34	21	36	46	61	59	86	60	403
Экономика и управление	29	15	20	33	28	37	56	43	261
Медицина	15	6	11	20	15	17	36	21	141
Инженерно- технические	18	8	4	13	12	19	9	17	100
Юриспруденция	7	4	4	16	13	7	18	28	97
Культура и искусство	3	2	2	6	9	6	8	7	43
Агрономия	3	1	–	3	–	–	2	4	13
Прочие	4	5	6	8	14	16	25	40	118

путатский мандат даёт их руководителям возможность влиять на распределение бюджетных средств, укрепляет их власть внутри организаций. С точки зрения индивидуальной профессиональной траектории политика в таком случае является продолжением карьеры, когда женщины, реализовав себя, выбирают политическую деятельность и продолжают успешную карьеру уже на этом поприще [11].

Значительный вес среди бюджетников имеют представительницы образования и здравоохранения, из которых и ранее рекрутировалась основная часть женщин в представительные органы. Обладательниц педагогического образования в депутатском корпусе почти в два раза больше, чем специалистов в области экономики и управления, хотя многие из педагогов получают второе высшее образование именно в сфере администрирования. Второе место занимают специалисты в области экономики и управления (22,0%). Традиционно женский депутатский корпус называют сообществом учителей и врачей. Если в отношении педагогов изменений нет, то вот медики находятся лишь на треть-

ем месте (11,9%), причём не во всех федеральных округах, значительно уступая первым двум. На четвёртом месте находятся инженерно-технические специальности (8,4%), что всегда характерно для женского депутатского корпуса, в отличие от мужского, где преобладают инженерные и строительные специальности. Пятое место занимают юристы (8,2%). Совсем незначительно представлены такие группы специальностей, как агрономия (1,1%), культура и искусство (3,6%). Прочие специальности (филология, история, технология, пищевая промышленность, физкультура, социальная работа и пр.) составляют 9,6%.

В 1990-е гг. многие региональные парламенты и местные советы были de facto «думами врачей и учителей». В исследуемом составе 544 женщины (46,2%) представляют именно эти профессии, что уже не является подавляющим большинством. Представительницы педагогической профессии лидируют во всех органах власти, но конфигурация позиций на вторых и третьих местах в разных округах отличается. Так, в ЮФО, СЗФО, УФО первую триаду составляют педагогические,

¹ Принималась во внимание специализация первого высшего образования.

экономико-управленческие, инженерно-технические специальности. Меньше всего (в процентном соотношении) педагогов в ПФО, где представлены в убывающей последовательности педагогические, экономико-управленческие, юридические специальности. В СКФО, ДФО, СФО, ЦФО мы видим на третьем месте медицину (педагогические, экономико-управленческие, медицинские специальности).

Если исключить всех женщин, работающих на постоянной политической основе, пенсионеров и временно неработающих, то можно обнаружить незначительную тенденцию к выравниванию присутствия бизнеса и бюджетного сектора в представительстве. Из 888 работающих депутатов 54,1% (481 человек) представляют бюджетный сектор, 35,7% – бизнес (317 человек). Наименьшее число женщин даёт такой институт рекрутирования властной элиты, как некоммерческие организации (НКО) (1,0%; 90 человек), возможности которого в качестве источника выдвижения используются пока крайне слабо. Тем не менее в перспективе, на наш взгляд, именно третий сектор обладает большими возможностями для гендерного подхода при конструировании социального капитала. Этот источник вхождения женщин в политическое пространство в меньшей степени зависит от конструирования модели представительства «сверху», поскольку деятельность в рамках такого рода практических сообществ подрывает существующую систему гендерных стереотипов и привычную модель кооптации властью женщин-политиков из подконтрольных сфер [8].

Женский депутатский корпус непропорционален в отношении иерархии представленности социального состава, можно говорить о тенденции к социальной закрытости. Так, среди занятых не на профессиональной основе, но с включением работающих в структурах аппаратов политических партий 723 человека (80,1%) – это организационное руководящее звено вне зависимости от сферы экономи-

ческой деятельности. Можно отметить только 169 специалистов (18,8%), занятых на не ключевых позициях в социально-экономической сфере, и пять представительниц рабочих профессий. Среди депутатов больше тех, кто указал статус временно не работающих (22 человека), чем рабочих. На постоянной профессиональной основе работают менее 300 депутатов, в основном депутатская деятельность является дополнительной общественной нагрузкой, основную профессиональную женщины не оставляют. Ещё 299 человек работают на профессиональной основе, занимаются партийной деятельностью, являются пенсионерами и безработными. Фактически в действующем составе представительская деятельность является дополнением к владению бизнесом или к администрированию бюджетной организаций.

Устойчивая гендерная пирамида наблюдается в распределении позиций в руководстве представительными органами, где сосредоточено более трети всего женского состава. Это значительно превышает уровень 10–20-летней давности, но в высшем руководстве сосредоточен относительно небольшой процент женщин (табл. 3).

Минимальное число женщин (89 человек) являются главами или заместителями глав представительных органов, почти столько же (87) – руководителями фракций, эти позиции могут совмещаться. Основная масса сосредоточена в руководстве среднего звена на уровне председателя/заместителя председателя комиссии или комитета. Отметим, что по результатам проведённого ранее опроса женского депутатского корпуса [12] почти треть респондентов (32,2%) считала отстранение женщин от управления в представительных органах, препятствия при выдвижении на руководящие должности в аппарате партий/движений/фракций формой дискриминации женщин в политике.

К тому же кластеру проблем можно отнести распределение депутатов по присутствию в руководстве профильных ко-

Таблица 3

**Представленность женщин в руководстве региональных парламентов
и органов представительной власти местного самоуправления субъектов РФ¹**

Федеральной округ	Глава представительного органа	Зам. главы	Председатель комиссии	Зам. пред. комиссии	Глава фракции
ДФО	4	9	31	23	9
ПФО	3	14	24	31	15
СЗФО	6	9	27	45	23
СКФО	1	6	11	10	2
СФО	3	2	23	23	9
УФО	1	7	19	12	9
ЦФО	9	14	43	42	12
ЮФО	2	9	25	19	8
Всего	29	70	203	205	87

митетов/комиссий. В качестве примера приведём уровень включённости женщин в руководство региональных парламентов в восьми субъектах РФ (табл. 4).

В рамках выполнения функций в структуре управления представительными органами женщины сосредоточены в основном в комитетах, обобщённо называемых социально ориентированными: социальная политика, вопросы образования и здравоохранения и т.п. Ещё два типа комитетов, где относительно других направлений женщины больше представлены в руководстве, — это бюджетные комитеты (37) и комитеты, связанные с вопросами самоуправления/государственного строительства (35) и т.п. 33% опрошенных женщин-депутатов [12] отнесли это к формам дискриминации женщин в политике. Но при сопоставлении со структурой специальностей становится очевидным, что преобладание женщин в комитетах социального блока обусловлено их социально-профессиональным опытом, а не дискриминационными практиками. При потере гендерной идентичности, попадая преимущественно в мужское сообщество, женщины ориентируются на профессиональную идентичность, что приводит их к выбору

политической сферы деятельности в рамках комфортных для них практик.

Несмотря на отсутствие формальной профессионализации в виде выполнения депутатских обязанностей на постоянной основе, 40,5% депутатов имеют неоднократный опыт избраний, т.е. длительный опыт представительской деятельности. 238 человек занимаются профессиональной политической деятельностью (в аппаратах партий, партийных проектах, руководстве партий). Это не говорит, конечно, о складывании профессионального политического класса, но, тем не менее, случайной политической деятельностью для значительного женского кластера не является.

В отличие от начала 2000-х гг. минимальный процент женщин в представительскую деятельность в действующем союзе пришёл через опыт государственной и муниципальной службы (149 человек, немногим более 10%), этот институт рекрутирования во власть значительно уступает выдвигению от политических партий. В действующем составе органов власти женщины представляют все парламентские партии, однако пропорция представительств позволяет говорить о монополизации одной из них («Единая Россия») по-

¹ Учитывается совмещение депутатом нескольких руководящих позиций.

литического пространства, а присутствие четверти остальных выполняет функцию «декоративного» разнообразия. В целом по РФ политический расклад женского депутатского корпуса выглядит следующим образом: «Единая Россия» на региональном уровне представлена 71% депутатов-женщин, на муниципальном – 73,9%; КПРФ – 10,9% и 9,4%; ЛДПР – 8,9% и 6,3%; «Справедливая Россия» – 5,7% и 4,3% соответственно. Отметим, что выдвигаемые от различных политических партий женщины в значительном числе случаев не являются их членами, поэтому уместно говорить не о партийной, а о фракционной принадлежности и субъекте выдвижения. Обращает на себя внимание соотношение представленности женщин – депутатов от ЛДПР и «Справедливой России»: за ЛДПР закрепился имидж «мужской партии», что зачастую подтверждается и её лидером, тогда как «Справедливая Россия» выглядит более толерантной по от-

ношению к женскому членству. Однако субфедеральное женское представительство этого не подтверждает. Отметим, что представительницы «ЕР» выглядят наиболее опытным звеном корпуса (не станем углубляться в причины); более случайными, имеющими в политике меньше опыта являются депутаты от остальных партий. Наименьший процент представленности через женщин-депутатов имеют непарламентские партии («Родина», «Партия пенсионеров», «Новые люди», «Яблоко», национальные партии в национально-территориальных образованиях) и самовыдвиженцы (3,5% на региональном и 6,1% на муниципальном уровнях).

Стоит обратить внимание на дискутируемый вопрос о влиянии типа избирательной системы на расширение/сужение женского представительства [13]. Отметим значительное различие между региональным и муниципальным уровнем. На региональном уровне несколько выше

Таблица 4

Представленность женщин в руководстве профильных комитетов региональных парламентов¹

Округ/ направление	ЮФО	УФО	СКФО	ДФО	СФО	СЗФО	ЦФО	ПФО	Всего
Бюджет	4	2	–	5	6	5	6	7	35
Промышленность	1	–	–	–	2	–	–	3	6
Социальная политика	13	4	8	14	12	19	19	12	101
Правовые отношения, местное самоуправление	2	1	1	5	2	6	14	6	37
ЖКХ, градостроительная деятельность	1	–	–	2	1	4	1	2	11
Аграрная политика	–	–	1	–	–	2	5	–	8
Земельные отношения	2	–	–	–	–	1	–	–	3
Экология и природопользование	1	–	1	–	–	3	1	2	7
Международные отношения	–	–	1	1	–	–	–	–	2
Регламентные, этические комиссии	–	–	1	2	2	3	2	1	11

¹ Подсчёты опираются на анализ представленности женщин в комитетах региональных парламентов в восьми субъектах РФ.

процент женщин, избранных по спискам от партий: 51,8% против 48,2%, избранных по одномандатным округам. На муниципальном уровне ситуация обратная, причём процент женщин, победивших в одномандатных округах, существенно выше: 64,0% против 36,0% по спискам. Можно предположить, что повышение уровня выборов связано с усилением конкуренции и задействованием больших материальных и политических ресурсов, которые не являются «женскими» социальными ресурсами. По характеристикам действующего депутатского корпуса можно констатировать, что основной ресурс женщин — это образование и профессиональная принадлежность, достижение руководящей позиции в профессиональной сфере, что побуждает партии включать их в списки кандидатов. При этом, по сравнению с мужским, задействован меньший материально-финансовый ресурс: большинство работает в бюджетной сфере, где заработная плата значительно уступает частному сектору, который доминирует в мужском депутатском корпусе. При этом основной процент женщин не работает в политических партиях, зачастую не является их членами и, будучи просто «приглашёнными выдвигенками», имеет меньший шанс попасть на проходные места и по спискам.

Демографическая характеристика возрастной структуры женского депутатского корпуса и группы самой широкой представленности позволяет говорить о том, что женщины в более позднем возрасте, чем мужчины, включаются в политическую деятельность. В значительной степени это обусловлено вполне понятными причинами рождения и воспитания детей, что смещает в сторону увеличения и возраст при последовательном прохождении ступеней политической карьеры. Самой широкой возрастной группой депутатов региональных парламентов является группа от 51 до 60 лет (34,1%), тогда как на муниципальном уровне сдвиг самой широкой категории идёт в сторону снижения возраста: 31,1% в возрасте от 41 года до 50 лет. Са-

мая малочисленная группа на обоих уровнях — депутаты в возрасте до 30 лет (2,2% на региональном и 3,8% на муниципальном). Старшие возрастные группы более малочисленны на муниципальном уровне: старше 60 лет 16,91%, тогда как в региональных законодательных органах их 24,3%. Возраст основной массы депутатов находится в пределах от 40 до 60 лет.

Заключение

Социально-демографические характеристики женского депутатского корпуса субфедерального уровня РФ позволяют говорить о модели конструирования политического поля «сверху», где влияние гендерного подхода минимально. Если в кво-тированной советской модели использовался ресурс представительства рабочего класса, в том числе через соответствующие профессии женщин в политике, то условная «квота» в настоящий момент распространяется на администраторов бюджетных учреждений (директоров школ и главврачей больниц), зависимых от административного ресурса и в то же время являющихся его частью. При этом такой ресурс использует именно партия наибольшего парламентского представительства, «партия власти». В данном случае гендер перестаёт быть электоральным ресурсом первостепенной важности во время избирательной кампании. Представительство женщин в законодательных собраниях начинает в большей степени зависеть от партийного выдвижения, нежели от непартийного. В данном случае тип избирательной системы малозначим и не влияет на пропорцию гендерного представительства. Непосредственная деятельность женщин в органах представительной власти по сути является отражением их профессионального уровня и реализацией профессиональной идентичности, а также сложившихся традиционных представлений об их предназначении.

Модель рекрутирования женщин в политику в своих основных чертах претерпела изменения в отношении минимального включения женщин, имеющих

опыт государственной и муниципальной службы, как наиболее очевидного административного ресурса. Традиционное представление о женщинах-депутатах как о тандеме «учитель и врач» бюджетного сектора также претерпевает трансформацию: бизнес-сообщество приближается к бюджетному сектору по числу своих представителей. Педагогика и прочие

гуманитарные специальности перестают быть доминирующими профессиями женщин-депутатов; число экономистов, управленцев и юристов в совокупности превышает представленность педагогов, что свидетельствует о социальных изменениях женского представительства в депутатском корпусе субфедерального уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Gender Gap Report 2020. Available at <https://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2020/> (дата обращения: 05.01.2021 г.).
2. The Mastercard Index of Women Entrepreneurs 2020: Report. URL: https://www.mastercard.com/news/media/1ulpy5at/ma_miwe-report-2020.pdf (дата обращения: 05.01.2021 г.).
3. Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 23–38.
4. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Там же. 2004. № 4. С. 24–35.
5. Демкив О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операционные параметры // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 99–111.
6. Дискин И.Е. Социальный капитал в глобальной экономике // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 150–159.
7. Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 3–21.
8. Барчунова Т.В. Гендерное измерение социального капитала в России (на примере Новосибирска) // Социальный капитал и социальное расслоение в современной России / Под ред. Д. Твигг и К. Шектер. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 162–191.
9. Голосов Г.В. Политические институты и доступ женщин к представительству в законодательных собраниях российских регионов // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост.: Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. СПб.: Алетейя; Ист. кн., 2004. С. 677–702.
10. Кынев А.В. Государственная Дума Российской Федерации VII созыва: между «спящим потенциалом» и партийной дисциплиной // ПОЛИТИЯ. 2017. № 4 (87). С. 65–81.
11. Темкина А.А. Женский путь в политику: гендерная перспектива / А.А. Темкина // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: Сборник научных статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Вып. 4. СПб.: Центр независимых социальных исследований, 1996. С. 19–33. С. 23.
12. Милаева О.В., Сиушкин А.Е. Социальные проблемы участия женщин в институтах политического представительства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9. № 3. С. 119–130.
13. Овчарова О.Г. Влияние пропорциональной избирательной системы на представительство женщин в России // Избирательные процессы в современной России: теория и практика: Сборник научных трудов. Саратов: СГАП, 2008. С. 128–133.

ENGLISH

**Female Deputies of the Russian Federation at the Sub-Federal Level:
Social and Political Structure**

Oxana Vsevolodovna Milaeva – Candidate of Science (History), assistant Professor at the Department of Philosophy and Social Communication, Penza State University (PSU), head of the project 'Modern Model of Women's Representation in Regional Legislatures and Representative Bodies of Local Government of the Russian Federation' (20-011-31091).

E-mail: milaevaov@mail.ru

Albert Evgenievich Siushkin – Candidate of Science (Sociology), assistant Professor at the Department of State and Law Theory and Political Science, PSU, executor of the same project.

E-mail: bert_s@mail.ru

The paper analyses the social-demographic characteristics of the female deputies at sub-federal level of the Russian Federation in eight federal districts. The results of the analysis suggest a model of construction of the political field 'from the top', where the influence of the gender approach is minimal. Basis for female deputies' representation is the heads of budget-funded educational and health care institutions, being co-opted into political bodies through nominations from political parties. The basic social resource for women remains their education and professional experience, which are applied in their choice of the relevant political area through their representation in 'public committees'. Therefore, we can hardly speak of the gender agenda, other than a simple representation of gender in the political field. In this case, the electoral system type is of little importance and does not affect the gender representation ratio.

The model of recruiting women into politics has changed in its basic features with regard to the minimal inclusion of women with experience in state and municipal service as the most obvious administrative resource. A traditional view of female deputies as a 'teacher-doctor' combination in the public sector is also undergoing a transformation: business community is approaching the government-financed sector in terms of the number of representatives. Pedagogics and other 'humanities' occupations are no longer dominant among female deputies; economics, management, and law together exceed the representation of pedagogues, indicating a social change in women's representation.

Keywords: gender studies, gender analysis, women in politics, women's representation, public policy, regional politics, political representation

REFERENCES

1. Global Gender Gap Report 2020. Available at <https://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2020/> (data obrashcheniya: 05.01.2021 g.).
2. The Mastercard Index of Women Entrepreneurs 2020: Report. URL: https://www.mastercard.com/news/media/1ulpy5at/ma_miwe-report-2020.pdf (data obrashcheniya: 05.01.2021 g.).
3. Rouz R. Dostizhenie tseley v kvazisovremennom obshchestve: sotsial'nye seti v Rossii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 3. S. 23–38 (in Russian).
4. Tikhonova N.E. Sotsial'nyy kapital kak faktor neravenstva // Tam zhe. 2004. № 4. S. 24–35 (in Russian).

5. Demkiv O. Sotsial'nyy kapital: teoreticheskie osnovaniya issledovaniya i operatsional'nye parametry // Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. 2004. № 4. S. 99–111 (in Russian).
6. Diskin I.E. Sotsial'nyy kapital v global'noy ekonomike // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2003. № 5. S. 150–159 (in Russian).
7. Ryabova T.B., Ovcharova O.G. Gendernaya politologiya v Rossii: dostizheniya, problemy i perspektivy // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. 2016. № 1 (78). S. 3–21 (in Russian).
8. Barchunova T.V. Gendernoe izmerenie sotsial'nogo kapitala v Rossii (na primere Novosibirsk) // Sotsial'nyy kapital i sotsial'noe rassloenie v sovremennoy Rossii / Pod red. D. Tvigg i K. Shekter. M.: Al'pina Pablisher, 2003. S. 162–191 (in Russian).
9. Golosov G.V. Politicheskie instituty i dostup zhenshchin k predstavitel'stvu v zakonodatel'nykh sobraniyakh rossiyskikh regionov // Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem / Red.-sost.: N.M. Stepanova, E.V. Kochkina. SPb.: Aleteyya; Ist. kn., 2004. S. 677–702 (in Russian).
10. Kynev A.V. Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy Federatsii VII sozyva: mezhdru «spyashchim potentsialom» i partiynoy distsiplinoy // POLITIYA. 2017. № 4 (87). S. 65–81 (in Russian).
11. Temkina A.A. Zhenskiy put' v politiku: gendernaya perspektiva / A.A. Temkina // Gendernoe izmerenie sotsial'noy i politicheskoy aktivnosti v perekhodnyy period: Sbornik nauchnykh statey / Pod red. E. Zdravomyslovoy, A. Temkinoy. Vyp. 4. SPb.: Tsentru nezavisimyykh sotsial'nykh issledovaniy, 1996. S. 19–33. S. 23 (in Russian).
12. Milaeva O.V., Siushkin A.E. Sotsial'nye problemy uchastiya zhenshchin v institutakh politicheskogo predstavitel'stva // Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». 2021. T. 9. № 3. S. 119–130.
13. Ovcharova O.G. Vliyaniye proporsional'noy izbiratel'noy sistemy na predstavitel'stvo zhenshchin v Rossii // Izbiratel'nye protsessy v sovremennoy Rossii: teoriya i praktika: Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: SGAP, 2008. S. 128–133 (in Russian).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Индекс УДК 32.019.5

Код ГРНТИ 11.07.45

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-63-73

Р.В. ПАРМА*

Вовлечение российских граждан в общественное участие онлайн

Автор рассматривает процесс включения российских граждан в общественную активность посредством цифровых коммуникаций, которые создают онлайн-пространство распространения информации, обмена контентом и координации действий. В контексте увеличения влияния цифровых коммуникаций исследуются способы вовлечения в социальные и политические формы общественного участия. Цель исследования состояла в определении степени влияния социальных сетей цифровых коммуникаций на вовлечение в общественное участие и взаимодействие граждан. Задачи исследования заключались в выявлении способов вовлечения, привлекательного контента, интенсивности воздействия, реакции пользователей, предпочитаемых сообществ.

Методология исследования основывается на сетевом и необихевиористском подходах. Методом исследования избран социологический онлайн-опрос (N = 1600) пользователей социальных медиа. Результаты исследования привели к заключениям, что вовлечение в общественное участие в онлайн-среде происходит в большей части при текущем потреблении информационного контента, в меньшей части – посредством адресных сообщений в социальных медиа, частота поступлений которых оказалась редкой. Включение в сообщества социальных медиа для реализации гражданских инициатив в значительной степени зависит от направления деятельности. Наиболее востребованными гражданами являются социальные инициативы, ориентированные на решение общих проблем жителей, помощь нуждающимся людям и экологические вопросы. Наименее привлекательными оказываются политизированные сообщества, что выявляет доминирование среди российских граждан установки на избегание политического участия.

Ключевые слова: общественная активность, политическое участие, социальные сети, онлайн, социальные медиа, цифровые коммуникации

* **Парма Роман Васильевич** — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, руководитель проекта «Гражданское и политическое участие в цифровом пространстве коммуникаций современной России» (20-011-31484).
E-mail: rvparma@mail.ru

Увеличение времени «погружения» граждан в цифровую среду коммуникаций обуславливает особую важность исследований потенциала влияния социальных онлайн-сетей на общественную активность в целом и на политическое участие в частности. В настоящее время среди исследователей преобладает позиция, что цифровые платформы социальных сетей являются эффективными инструментами для вовлечения граждан в политические кампании и социальные движения. Между использованием социальных сетей и политическим участием граждан установлена значительная положительная взаимосвязь [1]. Главные функции общественного участия сводятся исследователями к вовлечению в сообщества для решения общих проблем, обеспечения контроля за решениями власти, развития социальной ответственности, повышения активности, формирования сплочённости и идентичности граждан [2].

Цифровые коммуникации открыли новые возможности для гражданской активности, организации сообществ и социальных движений. Изначально онлайн-активизм определялся как использование Интернета в поддержку общественных изменений, включая такие действия, как создание веб-сайтов, просмотр информации, размещение материалов, рассылка публикаций и писем по электронной почте, а также обсуждение проблем, формирование сообществ и координация деятельности [3]. Важнейшей коммуникативной технологией влияния социальных сетей онлайн выступает информационное подталкивание, которое задействует алгоритмы адресных напоминаний, повторений и подтверждений [4].

Цифровые технологии коммуникации трансформировали структуры социальных движений и формы общественного взаимодействия граждан. Генерация информационных потоков в социальных сетях способна регулировать силу и масштаб политического участия. В современном сетевом мире власть над обществом устанавливается посредством программирования ал-

горитмов и коммуникации в сообществах пользователей цифровых платформ [5]. Социальные медиа открыли возможность производить «связующие действия» между индивидами без формирования общей идеологии и идентичности, а также значительных ресурсов и усилий, распространяя контент, образуя сообщества и организуя массовые акции [6].

Социальные медиа радикально изменили контексты и процессы, связанные с совместными действиями [7]. Одним из положительных результатов влияния социальных медиа стало расширение возможностей политического участия граждан, поскольку онлайн-взаимодействие пользователей подрывает пассивное офлайн-состояние граждан [8]. Формы взаимодействия в социальных сетях цифровых коммуникаций устанавливают новые способы гражданского участия. Традиционные репертуары действий дополняются и замещаются новыми цифровыми формами взаимодействия. При этом в общественных намерениях и действиях граждан сочетаются политические и неполитические элементы, не имеющие чёткого разделения. Развитие неполитических гражданских практик активности ведёт к росту политического участия. Социальная активность стала «входом» на поле политических действий [9].

Посредством социальных сетей цифровых платформ новые активные граждане были вовлечены в усилия по изменению социального порядка, а прежние активные граждане приспособились к новым способам организации, появились и выросли оригинальные формы социальных движений [10]. Социальные сети способствуют вовлечению гражданского общества посредством использования информации, так как обмениваясь сообщениями в процессе взаимодействия пользователи с большей вероятностью усваивают контент гражданского характера, поскольку заинтересованы в его более широком распространении.

В онлайн-среде главные факторы действий видятся в доступности Интернета и платформ социальных медиа, владении

цифровыми навыками и технологиями коммуникаций. Молодое поколение, лучше владеющее навыками цифровой коммуникации, более склонно к активному вовлечению в гражданские действия [11].

Методология, методика и цель исследования

Теоретическую основу исследования составили современные подходы к формированию сетевого общества в интерпретации власти цифровых коммуникаций М. Кастельса [12] и информационного воздействия на поведение индивидов в трактовке концепции подталкивания Р. Талера [13]. Сетевой подход позволяет анализировать процесс взаимодействия граждан в социальных медиа, обмена информацией и формирования структур сообществ. Необихевиористский подход помогает рассматривать политическое поведение граждан как действия в определённом контексте, подталкиваемые информационными триггерами и стимулами.

Социальные сети создают возможность для пользователей, преодолевая расстояния, обмениваться информацией, рассказывать о возникающих проблемах в обществе и получать сведения о возможностях участия в гражданских мероприятиях. Определение «эффекта вовлечённости» в общественную активность зависит от характеристик цифровых коммуникаций, среди которых выделяют следующие:

- ◆ размер социальной сети;
- ◆ характер социальных связей между участниками;
- ◆ наличие коммуникаций со сверстниками [14].

Гражданский рекрутинг происходит в зависимости как от личных качеств и характеристик сторон, так и от типов отношений. Исследователи рассматривают различные измерения, по которым отношения могут варьироваться: 1) частота и тип взаимодействия; 2) размер сообщества и институциональное пространство; 3) статус и ценность гуманизма; 4) сила и близость. Такие индикаторы позволяют дифференцировать

возникающие эффекты рекрутинга, понять механизмы вовлечения в гражданскую активность. Таким образом, более тесные связи увеличивают возможность вовлечения граждан в общественную активность. Определённые типы отношений оказывают влияние на рекрутинг в зависимости от формы общественного участия граждан [15].

Методика исследования построена на основе анализа социологических данных. Методом исследования избран массовый опрос общественного мнения российских граждан. Инструмент исследования — онлайн-форма для заполнения формализованной анкеты посредством контактов интервьюеров с респондентами в социальных медиа. Репрезентативная выборка, квотированная по полу, возрасту и федеральным округам, составила 1600 респондентов — граждан Российской Федерации от 15 лет и старше. Социологический опрос был проведён в марте 2021 г.

Цель исследования состояла в определении влияния онлайн-коммуникаций на вовлечение граждан в общественное участие путём выявления реакции пользователей на информационное воздействие. Прикладные задачи исследования состояли в определении:

- ◆ способов вовлечения в общественную активность в социальных медиа;
- ◆ наиболее привлекательного контента для пользователей;
- ◆ интенсивности информационного давления;
- ◆ реакции пользователей на информационные потоки;
- ◆ предпочтений в направлении деятельности онлайн-сообществ.

Результаты

Особый интерес исследования состоял в определении взаимосвязи общественного участия с политическими установками граждан. Социологический опрос выявил следующий расклад политических предпочтений российских граждан, использующих социальные медиа. Среди пользователей цифровых коммуникаций

более половины (52%) составили пассивные граждане, избегающие политики. Лояльные власти граждане составили более трети (36%), но уровень их общественно-участия оказался средним. Оппозиционных граждан в целом выявлено в три раза меньше (12%), однако их отличает существенно более высокий уровень общественной активности, включающей социальное и политическое участие.

В онлайн-среде приобщение к общественной активности происходит по мере целенаправленного или случайного потреб-

ления информации. Среди представленных видов общественно-политического контента для пользователей цифровых коммуникаций наиболее привлекательными оказались экспертные мнения, личные истории, истории успеха, полезные лайфхаки, фильмы и сериалы политического толка и политические мемы (рис. 1). Значимых гендерных различий в предпочтениях контента не выявлено.

В возрастном распределении молодые люди предстают более активными потребителями контента, но и старшие по-

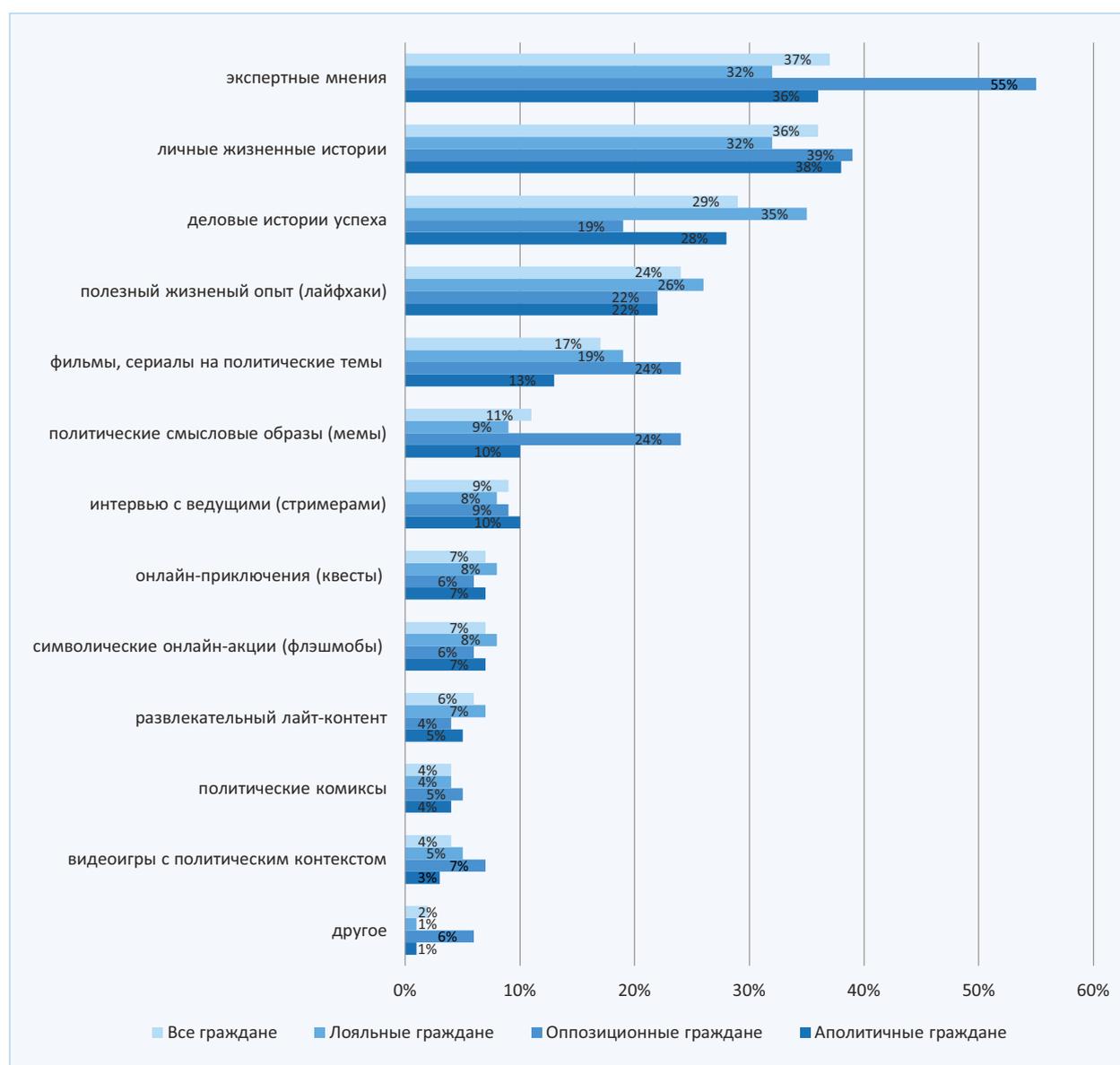

Рис. 1. Предпочтения граждан в потреблении общественно-политического контента (распределение ответов на вопрос «Какой тип общественно-политического контента может потенциально привлечь Ваше внимание?», несколько вариантов ответа)

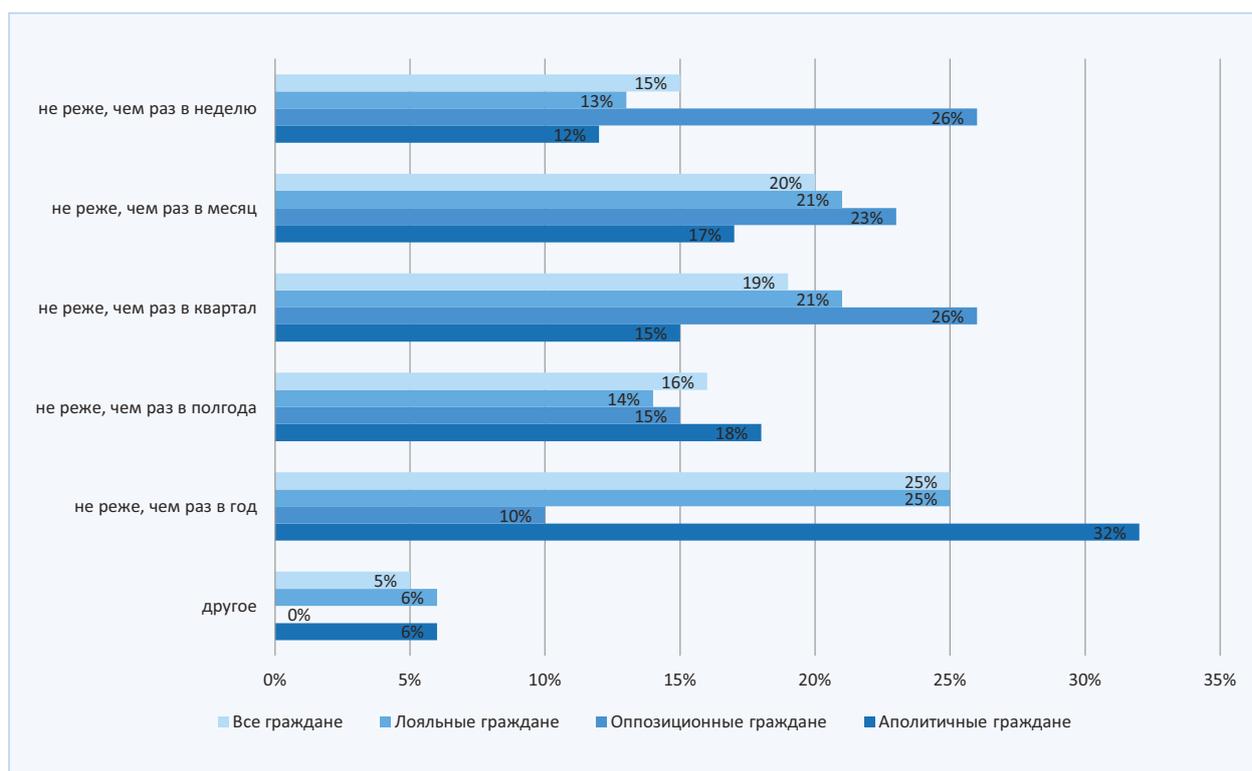

Рис. 2. Интенсивность сообщений в социальных медиа, привлекающих к общественному участию (распределение ответов на вопрос «Как часто Вы получаете приглашение в социальных медиа присоединиться к гражданской инициативе?», один вариант ответа)

ления также показывают высокую осведомлённость и интерес к общественно-политической информации в цифровой среде. Между тем в потреблении различных видов контента молодёжной аудиторией выявились значимые расхождения. Экспертные мнения более важны для молодых людей студенческого возраста (45%). Полезные лайфхаки представляются более интересными молодёжи постарше (34%). В целом для молодых людей более привлекательными оказались фильмы и сериалы (23%), а также политические мемы (31%). Лояльные граждане испытывают несколько больший интерес к деловым историям успеха и практичным лайфхакам. Оппозиционные граждане ориентируются в социальных медиа на контент с экспертными мнениями, фильмами и мемами.

Цифровая среда помимо свободного общения пользователей предоставляет возможность оказывать направленное информационное воздействие на целевые группы. Вовлечение в общественную дея-

тельность происходит как при произвольном просмотре информации, так и посредством приглашений в социальных медиа присоединиться к гражданской инициативе. Частота таких сообщений является показателем интенсивности организации общественных действий (рис. 2). Согласно полученным данным, абсолютное большинство активных граждан редко получало приглашения к участию в общественно значимых акциях. Примерно каждому третьему приглашения приходят каждый месяц, из них менее половины их получает еженедельно. Мужчины гораздо чаще получают сообщения с приглашением принять участие в гражданских инициативах, чем женщины. Особенно часто такие приглашения присылают молодёжи студенческого возраста. Гораздо чаще такие приглашения получают оппозиционные, чем лояльные и аполитичные граждане, что свидетельствует о более интенсивной коммуникации в сообществах пользователей, настроенных против власти.

Рис. 3. Реакция граждан на приглашения к общественной активности в социальных медиа (распределение ответов на вопрос «Как Вы реагируете на приглашение в социальных медиа присоединиться к гражданской инициативе?», один вариант ответа)

Получение приглашения к общественным действиям в социальных медиа вызывает различные поведенческие реакции граждан, выражающих намерения участия (76%), из которых большая часть (41%) склонна к активным действиям, а треть (35%) предпочитает лишь наблюдать за событиями. Пассивные граждане, вообще отстраняющиеся от общественного участия, составляют около четверти (24%). Около трети граждан, расположенных к общественному участию, с вниманием относятся к сообщениям, содержащим предложение присоединиться к гражданским действиям, и ищут дополнительную информацию в Интернете. Причём значительную часть пользователей цифровых коммуникаций полученное приглашение подталкивает к взаимодействию с инициаторами, вхождению в сообщество, а некоторые стремятся помочь делом, привлечь друзей и знакомых, распространяя информацию. Только около трети граждан игнорируют либо не вникают в содержание сообщения (рис. 3). В гендер-

ном срезе значимых различий в реакции на сообщения с приглашением к гражданским действиям не обнаружилось.

В возрастном срезе молодёжь выделяется большим желанием получить дополнительную информацию, а также намерениями участвовать в акциях онлайн и офлайн. Среднее поколение более настроено помочь делом и присоединиться к инициативной группе, при этом весьма значительная его часть игнорирует такую информацию. Старшее поколение более расположено к нахождению дополнительной информации. Оппозиционные граждане с заметно большим вниманием относятся к полученным приглашениям, пытаются найти сведения об акции. Аполитичные граждане более склонны игнорировать такие сообщения.

Согласно полученным данным, содержание сообщений весьма разнообразно и доминирующая тематика отсутствует. Однако наибольшее число приглашений в социальных сетях к гражданским действиям касается социально-экономических проблем,

экологии и политики. В несколько меньшей степени сообщения затрагивают вопросы защиты животных и прав граждан, а также чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера, проведение выборов. Вопросы образования, здравоохранения и культуры поднимаются в сообщениях заметно реже. Приглашения к участию в гражданских действиях в поддержку сексуальных и этнических меньшинств редко поступают онлайн-пользователям. Примечательно, что в ракурсе политических установок повестка сообщений сильно разнится. Лояльные граждане чаще получают сообщения по поводу социально-экономических, экологических проблем и акций в защиту

животных. Оппозиционные граждане заметно чаще других получают сообщения, приглашающие к политическим и правозащитным акциям, а также к активным действиям в условиях возникновения чрезвычайной ситуации и ухудшения социально-экономического положения. Аполитичные граждане чаще отмечают тематики обращений, связанные социально-экономической ситуацией, защитой животных и экологической ситуацией (рис. 4).

Участие граждан в деятельности сообществ в социальных медиа для реализации социальных и политических прав во многом зависит от направления деятельности сообщества. Большинство активных граж-

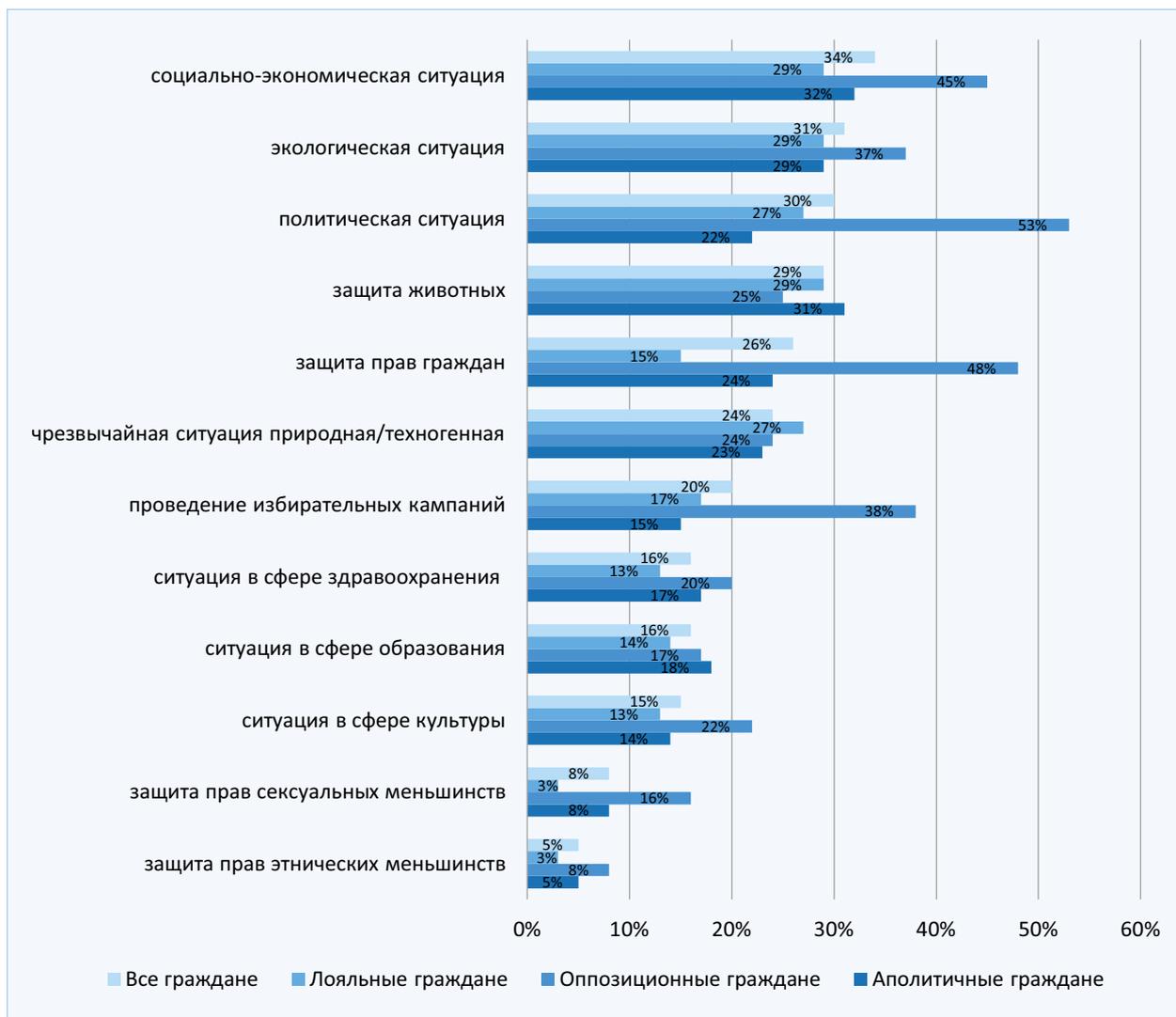

Рис. 4. Повестка общественных действий граждан в адресных сообщениях социальных медиа (распределение ответов на вопрос «Каким проблемам чаще всего посвящены приглашения к гражданским инициативам?», несколько вариантов ответа)

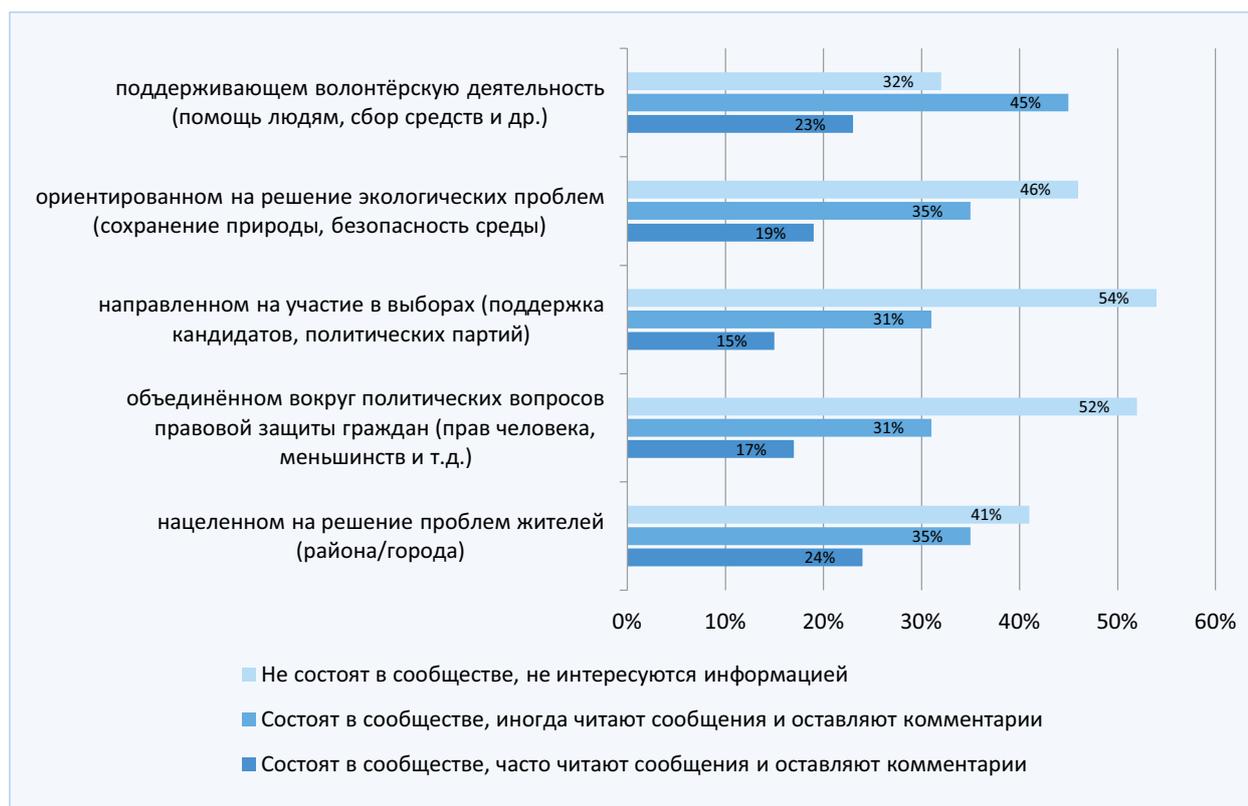

Рис. 5. Ориентация граждан на направления общественного участия онлайн-сообществ (распределение ответов на вопрос «В каком виде деятельности онлайн-сообществ Вы участвовали для реализации социальных и политических прав граждан за последние три года?», один вариант ответа)

дан обозначают личное участие в действиях сообществ социальных медиа, нацеленных на решение проблем жителей и помощь нуждающимся людям. Несколько меньше граждане вовлечены в экологические сообщества. Деятельность политических сообществ, занимающихся вопросами правовой защиты и избирательных кампаний, оказалась менее привлекательной для активных граждан (рис. 5).

Мнения активных граждан об оценке результативности участия за последние два года в деятельности онлайн-сообществ в социальных медиа для реализации социальных и политических прав разделились. Значимая часть (11%) считает, что результат был достигнут и проблема решена. Наибольшая часть (39%) отметила, что результат был достигнут лишь частично и проблема не была решена в полной мере. Немногим менее четверти (22%) активных граждан считают, что результат общими усилиями сообщества вообще не был до-

стигнут и проблема не была решена. При этом несколько бóльшая часть (28%) обозначила, что не участвовала в деятельности онлайн-сообществ для реализации социальных и политических инициатив. Уровень эффективности совместных действий граждан оказывается посредственным, что не способствует массовому вовлечению в общественное участие в активных формах.

Выводы

Расширение охвата и увеличение времени использования цифровых коммуникаций обусловили усиление влияния социальных медиа на формирование общественных установок и координацию действий граждан. Общие выводы исследования состоят в следующем:

1. Вовлечение в общественное участие на цифровых платформах происходит под воздействием потоков информации, размещаемой на сайтах Интернета и распространяемой посредством соци-

- альных сетей. Наиболее привлекательным контентом является экспертная, жизненная и практическая информация, а также художественные фильмы и сериалы, политические мемы и видеоролики, вызывающие эмоциональные реакции в социальных сетях.
2. Интенсивность адресных сообщений в социальных медиа, привлекающих к общественному участию, в целом низкая, что можно объяснить как выраженной разобщённостью граждан, так и узкой практикой использования технологий таргетирования информации. Оппозиционные граждане оказались «активным меньшинством», которое отличается от лояльных и аполитичных значительно более высокой интенсивностью онлайн-коммуникации в социальных сетях.
 3. Реакция граждан на сообщения в социальных медиа, вовлекающие в общественные действия, обусловлена установками на участие. Вовлечённые в общественное участие граждане показывают различные уровни активности: от намерения прилагать значительные усилия до желания только наблюдать за происходящими событиями и развитием ситуации. Пассивные граждане отстраняются от общественного участия, игнорируя или блокируя поступление подталкивающих к действиям сообщений.
 4. Содержание адресных сообщений в социальных медиа отражает текущую повестку общественных действий. В мотивирующих приглашениях к участию преобладают темы трудностей социально-экономического развития, экологических проблем и политических событий. Повестка сообщений лояльных граждан включает прежде всего решение социальных и экологических вопросов, защиту животных, а повестка оппозиционных граждан касается чаще всего участия в протестных акциях, правозащитных мероприятиях и в решении социально-экономических проблем.
 5. Тематика подталкивающих сообщений продиктована предпочтениями граждан на направления общественного участия онлайн-сообществ. Вовлечённые граждане в большей степени ориентированы на участие в сообществах для решения общих проблем местных жителей и помощи нуждающимся людям, а также экологии. Однако оценка гражданами эффективности совместных действий онлайн-сообществ для решения общих проблем оказалась посредственной, что сдерживает рост интенсивности общественного участия в цифровой среде на цифровых платформах социальных медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4 (40). С. 63–69. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69.
2. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.
3. Denning D. Activism, hacktivism, and cyberterrorism: The Internet as a tool for influencing foreign policy // The computer security journal. 2000. № 16. P. 15–35.
4. Nam T. Internet effects on political participation: An empirical study on the reinforcement vs. mobilization effect // Government Information Quarterly. 2011. № 29. P. 90–S97. <https://doi.org/10.1145/1930321.1930385>.
5. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. 2nd edition. Polity, 2015.

6. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
7. Lewis K., Gray K., Meierhenrich J. The structure of online activism // Sociological Science. 2014. № 1. P. 1–9. DOI: 10.15195/v1.a1.
8. Boulianne S., Theocharis Y. Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. Social Science Computer Review. 2018. № 38. P. 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>.
9. Theocharis Y., van Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy // European Political Science Review. 2018. № 10 (1). P. 139–163. DOI: 10.1017/S1755773916000230.
10. Young A., Selander L., Vaast E. Digital organizing for social impact: Current insights and future research avenues on collective action, social movements, and digital technologies // Information and Organization. 2019. Vol. 29, Iss. 3. P. 100–257. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.100257>.
11. Milosevic-Dordevic J.S., Zezelj I.L. Civic activism online: Making young people dormant or more active in real life? // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 70. P. 113–118. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.070>.
12. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; Под науч. ред. А.И. Черных. М.: ИД Высшей школы экономики, 2016.
13. Талер П., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
14. Gil de Zúñiga H., Jung N., Valenzuela S. Social media use for news and individuals' social capital, civic engagement and political participation // Journal of Computer-Mediated Communication. 2012. № 17. P. 319–336. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2012.01574.x.
15. Beyerlein K., Bergstrand K. It takes two: A dyadic model of recruitment to civic activity // Social Science Research. 2016. Vol. 60. P. 163–180. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.07.008>.

ENGLISH

Engagement of Russian Citizens in Public Participation Online

Roman Vasilyevich Parma – Candidate of Science (Political Science), assistant professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, head of the project Civil and Political Participation in the Digital Field of Communication in Modern Russia (20-011-31484).

E-mail: rvparma@mail.ru

The author examines the process of involving Russian citizens in public activity through digital communication by creating an online environment for information distribution, content sharing, and coordination of actions. The study explores the ways of engaging citizens in social and political forms of public participation in the view of increasing influence of digital communication. The study is aimed at determining the extent to which digital communication on social media influences social participation and citizen engagement. The objectives of the study were to identify ways of engagement, appealing content, level of impact, users' reactions, and preferred communities.

The study method is based on networking and neo-behavioural approaches. The study employs the method of sociological online survey (N = 1,600) of social media users. The results of the study concluded that the involvement in social participation online is mostly through the consumption of information content, and less through targeted social media messages, which proved to be infrequent. Participation in social media communities for civic initiatives depends on a large extent on the focus of activities. Social media initiatives focused on solving citizen's common problems, providing assistance to people in need, and environmental issues are the most popular among citizens. Politicized communities are the least attractive, revealing the dominant attitude among Russian citizens to avoid political participation.

Keywords: social activity, political participation, online, social media, social network, digital communication

REFERENCES

1. Pyrma R.V. Vliyanie tsifrovyykh kommunikatsiy na politicheskoe uchastie // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. T. 9. № 4 (40). S. 63–69. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69 (in Russian).
2. Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendentsii real'nogo razvitiya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 6. S. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04 (S. 43–49) (in Russian).
3. Denning D. Activism, hacktivism, and cyberterrorism: The Internet as a tool for influencing foreign policy // The computer security journal. 2000. № 16. P. 15–35.
4. Nam T. Internet effects on political participation: An empirical study on the reinforcement vs. mobilization effect // Government Information Quarterly. 2011. № 29. P. 90–S97. <https://doi.org/10.1145/1930321.1930385>.
5. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. 2nd edition. Polity, 2015.
6. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
7. Lewis K., Gray K., Meierhenrich J. The structure of online activism // Sociological Science. 2014. № 1. P. 1–9. DOI: 10.15195/v1.a1.
8. Boulianne S., Theocharis Y. Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. Social Science Computer Review. 2018. № 38. P. 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>.
9. Theocharis Y., van Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy // European Political Science Review. 2018. № 10 (1). P. 139–163. DOI: 10.1017/S1755773916000230.
10. Young A., Selander L., Vaast E. Digital organizing for social impact: Current insights and future research avenues on collective action, social movements, and digital technologies // Information and Organization. 2019. Vol. 29, Iss. 3. P. 100–257. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.100257>.
11. Milosevic-Dordevic J.S., Zvezelj I.L. Civic activism online: Making young people dormant or more active in real life? // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 70. P. 113–118. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.070>.
12. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii / Per. s angl. N.M. Tylevich; Pod nauch. red. A.I. Chernykh. M.: ID Vysshey shkoly ekonomiki, 2016 (in Russian).
13. Taler R., Sansteyn K. Nudge. Arkhitektura vybora. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018 (in Russian).
14. Gil de Zúñiga H., Jung N., Valenzuela S. Social media use for news and individuals' social capital, civic engagement and political participation // Journal of Computer-Mediated Communication. 2012. № 17. P. 319–336. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2012.01574.x.
15. Beyerlein K., Bergstrand K. It takes two: A dyadic model of recruitment to civic activity // Social Science Research. 2016. Vol. 60. P. 163–180. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.07.008>.

Индекс УДК 32:316.77; 32:070; 32.049.5; 32:316.65

Код ГРНТИ 11.15.89

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-74-85

**Н.А. РЯБЧЕНКО,
О.П. МАЛЫШЕВА,
С.В. УСКОВ***

Управление цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве: субъекты, технологии и результаты

Цель исследования – выявить и охарактеризовать субъекты, факторы, технологии и результаты управления цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве, а также предложить органам государственной власти модели управления ею. Апробация разработанной авторами модели цифровой повестки в онлайн-пространстве была осуществлена на эмпирических данных кейса «Конституция». Эмпирической базой исследования цифровой повестки (сплошная выгрузка за март–сентябрь 2020 г.) стали 1 млн 150 тыс. сообщений в социальной сети Twitter и Facebook; новостной контент (5 тыс. публикаций) лидирующих национальных агентств «Интерфакс», «РИА Новости» и «ТАСС»; аккаунты 460 тыс. пользователей.

Для выявления технологических приёмов формирования и управления цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве и оценке их эффективности были применены методы сетевого, визуального и лингводискурсивного анализа (контент-анализ, семантический анализ тегов и хештегов к полученным массивам эмпирических данных).

В результате сделаны выводы о трёх стратегиях управления цифровой повесткой в онлайн-пространстве: стратегия вовлечения (расширение круга освещаемых проблем и равномерных акцентов на разнообразных тематиках для вовлечения в дискурсивное поле большего количества участников); стратегия прагматического моделирования (сужение круга освещаемых проблем при неравномерном акцентировании тематик – сохранение фокуса лишь на определённых смыслах освещаемых вопросов); стратегия

* **Рябченко Наталья Анатольевна** — кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета (КубГУ), руководитель проекта «Управление цифровой социально-политической повесткой дня в online-пространстве: субъекты, технологии и результаты» (20-011-31626).

E-mail: rrrnatali@mail.ru

Малышева Ольга Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии КубГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: malisheva_83@mail.ru

Усков Сергей Вячеславович — аспирант кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: usv82@mail.ru

дискурсивной субституции (полная трансформация цифровой социально-политической повестки «Конституция» и её замещение смежными дискурсами).

Исследование позволило обнаружить точки пересечения и расхождения дискурса, формируемого гражданским обществом и официальными СМИ, и как следствие — выявить содержание и направление векторов, формирующих цифровую социально-политическую повестку дня. Очевидно, что наличие разнонаправленных векторов в цифровой социально-политической повестке, особенно в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций, не позволяет стабилизировать социально-политическую систему и мобилизовать гражданское население на конструктивные социальные практики.

Ключевые слова: цифровая социально-политическая повестка дня, онлайн-пространство, сетевой подход, сетевой анализ, лингводискурсивный анализ, Data Science, Big Data, Конституционные поправки, пандемия, информационно-новостные агентства

Исследовательский проект был направлен на решение фундаментальной научной проблемы, связанной с выработкой комплексного подхода к исследованию структурных, процессуальных и контекстуальных компонентов формирования цифровой социально-политической повестки дня в онлайн-пространстве.

Как отмечает Л.Н. Тимофеева, в настоящее время формирование социально-политической повестки дня связано:

- ♦ *во-первых*, с достижениями информационно-коммуникативной революции, предоставившими потребителю множество источников информации, достоверность которых проверить практически невозможно;
- ♦ *во-вторых*, с развитием и закреплением норм свободы слова и печати, что предполагает утверждение права отдельных людей и социальных групп, разделяющих свою шкалу ценностей и защищающих свою картину миру, формировать собственное информационное пространство и «предмет веры»;
- ♦ *в-третьих*, с появлением социальной журналистики (которая уступает профессиональной журналистике в объективности освещения и проверке фактов), людей, готовых формировать популистскую политическую повестку дня («Правда — это то, во что хотят верить люди»);

- ♦ *в-четвёртых*, в связи с ослаблением требований к самим журналистам и СМИ, чья деятельность нередко связана с политической и экономической целесообразностью, т.е. с подменой журналистики пропагандой или желанием выдать сенсацию, заработать денег и т.д. [10].

Нарастающие изменения в общественно-политической жизни, связанные с усилением влияния информационно-коммуникационных технологий на все сферы жизнедеятельности граждан, особенно в период реформенных преобразований, кризисных и чрезвычайных ситуаций, актуализировали вопрос исследования цифровой социально-политической повестки дня [7].

Цифровая социально-политическая повестка дня в онлайн-пространстве и её функциональная роль в обеспечении эффективности государственных решений в условиях современной России были осмыслены нами в ракурсе пересечения нескольких относительно самостоятельных направлений в социально-политических науках, таких как:

- ♦ природа, условия и характер социально-политической повестки дня в онлайн-пространстве [1, 2];
- ♦ повестка дня на стыке политической коммуникативистики и современных теорий цифрового общества [4, 9];

- ◆ технологические аспекты формирования и управления цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве [6];
- ◆ повестка в предметном поле политико-управленческой науки и междисциплинарных сетевых исследований [8];
- ◆ оценка, моделирование и управление цифровой повесткой на уровне анализа «больших данных» и математического аппарата Data Science [3, 5].

Методика исследования и эмпирическая база

Апробация разработанной авторами модели цифровой повестки в онлайн-пространстве была осуществлена на эмпирических данных кейса «Конституция». Эмпирической базой исследования цифровой повестки (три ключевые точки для анализа: 1-я точка – начало карантинных мер – март 2020 г.; 2-я точка – неделя до и неделя после референдума по Конституции РФ; 3-я точка – неделя до и неделя после дня единого голосования – 13 сентября 2020 г.) стали:

1) для исследования измерения «Сетевого дискурса» были выгружены сетевые данные социальных сетей Twitter и Facebook по ключевым словам «Конституция» (и его вариациям), опубликованные в марте–сентябре 2020 г.;

- ◆ обработанное количество сообщений по ключевому слову «Конституция» (и его вариациям) составило порядка 1150 тыс.;
- ◆ число пользователей, употребивших слова/словосочетания «Конституция», составило порядка 460 тыс.;

2) для исследования измерения «Официальный дискурс» был выгружен новостной контент лидирующих национальных агентств «Интерфакс», «РИА Новости» и «ТАСС» по ключевому слову «Конституция» (и его вариациям), опубликованный на официальных сайтах и порталах данных агентств в марте–сентябре 2020 г.;

- ◆ обработанное количество статей по ключевому слову «Конституция» (и его ва-

риациям) составило порядка 5 тыс. публикаций.

Построение визуальных моделей сетевых графов на основе фиксации «удельного веса» определённой лексической единицы по отношению к другим единицам в отдельно взятой подкатегории датасета позволило во временной динамике показать изменение доминирующих дискурсивных тем (проблематик) «Конституция» в цифровой политической повестке в обозначенный период, формируемой информационными агентствами (официальными СМИ) и сетевым дискурсом.

Для выявления технологических приёмов формирования и управления цифровой политической повесткой дня в онлайн-пространстве и оценки их эффективности мы использовали методы сетевого, визуального и лингводискурсивного анализа (контент-анализ, семантический анализ тегов и хештегов к полученным массивам эмпирических данных: дата-сетам, социальным графам и результатам визуализации).

Контент-анализ полученных обработанных, структурированных и визуализированных данных позволил выявить закономерности, основные тенденции организации информационных потоков цифровой социально-политической повестки дня в онлайн-пространстве, стратегии и тактики коммуникатора при тиражировании этого потока, а также спрогнозировать возможные реакции аудитории на эту информацию.

Цифровую социально-политическую повестку дня в онлайн-пространстве при таком подходе мы рассматривали в качестве объективного (но опосредованного) отражения интересов и запросов сторон, участвующих в процессе онлайн-коммуникации.

Полученные таким образом количественные характеристики цифровой социально-политической повестки дня в онлайн-пространстве позволили сделать выводы о качественном, в том числе латентном, содержании дискурсов в цифро-

вой социально-политической повестке дня в онлайн-пространстве.

Дискурсивный анализ новостного контента измерения «Официальный дискурс» и корпуса текстов сообщений измерения «Сетевой дискурс» позволил определить способы производства, воспроизводства и потребления цифровой социально-политической повестки дня в онлайн-пространстве.

Семантический анализ тегов и хештегов (фолксономический анализ), которыми участники социальных сетей отмечали/маркировали цифровую социально-политическую повестку дня в онлайн-пространстве, помог определить и охарактеризовать факторы и условия, влияющие на устойчивость и результативность цифровой социально-политической повестки дня в онлайн-пространстве.

Совокупные указанные подходы и методы анализа эмпирических данных позволили сформировать комплексную модель управления цифровой социально-политической повестки дня в онлайн-пространстве, которая была предложена органам власти для работы с общественным мнением в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций.

Кейс «Конституционные поправки в РФ в 2020 году»: результаты сетевого и лингводискурсивного анализа цифровой социально-политической повестки в онлайн-пространстве

Первая контрольная точка (март 2020 г.)

В первой контрольной точке (март 2020 г.) в измерении «Официальный дискурс» наблюдается достаточно высокая интенсивность цифровой повестки «Конституция» и равномерное распределение тематик: вокруг центра визуализируются равномерно расположенные крупные хабы, а к периферии диаметр узлов постепенно уменьшается, что говорит о взаимосвязи тематик между собой и их связи с центральной темой (рис. 1А).

В первой контрольной точке (март 2020 г.) в измерении «Сетевой дискурс»

распределение языков и тематик было следующим (рис. 2А). Центр дискурсивного поля немного размыт, при этом имеются хабы на русском языке. В центре дискурсивного поля наблюдается дисперсионное распределение украинского и болгарского языков. У дискурсивного поля наблюдается плотная периферия с крупным кластером на болгарском языке. На краю периферии визуализируются небольшие кластеры на русском, болгарском, украинском и английском языках.

Лингводискурсивный анализ показал, что формирование повестки посредством рекуррентных сообщений является типичной стратегией в измерении «Сетевой дискурс» во всех контрольных точках.

В первой контрольной точке цифровая социально-политическая повестка в основном формируется противостоянием провластного и оппозиционного дискурсов с преобладанием в повестке второго, направленного на дискредитацию официальной власти и подрыв доверия к правительству. Провластный дискурс направлен на обоснование необходимости внесения поправок в Конституцию, некоторые положения которой ставят Россию в зависимое от Запада положение, и агитацию граждан прийти на выборы.

Ядро сети «Пользователи» (рис. 3) составляют аккаунты политических деятелей, блогеров, пишущих на политические темы. Можно констатировать высокий уровень диффузионных процессов, которые обеспечивали постоянное взаимодействие дискурсивных полей, не давая возможности цифровой социально-политической повестке расщепиться. Однако стоит отметить, что в первой контрольной точке провластный дискурс встраивался в оппозиционный. Для оппозиционного дискурса характерна стратегия дискредитации (диффамация, сарказм, фейкньюс, призыв, отсылка к истории). На критику и сарказм провластный дискурс отвечает, используя такую же стратегию дискредитации (диффамация, сарказм, отсылка к истории).

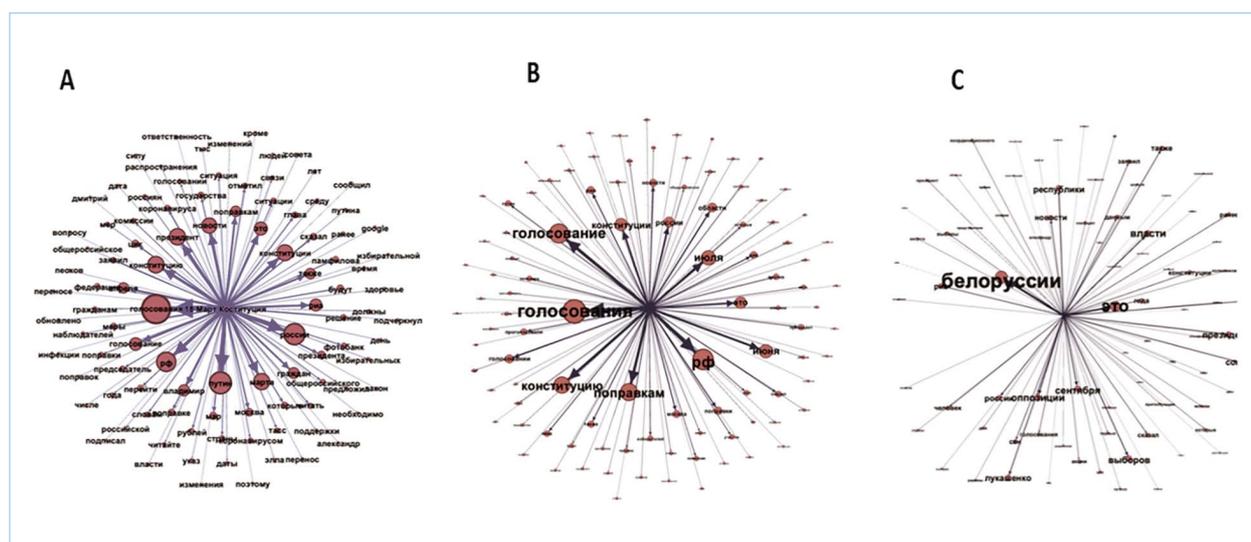

Рис. 1. Дискурс «Конституция» в цифровой социально-политической повестке дня официальных СМИ в 2020 г: измерение «Официальный дискурс» (три контрольные точки)

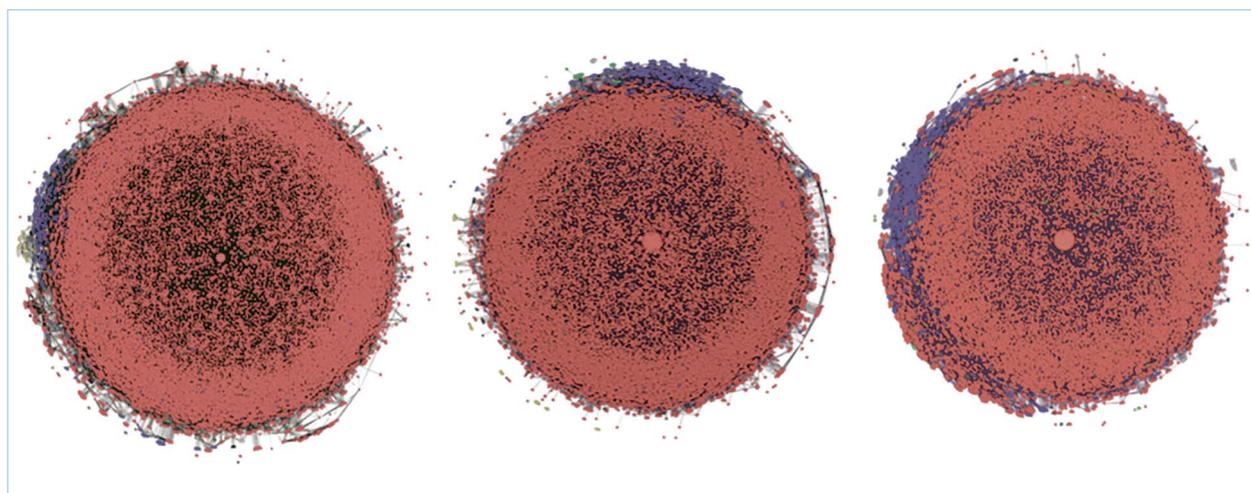

Рис. 2. Цифровая повестка «Конституция», формируемая сетью «Сообщения» в измерении «Сетевой дискурс» в трёх контрольных точках

Вторая контрольная точка (июнь–июль 2020 г.)

Во второй контрольной точке в измерении «Официальный дискурс» (рис. 1В) наблюдаются размывание дискурсивного поля и снижение интенсивности цифровой повестки «Конституция» на фоне неравномерного распределения основных тематик: вокруг центра визуализируются неравномерно расположенные крупные хабы, а к периферии диаметр узлов резко уменьшается, что говорит о слабой связи

тематик между собой и с центральной темой. Во второй контрольной точке акцент с активных действий властей в отношении граждан смещается на статичное описание ситуации, легитимность, аналитику и прогнозирование возможных результатов проведённого голосования.

Во второй контрольной точке в измерении «Сетевой дискурс» наблюдается уплотнение центра дискурсивного поля и периферии, что отражает усиление взаимосвязи между темами, обсуждаемыми

в рамках данного дискурсивного поля (рис. 2В). В центре дискурсивного поля, как и в первой контрольной точке, заметно дисперсионное распределение украинского и болгарского языков. Агрегации хабов на английском и русском языках, находящиеся на краю периферии дискурсивного поля, в данной точке расщепляются на более мелкие кластеры, что говорит о разнонаправленных векторах их развития. Агрегация хабов на периферии дискурсивного поля, представленная узлами на болгарском языке, незначительно увеличивается в размерах (на 0,5%).

Однако намечаются активное проникновение дискурса на болгарском языке в плотный периферийный слой основного дискурсивного поля (что свидетельствует о тенденции размывания поля с перетягиванием внимания к тематикам, обсуждаемым в рамках болгарского кластера)

и формирование альтернативного дискурсивного поля.

Лингводискурсивный анализ показал, что продолжается противостояние провластного и оппозиционного дискурсов, причём с явным доминированием второго. Основной тактикой оппозиционного дискурса на данном этапе по-прежнему остаются сарказм и диффамация власти, оценочная номинация и гротескное представление действительности. Целью такой стратегии является расширение круга читателей за счёт актуальности обсуждаемых тематик и моделирование определённого фокуса — подрыва доверия к официальной власти, формирования негативного отношения к ней, агитации населения бойкотировать голосование, а затем — их результаты.

Доля провластного дискурса во второй контрольной точке минимальна. Сообщения в основном содержат либо призыв

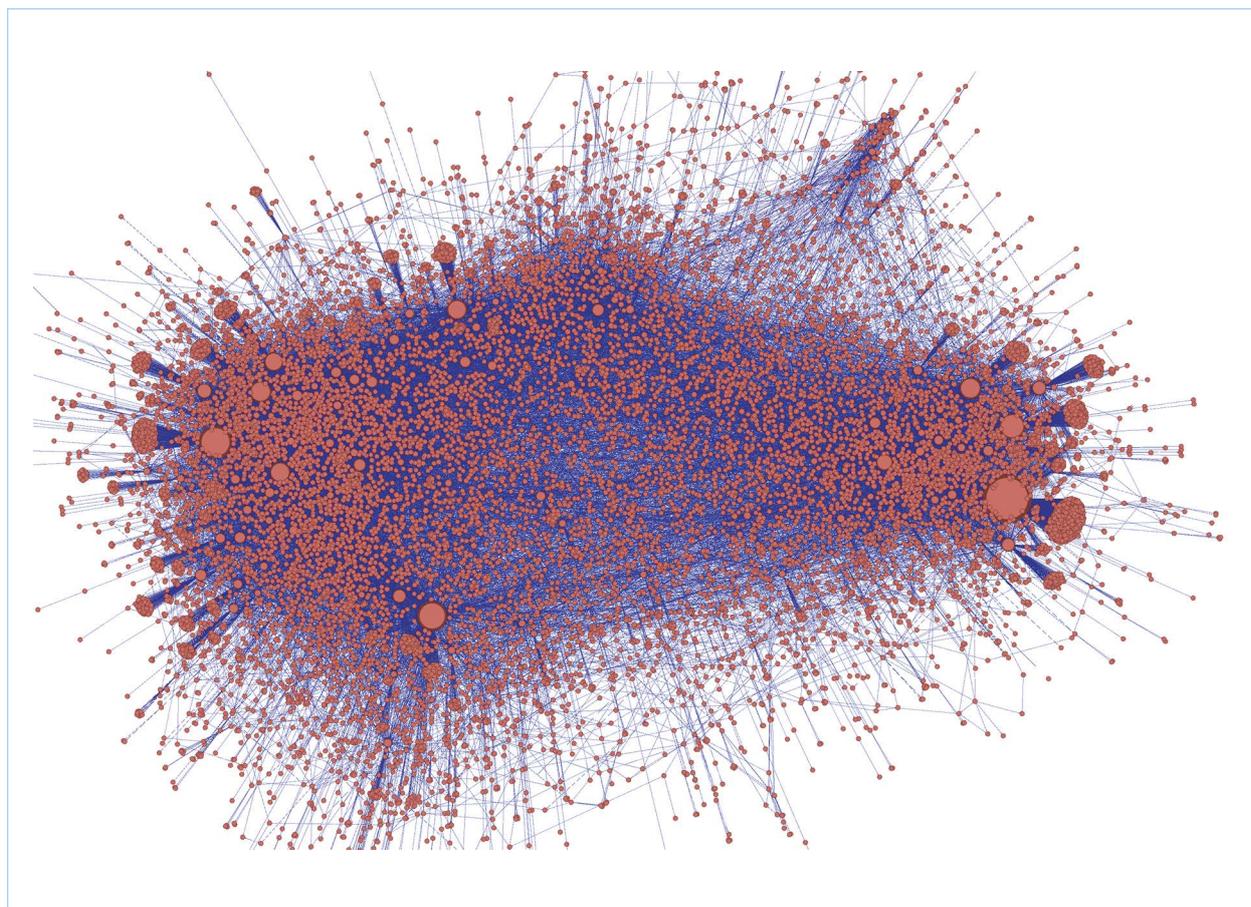

Рис. 3. Ядро пользователей, составивших сеть «Пользователи» в модели цифровой социально-политической повестки (март 2020 г.)

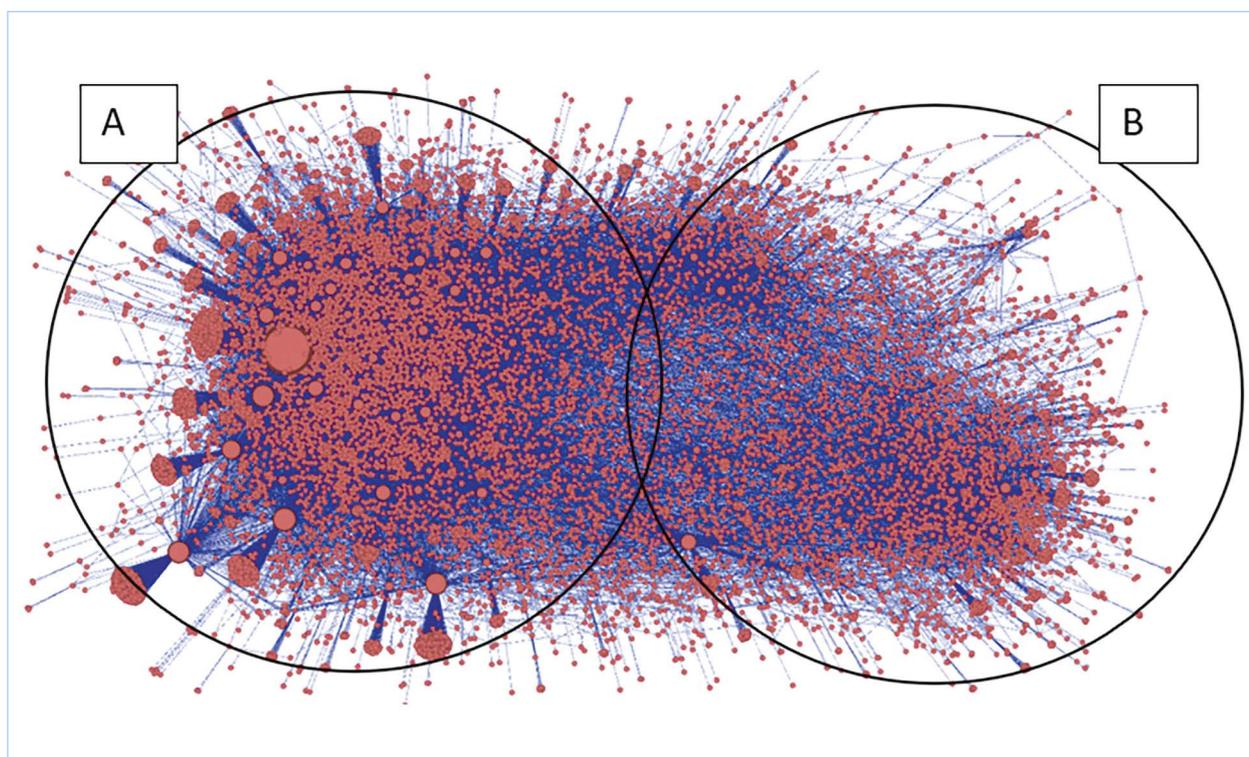

Рис. 4. Ядро пользователей, составивших сеть «Пользователи» в модели цифровой социально-политической повестки (июнь–июль 2020 г.)

поддержать официальную власть и оценить конструктивные изменения в стране, либо обвинения в адрес граждан и политических групп, препятствующих её развитию. Это подтверждают анализ сети «Пользователи» и отсутствие поляризованности, а также провластных хабов (рис. 4). Основным хабом является пользователь под ником «prof_preobr» – представитель оппозиции.

Во второй контрольной точке провластный дискурс встраивается в оппозиционный, но доля провластного дискурса минимальна. Сообщения (провластный дискурс) в основном содержат либо призыв поддержать официальную власть и оценить конструктивные изменения в стране, либо обвинения в адрес граждан и политических групп, препятствующих её развитию.

В провластном дискурсе используются стратегии апелляции и дискредитации. Уровень диффузионных процессов предельно низкий, и отсутствие поляризованности в сети «Пользователи» в целом

расщепляет повестку. Это позволяет перевести фокус внимания с поправок к Конституции на обсуждение власти в целом.

Третья контрольная точка (сентябрь 2020 г.)

В третьей контрольной точке в измерении «Официальный дискурс» наблюдается практически полное размывание дискурсивного поля и снижение интенсивности цифровой повестки «Конституция» практически в два раза на фоне появления альтернативных относительно «Конституции» тематик (рис. 1С). Из повестки не уходят окончательно «голосование» и «Конституция», однако частотность их упоминаний по сравнению с предыдущим периодом снижается в пять раз, а таких единиц, как «России», «РФ», «новости» – в 2,5 раза за весь период.

Несмотря на наличие отдельных сообщений, в которых Президент РФ является активным актором, из повестки полностью уходит хаб «Путин».

В третьей контрольной точке в измерении «Сетевой дискурс» сохраняется

положение в отношении центра дискурсивного поля: связи достаточно слабые с незначительной тенденцией к кластеризации (рис. 2С). Частота упоминаний единицы «Конституция» снижается почти в два раза. В центре дискурсивного поля, как в первой и второй точках, наблюдается дисперсионное распределение украинского и болгарского языков. Из поля уходят дискурсы на английском языке, незначительно увеличивается доля украинского языка. При этом в два раза усиливается болгарский кластер, который размывает плотный край периферии, и от дискурсивного поля отделяется крупный кластер, состоящий из узлов на русском и болгарском языках.

Данная тенденция отражает формирование альтернативного дискурсивного поля, опосредованно связанного с темой «Конституция».

Лингводискурсивный анализ показал, что основной стратегией оппозиционного дискурса, как и в предыдущий период, остаётся троллинг, проявляющийся в сарказме, гротескном представлении действительности, подстрекательстве к провокациям, направленным на выявление триггерных точек, которые позволяют вовлекать в дискурсивное поле новых пользователей, осуществлять деструктивное воздействие и способствовать его распространению в сети; повышать уровень антагонизма и вызывать деструктивные социальные действия.

Как показывает анализ сети «Пользователи», оппозиционное ядро, как и ядро провластных аккаунтов, практически не выражено (рис. 5). Оно начинает размываться хабами с нейтральной политической позицией, стремящимися к формированию собственного имиджа в ходе

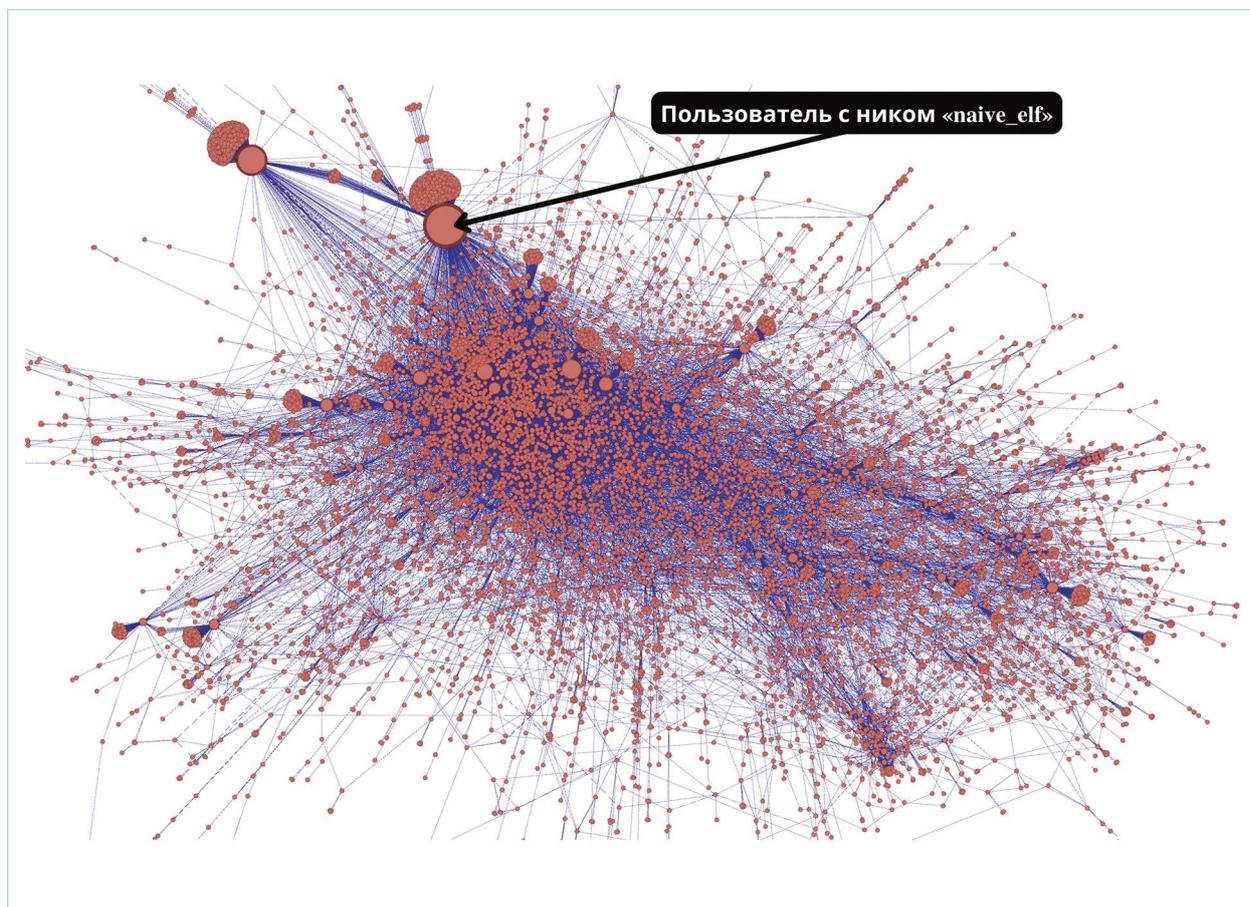

Рис. 5. Ядро пользователей, составивших сеть «Пользователи» в модели цифровой социально-политической повестки (сентябрь 2020 г.)

единого дня голосования по вопросам конституционных поправок (например, пользователь с ником «naive_elf»).

В третьей контрольной точке провластный дискурс практически отсутствует. Это объясняется тем, что стратегией оппозиционного дискурса по-прежнему остаётся неконструктивная дискурсивная активность, лучшим средством нивелирования которой является купирование/отсутствие взаимодействия. Усиливается расщепление цифровой социально-политической повестки для перевода обсуждения, связанного с конституционными поправками, в другие плоскости.

Основные выводы

Данное исследование позволило впервые интегрировать в целостную когнитивную конструкцию разноуровневые и разносоставные явления, характеризующие комплекс субъектов, факторов, технологий и результатов формирования и управления цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве. Такой подход задал новую теоретическую рамку, позволил разработать и апробировать новый аналитический инструментарий для масштабных цифровых исследований на основе сетевых данных коммуникативных практик субъектов публичного управления и населения в условиях турбулентных ситуаций, влияющих на устойчивость и стабильность развития страны в целом.

Обоснование управленческого инструментария, описание его модельных и технологических характеристик не имеет аналогов в мировой науке и практике государственного управления.

Будучи посвящённой голосованию по поправкам в Конституцию РФ в начале исследуемого периода (март 2020 г.), когда мы наблюдали расширение круга освещаемых проблем и равномерных ак-

центов на разнообразных тематиках для вовлечения в дискурсивное поле большего количества участников (*Стратегия вовлечения*), повестка значительно трансформировалась ко второй контрольной точке. В этот период (июнь–июль 2020 г.) значительно сузился круг освещаемых проблем при неравномерном акцентировании тематик – сохранении фокуса лишь на определённых смыслах освещаемых вопросов (*Стратегия прагматического моделирования*).

Задачей первого этапа стало вовлечение максимального числа участников в дискурсивное поле, формирующее цифровую социально-политическую повестку дня «Конституция», с последующей концентрацией фокуса привлечённых участников на смыслах «гражданский долг», «легитимность».

В третьей контрольной точке (сентябрь 2020 г.) дискурсивное поле «Конституция» становится разреженным. Мы наблюдаем полную трансформацию цифровой социально-политической повестки «Конституция». Дискурс, связанный с Конституцией РФ, замещается по принципу смежности дискурсом, посвящённым Конституции Белоруссии (*Стратегия дискурсивной субституции*).

Исследование позволило выявить точки пересечения и расхождения дискурса, формируемого гражданским обществом и официальными СМИ, и как следствие – выявить содержание и направление векторов, формирующих цифровую социально-политическую повестку дня. Очевидно, что наличие разнонаправленных векторов в цифровой социально-политической повестке, особенно в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций, не позволяет стабилизировать социально-политическую систему и мобилизовать гражданское население на конструктивные социальные практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Power of Information Networks New Directions for Agenda Setting / Ed. by Lei Guo, Maxwell McCombs. Routledge, 2015.
2. Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды / Н.А. Рябченко, В.В. Катермина, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева. М.: ФЛИНТА, 2020.
3. Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Малышева О.П., Катермина В.В. Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г.? // Политическая наука. 2021. № 4. С. 135–160. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06>.
4. Рябченко Н.А., Малышева О.П. Характеристики современной политической коммуникации в online-пространстве // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 101–113.
5. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 92–106. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>.
6. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Катермина В.В., Гнедаш А.А. Модель коммуникации «Говорящий — Слушающий» в условиях цифровизации лингвистического поворота: опыт сетевого и лингводискурсивного анализа контента видеохостинга «YouTube» // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 81–94. https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_07.
7. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Мирошниченко И.В. Дискурс «Конституционные поправки» и «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в 2020 г.: агитация VS сдерживание в официальных СМИ // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. № 15 (2). С. 143–155. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-142-155>.
8. Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В., Гнедаш А.А. От «квазикритики власти» к дискурсу «соучастия и развития»: общественная повестка дня в социальных сетях рунета (практики сетевых сообществ) // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. № 21 (3). С. 20–36. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-20-36>.
9. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекция // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 378–402.
10. Тимофеева Л.Н. СМИ в условиях доминирования политики постправды // Политика постправды в современном мире: Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» (22–23 сентября 2017 г.) / Под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 226–230.

ENGLISH

Managing the Digital Socio-Political Agenda Online: Subjects, Technologies, and Results

Natalya Anatolievna Ryabchenko – Candidate of Science (Political Science), assistant professor at the Department of Social Work, Psychology and Pedagogy of Higher Education, Kuban State University (KubSU), head of the project ‘Managing the Digital Socio-Political Agenda Online: Subjects, Technologies, and Results’ (20-011-31626).

E-mail: rrrnatali@mail.ru

Olga Petrovna Malysheva – Candidate of Science (Philology), assistant professor at the Department of English philology KubSU, executor of the same project.

E-mail: malisheva_83@mail.ru

Sergey Vyacheslavovich Uskov – graduate student at the Department of Public Policy and Public Administration KubSU, executor of the same project
E-mail: usv82@mail.ru

The aim of the study is to identify and characterize the actors, factors, technologies and results of managing the online social and political agenda and to propose models of its management to public authorities. The model of online agenda, developed by the authors, was tested on the empirical data of the ‘Constitution’ case. The empirical basis for the study of the digital agenda (March–September 2020) was 1,150 million messages on Twitter and Facebook, the news content (5,000 publications) of the major national agencies Interfax, RIA Novosti and TASS, and the accounts of 460,000 users.

To identify technological methods of building and managing the socio-political agenda on the Internet and assess their effectiveness, the authors used methods of network, visual and linguistic analysis (content analysis, semantic analysis of hashtags in the obtained arrays of empirical data).

As a result, conclusions were made on three strategies to manage the online agenda: the strategy of engagement (expanding the range of issues covered and equal emphasis on a variety of topics to involve more participants in the discourse); the strategy of pragmatic modelling (narrowing the range of issues covered with uneven emphasis on topics, i.e. maintaining a focus only on certain concepts of issues covered); strategy of discursive substitution (complete transformation of the digital socio-political and political ‘Constitution’ agenda and its replacement with other connected topics).

The study revealed the intersections and divergences between the discourse shaped by civil society and the official media, and, as a result, revealed the content and vectors that shape the online socio-political agenda. Obviously, the existence of divergent vectors in the digital socio-political agenda, especially in crisis and emergency situations, prevents social and political system stabilization and civil society mobilization for constructive social practices.

Keywords: digital social and political agenda, online environment, network approach, network analysis, linguo-discursive analysis, Data Science, Big Data, constitutional amendments, pandemic, news and information agencies

REFERENCES

1. The Power of Information Networks New Directions for Agenda Setting / Ed. by Lei Guo, Maxwell McCombs. Routledge, 2015.
2. Modeli i praktiki upravleniya politicheskim kontentom v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv v epokhu postpravdy / N.A. Ryabchenko, V.V. Katermina, A.A. Gnedash, O.P. Malysheva. M.: FLINTA, 2020 (in Russian).
3. Ryabchenko N.A., Gnedash A.A., Malysheva O.P., Katermina V.V. Upravlenie politicheskim kontentom v onlayn-prostranstve sovremennykh gosudarstv: kak Twitter ne pozvolil D. Trampu vyigrat' prezidentskie vybory v 2020 g.? // Politicheskaya nauka. 2021. № 4. S. 135–160. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06>. (in Russian).
4. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P. Kharakteristiki sovremennoy politicheskoy kommunikatsii v online-prostranstve // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2020. № 2. S. 101–113 (in Russian).
5. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. Upravlenie politicheskim kontentom v sotsial'nykh setyakh v period predvybornoy kampanii v epokhu postpravdy // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. № 2. S. 92–106. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07> (in Russian).

6. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Katermina V.V., Gnedash A.A. Model' kommunikatsii «Govoryashchiy – Slushayushchiy» v usloviyakh tsifrovizatsii lingvisticheskogo povorota: opyt setevogo i lingvodiskursivnogo analiza kontenta videokhostinga «YouTube» // Politicheskaya lingvistika. 2021. № 1 (85). S. 81–94. https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_07 (in Russian).
7. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Miroshnichenko I.V. Diskurs «Konstitutsionnye popravki» i «Pandemiya koronavirusa» v tsifrovoy politicheskoy povestke dnya v 2020 g.: agitatsiya VS sderzhivanie v ofitsial'nykh SMI // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2021. № 15 (2). S. 143–155. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-142-155> (in Russian).
8. Ryabchenko N.A., Miroshnichenko I.V., Gnedash A.A. Ot «kvazikritiki vlasti» k diskursu «sochastiya i razvitiya»: obshchestvennaya povestka dnya v sotsial'nykh setyakh runeta (praktiki setevykh soobshchestv) // Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk. 2020. № 21 (3). S. 20–36. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-20-36> (in Russian).
9. Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika: mirovaya i rossiyskaya proektsiya // Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii: Nauchnoe izdanie / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy. M.: Aspekt Press, 2015. С. 378–402 (in Russian).
10. Timofeeva L.N. SMI v usloviyakh dominirovaniya politiki postpravdy // Politika postpravdy v sovremennom mire: Sbornik materialov po itogam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire» (22–23 sentyabrya 2017 g.) / Pod red. O.V. Popovoy. SPb.: Skifiya-print, 2017. S. 226–230 (in Russian).

**А.Н. ОСТРОВСКИЙ,
А.Э. МАМЕДОВ,
М.А. ОСТРОВСКАЯ,
В.Ю. ШИРЯЕВ,
Л.В. ЛАГУН,
Е.Р. ГОЛОБОРОДЬКО,
С.В. ПОПОВ***

Цифровые сообщества как актор социальных трансформаций в мегаполисе (на примере соседских, районных и городских групп в социальных сетях и мессенджерах)

Локальные цифровые сообщества в сети Интернет становятся всё более влиятельными и постепенно занимают место традиционных форм соседской коммуникации. На основе анализа локального информационного пространства сети Интернет в пяти городах России, различающихся по численности населения и уровню социально-экономического развития, авторами определены приоритетные темы онлайн-дискурса цифровых сообществ. В ходе социологического опроса членов 62 данных сообществ с общей численностью участников 5 192 106 человек выявлены мотивы вступления граждан в цифровые сообщества, степень и частота их соприкосновения с ними, формы активности жителей в соседских онлайн-группах. Проведена оценка гражданами воз-

* **Островский Антон Николаевич** — кандидат медицинских наук, декан факультета управления, руководитель Центра медиации и общественного взаимодействия Российского государственного социального университета (РГСУ), руководитель проекта «Цифровые сообщества как актор социальных трансформаций в мегаполисе (на примере соседских, районных и городских групп в социальных сетях и мессенджерах)» (20-011-33051).

E-mail: ostrovskii@rgsu.net

Мамедов Андрей Эльшанович — магистрант юридического факультета РГСУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: aaamamedovaaa@gmail.com

Островская Марина Антоновна — выпускница факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», исполнитель того же проекта.

E-mail: m-ostrovsky@mail.ru

Ширяев Владимир Юрьевич — ученик 11-го класса «Гимназии № 10» г. Перми, председатель некоммерческой организации «Детский общественный совет при Уполномоченном по правам ребёнка в Пермском крае», исполнитель того же проекта.

E-mail: shiriaevzar@gmail.com

Лагун Леонид Вадимович — студент Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: lagunleonid6@gmail.com

Голобородько Егор Романович — магистрант факультета социологии РГСУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: goloborodkoegor101@gmail.com

Попов Сергей Викторович — студент 1-го курса факультета мировой экономики Дипломатической Академии МИД России, исполнитель того же проекта.

E-mail: sergey.popov5737@mail.ru

возможности виртуальных коммуникаций для постановки проблемных вопросов перед органами власти, выявлены виды офлайн-активности, которые были инициированы в формате онлайн-общения соседских групп. Методом глубинного интервью исследована специфика личностных, профессиональных, ценностных характеристик лиц, осуществляющих модерацию локальных групп граждан в социальных сетях. Полученные в ходе исследования результаты могут быть приняты во внимание органами муниципальной власти для построения эффективной коммуникации с гражданским обществом; а сами цифровые сообщества могут стать инструментом партиципации в решении насущных проблем развития территорий.

Ключевые слова: локальная группа, цифровое сообщество, местное сообщество, социальные сети, контент, опрос, модераторы, интервью

Соседские чаты в мессенджерах, районные и общегородские тематические группы в социальных сетях – цифровые сообщества, дающие пользователям новые возможности защиты своих прав и становящиеся повседневной частью современной городской реальности, – продукт независимой от органов государственной власти низовой самоорганизации граждан.

Феномен цифровых сообществ представляет особую актуальность для изучения в связи с тем, что традиционно соседские взаимоотношения в крупных населённых пунктах не играли столь важной роли, как в небольших поселениях, где круг общения жителей весьма ограничен [1]. Так, И.А. Шмерлина, подчёркивая удовлетворённость свыше 80% опрошенных своими отношениями с соседями, отмечает более близкие связи жителей сёл и малых городов, где значительно большее число респондентов готовы прийти на помощь своим соседям, чем в мегаполисах [2]. Кроме того, согласно исследованию В. Вахштайна, большинство москвичей не знакомы с жильцами своего подъезда, а также не общаются с соседями по лестничной клетке, что может быть объяснено большей закрытостью обитателей мегаполисов [3].

Процесс распада традиционных городских сообществ сменился их трансформацией в цифровой формат. Одним из первых на подобные метаморфозы европей-

ских городов обратил внимание теоретик новых медиа Ян Ван Дейк в книге *The Network Society* [4]. Автор подробно описал происходящий в XX в. процесс «потери сообществ», который выражается в снижении количества взаимодействий людей в объединениях соседей, рабочих и пр. При этом, по мнению Ван Дейка, новые медиа (социальные сети) могут возродить и в какой-то степени заместить утраченные традиционные сообщества. Формирование виртуальных пространств коммуникаций вне сообществ коллег или друзей вполне укладывается в русло исследовательской логики американского урбаниста Р. Ольденбурга, описавшего феномен «третьих мест» – публичных городских пространств, расположенных в зоне проживания соседских сообществ и способствующих их укреплению [5]. Ключевой формой коммуникации здесь выступают разговоры, имеющие развлекательный характер, а также обсуждение политических и бытовых тем. В свою очередь Дж. Джекобс аналогичный формат общения местных сообществ – случайную и ни к чему не обязывающую коммуникацию, посвящённую повседневным проблемам, называет термином «тротуарные разговоры» [6].

Итак, цифровые формы взаимодействия вернули жителям городов, всё более активно вступающим в подобные сообщества, почти забытое соседское общение в новом формате, которое, по нашему мнению,

в современной России значительно вышло за рамки «третьего места» и «тротуарных разговоров» [7]. Данное суждение соотносится с позицией американского социолога Д. Уокера, который, изучив крупные интернет-форумы Филадельфии, определил, что подобные объединения граждан приводят к обсуждению важных городских проблем, значимых для локальных сообществ [8].

В целом тема соседских сообществ как инструмента выражения людьми собственной гражданской позиции и возможности участвовать в жизни своего подъезда, дома, района приобрела в СССР, а затем в России особое значение в связи со становлением в 1980-х гг. институтов местного самоуправления (территориального общественного самоуправления – ТОС) [9]. В 2000-х гг. такие формы соседских коммуникаций нашли отражение в деятельности соседских центров, организованных для жителей одной территории в специально оборудованных помещениях или местах культурного досуга (школах, библиотеках, кинотеатрах, парках) [10]. Однако, по мнению А. Травина, в нашей стране, в отличие от стран Запада, общество всё ещё менее структурировано в осознании принадлежности к своему городу, району, землячеству, сообществу по интересам [11].

Исследование российских реалий феномена соседских онлайн-коммуникаций и районных сообществ на примере Москвы представлено в работе С.Г. Давыдова и О.С. Логуновой [12], указывающих, что районные группы в столице связаны с повышенным запросом «определённой части жителей города на реализацию социальных проектов и реализацию принципа “права на город”» [13]. Авторы оценивают активность районных групп как проявление гражданского активизма и делают вывод о явных функциях онлайн-коммуникаций (информирования и коммуникации) и о латентных (общественно-политической и развлекательной).

Соседскому общению через группы в сети Facebook посвящены также иссле-

дования А.В. Павлова, который предполагает, что общение в социальных сетях как форма соседского общения является одним из самостоятельных режимов производства локальности [14]. Он отмечает, что восприятие границ района участниками локальных групп может отличаться от административных границ, больше ориентироваться на исторические границы и сложившиеся связи.

Е. Шмелёва ставит исследовательский вопрос о характере идентичности, репрезентируемой через локальные социальные сети, однако в качестве объекта выбирает ресурсы Foursquare и районные блоги на платформе «Большой город», которые несравнимы по популярности с социальными сетями [15].

По мнению авторов, значение локальных сообществ в социальных сетях возрастает в связи с развитием самих сетей и других информационных каналов. Актуальность оценки возможностей социальных групп значительно возросла в январе 2020 г. после заявлений, сделанных новым вице-премьером Правительства РФ М. Хуснуллиным в эфире телеканала «Россия 1» о необходимости реализации программы реновации на территории всей страны [16].

Отметим, что объективная реальность в информационной сфере меняется достаточно быстро, исследования трёхлетней давности уже не отражают существующее состояние деятельности локальных групп в сети Интернет. Все ещё остаются открытыми вопросы: как и кто организует городские онлайн-сообщества? кто является их лидерами? что ими движет? кто, почему и зачем готов вступать в соседские и городские группы в социальных сетях? что обычно обсуждают в цифровых сообществах? как, где и зачем онлайн-активность цифровых сообществ может перейти в офлайн-формат?

В рамках проекта мы провели исследование феномена цифровых сообществ горожан и тенденций развития их деятельности как формы эффективной гражданской консолидации для инициирования

решения актуальных проблем в условиях социальных трансформаций.

Результаты анализа контента цифровых соседских сообществ

В ходе исследования были выявлены и проанализированы 62 группы в социальных сетях и мессенджерах с общей численностью участников 5 192 106 человек, объединяющие жителей отдельных районов/городов. Проведён анализ тематики постов, размещаемых в данных группах; осуществлена типология тем постов по их группам; проанализирована частота размещения постов; проведено отнесение их к тематическим группам. Тематические группы постов ранжированы по числу их актуализации в виде размещённых и обсуждаемых сообщений на соответствующие темы. Проведённый нами анализ локального информационного пространства сети Интернет в пяти городах России показал, что в целом в рассмотренных регионах доля лиц, зарегистрированных в тех или иных соседских группах, составила 26%, при этом наименьшая доля участников групп по отношению ко всему населению города наблюдалась в Москве (2,5%). В Санкт-Петербурге данный показатель составил 48%, в Перми – 141%; в Саратове – 89%; в Тарко-Сале – 324% (это объясняется тем, что группы с участием жителей Тарко-Сале зачастую рассматривают проблематику всего Ямало-Ненецкого округа и включают жителей других районов). Первое место в рейтинге тем размещаемых постов заняла группа «новости», к которой была отнесена вся информация о событиях в городах, чрезвычайных ситуациях (ДТП, прорыв труб, отключения воды и др.), происходивших на территории. Второе место заняли посты, представляющие собой вопросы/ответы на насущные бытовые частные темы, беспокоящие граждан. На третьем месте в общем рейтинге групп тем оказались посты, посвящённые проблематике благоустройства городской среды и развития инфраструктуры, в том числе критически оцениваю-

щие властные инициативы в данном направлении. Отметим, что данная тематика в соседских группах социальных сетей Москвы оказалась лишь на шестом месте, уступив третье место постам, посвящённым домашним животным («отдам в добрые руки», «пропажа животных», советы, обсуждения и т.д.). Четвёртое место в общем рейтинге (и, в частности, в Москве) заняли сообщения с размещениями фото города и района, зачастую ретрофото, на которых изображены всем известные места и виды. На пятом месте во всех регионах, вошедших в исследовательский проект, – посты, посвящённые домашним животным. В Москве пятое место заняли сообщения с претензиями к работе организаций, оказывающих жилищно-коммунальные услуги. В свою очередь, во всех остальных рассмотренных регионах проблема ЖКХ оказалась лишь на шестом месте. Вопросы политики (оторванные от насущных проблем благоустройства и содержания городского хозяйства) во всех городах проекта (в том числе в Москве) заняли лишь седьмое место.

Результаты социологического опроса участников цифровых соседских сообществ

В ходе проведения онлайн социологического опроса были выявлены немногочисленные общие черты участников цифровых сообществ Москвы и регионов, касающиеся мотивов присутствия в них: в качестве цели – «узнавать новости о моём районе» (85,6% – Москва; 50,2% – регионы) и обсуждать «благоустройство улиц, дворов, парков» (89,2% – Москва и 52,7% – регионы) (рис. 1).

По остальным ключевым характеристикам, связанным с оценкой деятельности горожан в локальных группах социальных сетей и чатах мессенджеров, проведённый нами опрос участников цифровых сообществ в различных городах России показал следующие различия: в степени осознанности потребности в ресурсе, освещающем локальную информационную повестку: если 51,4% опрошенных москвичей

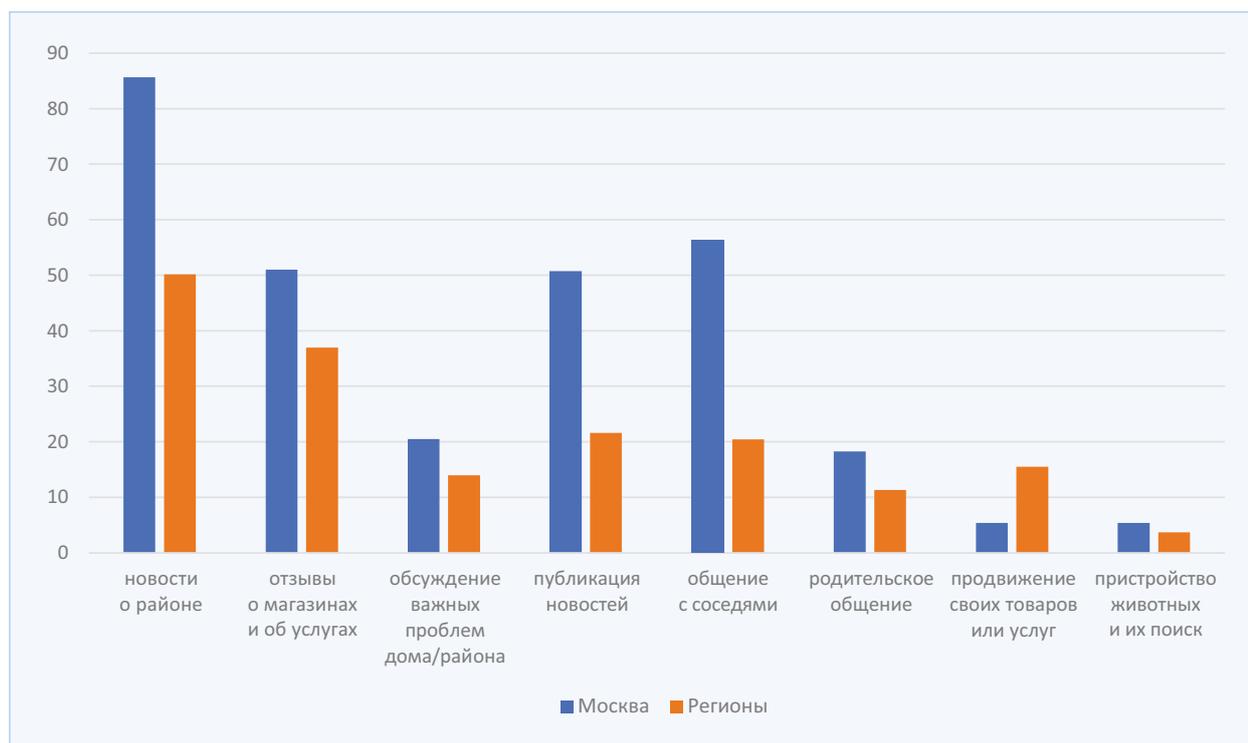

Рис. 1. Мотивы участия граждан в цифровых соседских сообществах

целенаправленно искали в сети локальные цифровые сообщества, то в регионах количество граждан, имеющих аналогичный запрос на информацию, среди участников проведённого опроса оказалось значительно меньшим (30,2%); в предпочтениях к каналам соседских коммуникаций: наиболее популярной социальной сетью для создания соседских групп в Москве выступает социальная сеть Facebook (89,9%), а наиболее популярным мессенджером для общения соседей – WhatsApp (52,5%). В целом данные об участии респондентов, проживающих в Москве и регионах, в различных цифровых сообществах (своего района/квартала; своего дома; других районов; районов, где респонденты работают и где имеют недвижимость), представлены на рис. 2.

В регионах, соответственно, бо́льшая часть соседских групп создана в ресурсе ВКонтакте (55,9%); основная часть чатов – в мессенджере Viber (34,7%). Наиболее распространённым ответом о частоте посещения соседских виртуальных ресурсов в Москве стал ответ «несколько раз в день» (22,7%); в регионах – «несколь-

ко раз в неделю» (23,3%), что же касается степени участия в деятельности цифровых сообществ, то активность граждан в соседских группах и чатах столицы несколько выше, чем в регионах (рис. 3).

Так, наиболее распространёнными ответами об участии в деятельности цифровых сообществ в группах социальных сетей и чатах Москвы стали следующие: «принимаю активное участие в обсуждении вопросов, касающихся моего подъезда/дома/двора/района, но не всегда нахожу на это время» (36,3% (группы); 30% (чаты)). В регионах лидировал ответ «довольно редко принимаю участие в обсуждении вопросов, касающихся моего подъезда/дома/двора/района (26,3% (группы); 32,2% (чаты)); мотивах участия в цифровых сообществах.

Доминирующим ответом на вопрос в обеих группах является возможность «узнавать новости о моем районе» (Москва – 85,6%; регионы – 50,2%). Другие лидирующие мотивы к данной деятельности в Москве и регионах различны. Если в столице ресурсы для онлайн-общения соседей чаще используются для возможностей

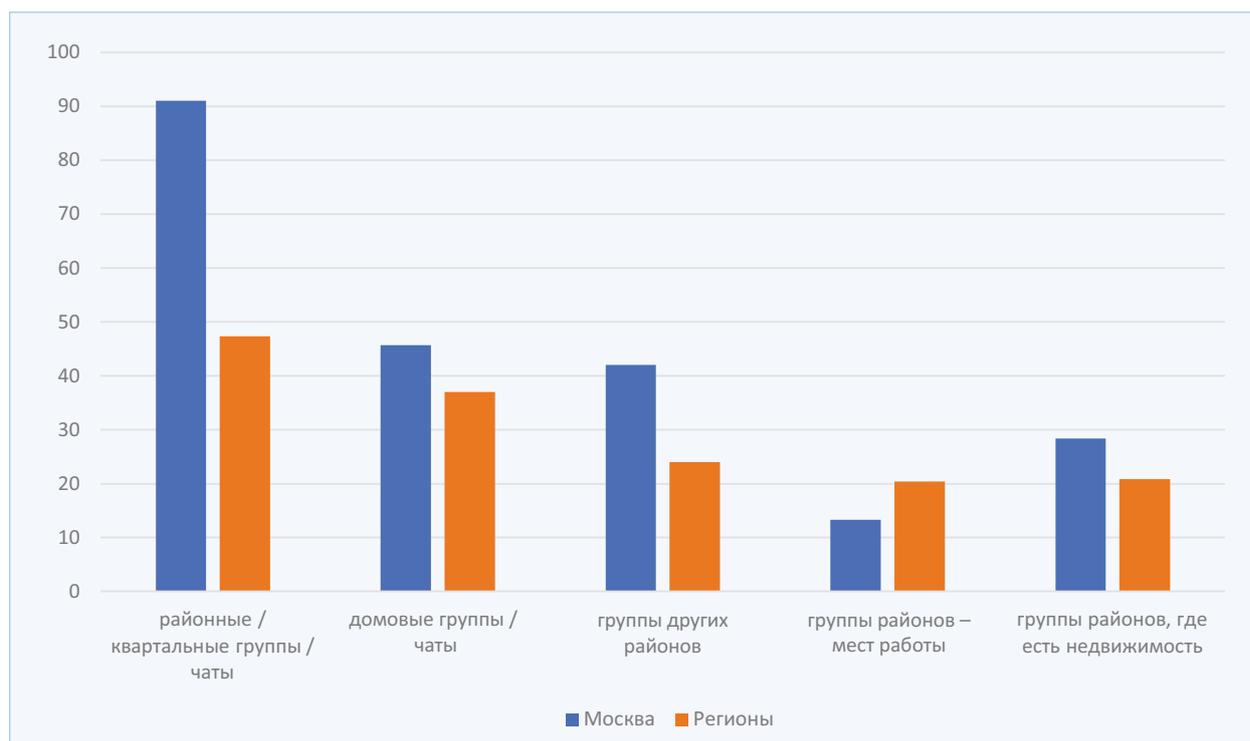

Рис. 2. Участие респондентов в различных цифровых соседских сообществах

коммуникаций («Группа позволяет мне обсуждать важные проблемы моего города/района/дома с моими соседями» (75,2%)); то в регионах отмечают более утилитарные цели использования рассматриваемых коммуникативных ресурсов («В районной группе можно получить отзывы о магазинах, об услугах в городе/районе» (37%)). Что касается оценки возможности онлайн-ресурсов цифровых сообществ как площадок для привлечения внимания органов власти к социальной проблематике территорий, то по мнению 41,4% московских респондентов обсуждение проблемной тематики в виртуальном пространстве позволяет добиться положительного административного решения. В регионах же число участников опроса, сообщивших о подобном положительном опыте, значительно меньше (10,6%).

Наиболее обсуждаемой темой в цифровых сообществах в обеих группах респондентов выступает «благоустройство улиц, дворов, парков» (89,2% – в Москве и 52,7% – в регионах), по другим темам между группами отмечают различия.

Так, второй наиболее обсуждаемой в московских чатах и группах выступает тема «действия органов власти, не касающиеся градостроительной политики» (58,6%), третьей – «поведение соседей» (55,8%). В регионах в качестве второй наиболее популярной темы для соседского обсуждения выступило «поведение соседей» (44%); третьей – «капитальный ремонт дома» (38%). Анализ ответа на вопрос о видах офлайн-активности, инициированных с помощью соседских онлайн-ресурсов, выявил, что наиболее массовыми офлайн-мероприятиями в городских цифровых сообществах Москвы являлись сбор подписей по проектам публичных слушаний (28% личного участия) и «скоординированное участие во встречах с представителями органов власти (15%). В регионах лидирует «участие в субботнике» (15%).

Изучение политических пристрастий респондентов, принимающих участие в офлайн-активности, инициированной в онлайн-формате цифровых сообществ, показало, что в Москве среди лиц, принявших очное участие в организованных

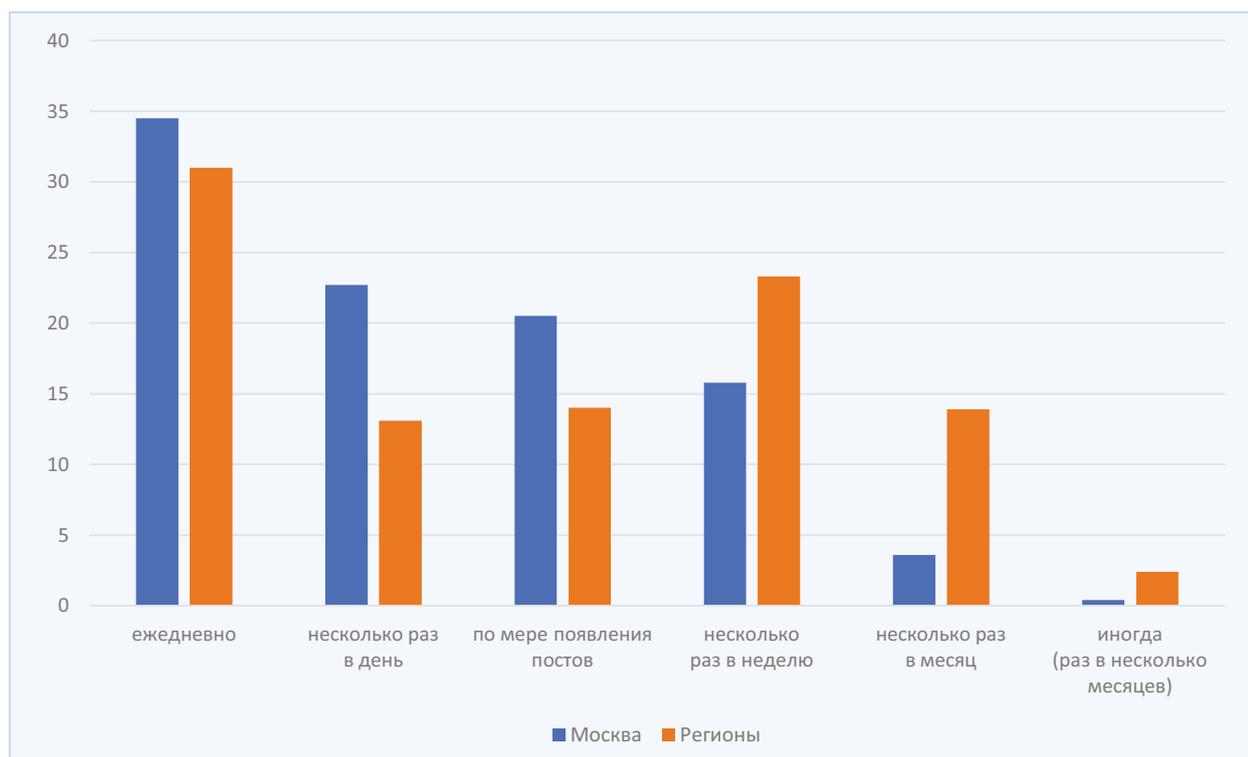

Рис. 3. Частота посещения соседских цифровых сообществ их участниками

мероприятиях, преобладали люди, поддерживающие независимых кандидатов или самовыдвиженцев, КПРФ и партию «Яблоко». В то время как в регионах в группе участников офлайн-активности наиболее многочисленными оказались представители электората «Единой России» и ЛДПР.

Цифровые соседские сообщества глазами их модераторов

Мы провели 35 глубинных интервью с администраторами цифровых соседских (городских) сообществ в пяти городах России, различающихся по численности населения и уровню социально-экономического развития, в трёх мегаполисах — Москве (20 интервью), Санкт-Петербурге (15 интервью), Перми (2 интервью), а также городе с числом жителей до миллиона — Саратове (2 интервью) и одном из районных центров — городе Тарко-Сале, административном центре Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа (в качестве объекта сравнения) (1 интервью). Были получены результаты, свидетельствующие о нарастающей обще-

ственной значимости и социальной эффективности онлайн-сообществ в современных отечественных мегаполисах. Сформированные изначально для координации московской общественно-политической офлайн-активности, связанной с недовольством программой реновации жилья, с координацией выборов независимых муниципальных депутатов в 2017 г., на сегодняшний день цифровые сообщества являются пространством для соседского общения, обмена информацией, по сути, выступая в качестве локального СМИ с интерактивным формированием контента, а также для инициации властных решений по беспокоящим граждан проблемным вопросам и офлайн-активности по особым поводам, чаще всего — неполитической направленности. Региональные онлайн-группы, изначально не имеющие опыта координации офлайн-мероприятий, которые связаны с социально-политической жизнью горожан, следуют в русле московской тенденции развития цифровых сообществ, но в отличие от Москвы локализируются по большей части в социальной

сети ВКонтакте, а не в традиционной для столицы сети Facebook.

Деятельность онлайн-групп соседей находится под постоянным наблюдением представителей органов власти, обычно присутствующих среди членов сообщества и активно реагирующих на поступающие сигналы о наличии общественного недовольства той или иной ситуацией, сложившейся на территории. В нынешнем виде цифровые соседские сообщества в значительной мере деполитизированы и ориентированы на решение локальных социальных или коммунальных проблем, значительно меньшее внимание уделяя федеральной информационной повестке или повестке уровня субъекта РФ. Кроме того, локальные сообщества в социальных сетях довольно дистанцированы от активного избирательного процесса. Модераторы групп в основном занимают нейтральную политическую позицию, в редких случаях блокируют контент политических сил, которым не симпатизируют. Модераторы сознательно фокусируют внимание членов цифровых сообществ на локальных проблемах территории, отдавая им значительно большее предпочтение, чем масштабным спорным ситуациям. Также локальные цифровые сообщества обретают всё больший опыт «добрых дел», связанных с инициацией решения властью различных локальных, чаще всего коммунальных, проблем.

Заключение

Принимая во внимание широкий и всё более нарастающий формат охвата населения цифровыми коммуникациями, в том числе связанный со сменой поколений социально активных граждан и выраженной пассионарностью модераторов локальных соседских групп, нельзя не допустить воз-

можность усиления роли цифровых сообществ в координации протестной активности как в онлайн-, так и в офлайн-режимах в случае возникновения значимых общественных противоречий. Фактически региональные локальные соседские группы обладают всеми необходимыми ресурсами для возможной смены формата информационной деятельности: широким охватом жителей, высоким уровнем доверия населения, вызванным всё чаще возникающим опытом положительного решения важных локальных социальных проблем и активностью существующих лидеров мнений групп.

Такая ситуация, по нашему мнению, должна рассматриваться не какстораживающее явление, требующее незамедлительных регуляторных мер, а скорее как ресурс для построения более тесного диалога власти и гражданского общества, использующего возникшие возможности подобных коммуникаций. Целями этого диалога могут выступать и разъяснительная работа по ряду случаев, требующих публичных пояснений в рамках увеличения степени информационной открытости власти, и вовлечение населения в обсуждение важных стратегических вопросов локального значения, и фактически онлайн-медиация социальных конфликтов по оси «власть—общество» с широким представлением позиций всех спорящих сторон.

Возможность создания социальных инструментов партиципации граждан для решения местных проблем, стоящих перед органами власти и местного самоуправления, сформированных с использованием ресурсов локальных цифровых сообществ, ещё только подлежат научно-практическому осмыслению, а сами инструменты — разработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смурыгина А.А. Соседские отношения как один из основных элементов городской жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://elis.psu.ru/node/632809> (дата обращения: 29.06.2021).

2. Шмерлина И.А. Социальная экология соседства // Социальная реальность. 2006. № 9. С. 35.
3. Вахштайн В. Соседи в большом городе. М.: Шанинка, 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://msses.ru/science/articles/1733/> (дата обращения: 29.06.2021).
4. Van Dijk J. The Network Society / 3rd edition. London: SAGE Publication, 2012.
5. Oldenburg R. Our vanishing «Third places» // Planning commissioners journal. 1996–1997. № 25. P. 6–10.
6. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
7. Якимова Е.В. Городское пространство как субъект социальных практик и объект личностного восприятия (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: Реферативный журнал. 2018. № 1. С. 43–51.
8. Walker D.M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Ph.D., University of Michigan, 2011. P. 308.
9. Шомина Е.С. Становление жилищного движения в России // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 78–88.
10. Шомина Е.С. Соседские центры как элемент инфраструктуры соседского сообщества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 4 (8). С. 95–104.
11. Травин А. В сетях городов. Какое будущее ждёт локальные социальные сети // Частный корреспондент. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/v_setyah_gorodov__15703 (дата обращения: 29.06.2021).
12. Давыдов С.Г., Логунова О.С. Сообщества московских районов в социальных медиа: контент и его модерация // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 204–221. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.10.).
13. Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 19.
14. Павлов А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 46–57.
15. Шмелёва Е. Новые медиа: переписывание или проектирование города? Кейс Foursquare и проекта «Районные блоги» // Социология власти. 2014. № 4. 137–155.
16. Хуснуллин заявил о необходимости всероссийской программы реновации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4232995> (дата обращения: 15.12.2021).

ENGLISH

Digital Communities as Actors of Social Transformation in Megacities (Examples of Neighbourhood, and City Chats and Communities in Messengers and Social Media)

Anton Nikolaevich Ostrovsky – Candidate of Science (Medicine), Dean of the Faculty of Management, Head of the Center for Mediation and Social Communication at the Russian State Social University (RSSU), Head of the project ‘Digital Communities as Actors of Social Transformation in Megacities (Examples of Neighbourhood and City Chats and Communities in Messengers and Social Media)’ (20-011-33051).

E-mail: ostrovskii@rgsu.net

Andrei Elshanovich Mamedov – graduate student at the Faculty of Law, RSSU, executor of the same project.

E-mail: aaamamedovaaa@gmail.com

Marina Antonovna Ostrovskaya – graduate of the Faculty of Social Science of the National Research University 'Higher School of Economics', executor of the same project.

E-mail: m-ostrovsky@mail.ru

Vladimir Yuryevich Shiryaev – student of the 11th form of Perm city Gymnasium No. 10, Chairman of the non-profit organization – Children's Public Council under the Ombudsman for Children's Rights in the Perm Region, executor for the same project.

E-mail: shiriaevzar@gmail.com

Leonid Vadimovich Lagun – Student of the Institute of Philology and Journalism, Saratov State University, executor of the same project.

E-mail: lagunleonid6@gmail.com

Egor Romanovich Goloborodko – graduate student at Sociology Department RSSU, executor of the same project.

E-mail: goloborodkoegor101@gmail.com

Sergei Viktorovich Popov – first-year student at the Department of World Economy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, executor of the same project.

E-mail: sergey.popov5737@mail.ru

Local online communities are becoming increasingly influential and are gradually replacing traditional forms of neighbourhood communication. Based on the analysis of the local Internet communities in four Russian cities, differing in population and social and economic development, the authors determined the priority topics of the online discourse. Through a sociological survey of the members of 62 such communities with a total number of 5,192,106 participants, the authors identified the people's reasons to join social media communities, the extent and frequency of their communication, forms of activity in neighbourhood online communities. The surveyed citizens assessed the ability to raise issues before the authorities through internet communication, identified the real-life activities initiated via online communication in neighbourhood communities. The study explored the personal, professional, value characteristics of moderators of local social media communities through in-depth interview. The results of the study can be considered by municipal authorities to build effective communication with civil society. Digital communities may become a tool of participation in solving urgent problems of local development.

Keywords: local online communities, digital community, local community, social media, content, survey, moderators, interviews

REFERENCES

1. Smurygina A.A. Sosedskie otnosheniya kak odin iz osnovnykh elementov gorodskoy zhizni [Elektronnyy resurs]. URL: <https://elis.psu.ru/node/632809> (data obrashcheniya: 29.06.2021) (in Russian).
2. Shmerlina I.A. Sotsial'naya ekologiya sosedstva // Sotsial'naya real'nost'. 2006. № 9. S. 35 (in Russian).
3. Vakhshayn V. Sosedi v bol'shom gorode. M.: Shaninka, 2014. [Elektronnyy resurs] URL: <https://msses.ru/science/articles/1733/> (data obrashcheniya: 29.06.2021) (in Russian).
4. Van Dijk J. The Network Society / 3rd edition. London: SAGE Publication, 2012.
5. Oldenburg R. Our vanishing «Third places» // Planning commissioners journal. 1996–1997. № 25. P. 6–10.

6. Dzhekobs Dzh. Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011 (in Russian).
7. Yakimova E.V. Gorodskoe prostranstvo kak sub"ekt sotsial'nykh praktik i ob"ekt lichnostnogo vospriyatiya (obzor) // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal. 2018. № 1. S. 43–51 (in Russian).
8. Walker D.M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Ph.D., University of Michigan, 2011. P. 308.
9. Shomina E.S. Stanovlenie zhilishchnogo dvizheniya v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 10. S. 78–88 (in Russian).
10. Shomina E.S. Sosedskie tsentry kak element infrastruktury sosedskogo soobshchestva // Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2015. № 4 (8). S. 95–104 (in Russian).
11. Travin A. V setyakh gorodov. Kakoe budushchee zhdyot lokal'nye sotsial'nye seti // Chastnyy korrespondent. 2010 [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.chaskor.ru/article/v_setyah_gorodov__15703. (data obrashcheniya: 29.06.2021) (in Russian).
12. Davydov S.G., Logunova O.S. Soobshchestva moskovskikh rayonov v sotsial'nykh media: kontent i ego moderatsiya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2018. № 1. S. 204–221. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.10.) (in Russian).
13. Medvedev I.R. Razreshenie gorodskikh konfliktov. M.: Infotropik Media, 2017. S. 19 (in Russian).
14. Pavlov A.V. Lokal'nye gorodskie soobshchestva v sotsial'nykh setyakh: mezhdru «sosedskoy» i «grazhdanskoy» kommunikatsiyey // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2016. № 5. S. 46–57 (in Russian).
15. Shmelyova E. Novye media: perepisyvanie ili proektirovanie goroda? Keys Foursquare i proekta «Rayonnye blogi» // Sotsiologiya vlasti. 2014. № 4. 137–55 (in Russian).
16. Khusnullin zayavil o neobkhodimosti vsrossiyskoy programmy renovatsii <https://www.kommersant.ru/doc/4232995> [Elektronnyy resurs] (data obrashcheniya: 15.12.2021) (in Russian).

Индекс УДК 32.019.5

Код ГРНТИ 11.15.89

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-97-108

**А.В. СОКОЛОВ,
А.А. БЕЛЯКОВ***

Структура протестной повестки в социальных сетях: проблемы, цели, поддержка

Виртуализация общественно-политической коммуникации существенно видоизменяет не только её структуру и способы транслирования идей и ценностей, но и специфику восприятия активистов. Онлайн протестная активность получила широкое распространение благодаря специфическим возможностям, предоставляемым социальными сетями. Основным инструментом информирования и мотивации активистов становится информация, передающаяся через социальные сети и используемая с определённой целью. Совокупность информации по схожей тематике может быть обозначена как повестка. Спецификой протестных повесток является многообразие поднимаемых проблем в рамках одной кампании. В связи с этим с течением времени основная повестка протеста видоизменяется, уступая место в общем информационном поле дополнительным идеям и проблемам. В рамках статьи рассматривается структура протестных повесток, транслируемых в социальных сетях на примере онлайн-сопровождения протестных кампаний в России в 2019–2021 гг. На примере реальных кейсов делается вывод о наиболее острых затрагиваемых проблемах, а также о специфике их транслирования и уровне поддержки со стороны пользователей социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, протестная активность, протестные повестки, протест, экологический протест, политизация

Теоретическое определение протестных повесток

Социальные сети заняли прочную позицию в пространстве общественно-политической коммуникации. В современном мире общепризнанной является необходимость анализа происходящих

в виртуальном пространстве событий для релевантной реакции на офлайн-активность. Вопросы актуальности цифровых средств коммуникации в современном обществе активно поднимаются в отечественных политологических и социологических исследованиях. Постепен-

* **Соколов Александр Владимирович** — доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета (ЯрГУ) им. П.Г. Демидова, руководитель проекта «Специфика формирования и динамика трансформации повесток сетевых протестных сообществ в современной России» (20-011-31346).

E-mail: alex8119@mail.ru

Беляков Алексей Александрович — аспирант ЯрГУ им. П.Г. Демидова, исполнитель того же проекта.

E-mail: belyakov.aleksey920@gmail.com

но меняется пространство для реализации гражданской активности: всё чаще используются социальные сети, блоги и форумы. В связи с этим трансформируются и способы выражения данной активности. В цифровом активизме наибольшее распространение получают лайки как выражение поддержки и интереса, репосты как желание поделиться информацией, а также комментарии как способ обсуждения и выражения собственной позиции. Для некоторых людей коммуникация в социальных сетях становится не просто инструментом общения, а необходимой формой коллективных действий, реализующихся исключительно онлайн [1]. Данные изменения, впрочем, не являются единственными, и исследователи отмечают формирование полноценной коммуникационной культуры социальных сетей. Общими чертами этой культуры являются опосредованность цифровыми технологиями, виртуальность, самопрезентативность, интерактивность, гипертекстуальность, креативность и ризомность [2]. Всё это также является и характеристикой онлайн гражданской активности в социальных сетях.

О росте роли цифрового пространства говорит и В.С. Володенков. Он отмечает, что в Интернете уже сформировалась устойчивая и глобальная среда массового потребления виртуальных образов, представлений и смыслов, которые выступают не просто заместителями реальных, а приобретают собственную самостоятельную ценность, которая, в свою очередь, также виртуальна [3]. В связи с этим становится всё более целесообразно рассматривать цифровую коммуникацию, которая в большей степени проходит в социальных сетях и мессенджерах, как отдельный феномен современных общественно-политических отношений. Особое значение подобных исследований обусловлено возможным деструктивным потенциалом Интернет-технологий и их развития, что может выражаться, например, в цифровом неравенстве, о котором всё чаще говорят в связи с существенными различиями между

возможностью использования цифровых благ [4].

Ещё одним измерением изучения социальных сетей и виртуального пространства, рассматриваемых в отечественных исследованиях, является формирование политического сознания и структуры потребления. Так, С.В. Володенков, С.Ю. Белоконев и А.А. Сулова особое внимание уделяют такому явлению, как «цифровое потребление». Они отмечают, что на уровне информационного потребления уже сегодня существует межпоколенческий цифровой разрыв, который необходимо учитывать при организации и реализации информационно-коммуникационных проектов в общественно-политической и социальной сферах [5]. При этом на формирование политического сознания могут влиять сразу несколько основных акторов: государство, СМИ, образовательные организации, лидеры общественного мнения и т.д. Специфика воздействия этих акторов в социальных сетях заключается в относительной свободе выражения мнения, а также в количестве источников информации и потенциальных потребителей.

Современные социальные сети позволяют включать в процесс формирования политического сознания не только живых людей и официальные организации, но и роботизированные системы: автоматические системы рассылки и ботов. Как отмечают О.Г. Михайленок и Г.А. Малышева, политико-коммуникационная активность ботов включает воздействие на информационное пространство с целью формирования политической повестки дня и регулирования политического дискурса в интересах проправительственных или оппозиционных сил [6]. Таким образом, мы можем говорить о постоянно усложняющейся структуре пространства социальных сетей за счёт появления акторов общественно-политической активности, которые воздействуют на политическое сознание пользователей не только непосредственно, но и через суб-акторов — различных ботов и иных роботизированных

систем. Итогом постоянного развития и расширения функционала социальных сетей является постепенная медиатизация политики и общественно-политических отношений в целом. Суть медиатизации политики заключается в перемещении реальной политической ситуации в символическое медиапространство [7]. Однако немаловажным остаётся смысл, закладываемый в транслируемую в социальных сетях информацию.

Совокупность подобных смыслов формирует протестную повестку — информационное содержание протестной кампании, отражающее основные проблемы, идеи и цели, затрагиваемые протестующими. При этом в структуру повестки могут входить несколько отдельно взятых тематик. Повестку, обозначаемую организаторами протеста как основную, можно назвать декларируемой, т.е. отражающей основную цель и причины формирования протеста. В то же время ни одна основная повестка не присутствует в рамках протеста в чистом виде, с течением времени уступая часть информационного пространства дополнительным, затрагивающим отдельные аспекты — как связанные, так и отличные от основной повестки.

Процесс преобразования повестки протеста — трансформация повестки. С целью выявления специфики трансформации протестных повесток в социальных сетях был проведён опрос 32 экспертов из 9 регионов России. Опрос проводился в формате анкетирования, содержал открытые и закрытые вопросы, а также шкалы (всего 11 вопросов). Среди опрошенных экспертов 25 представляют академическое сообщество, 3 — органы региональной власти, 2 — политические партии и НКО и органы местной власти. Из числа опрошенных 9 — имеют степень доктора наук, 16 — кандидата наук, 7 — без учёной степени.

Опрошенные эксперты выделили достаточно большое количество причин возможной трансформации основной протестной повестки, ключевые из которых представлены в таблице. Для удобства их

можно разделить на три группы: внутренние — т.е. происходящие внутри протестного сообщества или группы, внешние — влияющие извне (от изменения ситуации или действия других акторов, не зависящие от протестующих), а также смешанные — могут проявляться как внутри сообществ, так и за их пределами, на их появление могут влиять все акторы.

Необходимо отметить преобладание внутренних причин, из-за которых может произойти трансформация основной повестки. Мы наблюдаем ситуацию, когда происходит усложнение структуры акторов протеста за счёт вовлечения представителей новых групп, добавляющих свои аспекты в повестку или предлагающих новую повестку, в том числе альтернативную. В этом же смысле может происходить уход «основателей» протеста и «приватизация» протеста одной из новых групп участников, в том числе радикально настроенных, что также влечёт уход из протеста ряда сторонников.

Целостность основной повестки и степень трансформации составляют основу её структуры. При этом немаловажным фактором является то, на что направлены повестки в структуре протеста. Так, можно выделить следующую классификацию протестных повесток в зависимости от цели, которая в них заложена:

1. Информационные повестки предполагают освещение происходящих событий, новостей, связанных с протестом, а также иных событий. Использование информационных повесток составляет основное содержание протестной повестки.
2. Отчётные повестки отвечают за использование различных форматов донесения информации о результатах протестных акций. В качестве таких могут быть использованы публикации с указанием количества участников отдельных акций, результаты сбора средств для протестующих и т.д. Использование отчётных повесток способствует продвижению протеста, созданию видимости его активного течения.

Таблица

Причины трансформации повестки

Внутренние	Смешанные	Внешние
Появление новых тем, которые хотят обсудить инициаторы протеста, не желая при этом терять сформированное сообщество	Выход отдельных предметов протестной активности граждан на региональный или федеральный уровень	Конструктивная реакция представителей органов власти на требования гражданских активистов
Намерение оживить затухающий протест	Вовлечение дополнительных участников в процесс обсуждения конфликтной ситуации	Перехват инициативы другими лидерами протеста
Время и его недостаток или переизбыток (объём информационных поводов требует динамичной трансформации повестки)	Мнение авторитетных экспертов	Радикализация повестки и преследования со стороны правоохранительных органов, т.е. деструктивная реакция власти
Изменившийся общественно-политический, экономический и/или иной контекст протеста	Новые яркие события в информационном пространстве	Ошибки политического управления со стороны власти
Потребность в расширении базы участников протеста или расширившаяся база протеста, для которой нужны обновлённые целевые меседжи	Разрешение конфликта, ставшего причиной возникновения первичного протеста	Появление активных оппозиционных альтернатив с собственной повесткой
Неудачный результат протеста и как следствие — потребность обновления повестки	Изменение условий (внешних и внутренних) для реализации протеста	Принятие репрессивных законов

3. Мотивационные повестки содержат призывы к пользователям о необходимости принять участие в протесте. Особенностью данных публикаций является то, что они направлены не только на онлайн-сообщество, но и на офлайн, так как они предполагают вовлечение пользователей в офлайн-протесты, подписание петиций и т.д. Преобладание мотивационных повесток может свидетельствовать, с одной стороны, о желании организаторов протеста привлечь как можно большее число участников и обратить внимание на протест, с другой — о недостаточности существующей поддержки протеста.

Важным структурным элементом протестных повесток в социальных сетях является уровень поддержки. Поддержка — показатель вовлечённости пользователей в обсуждение и распространение информации о протесте. Показателями поддержки, в случае социальных сетей, могут служить лайки, репосты, комментарии, а также ко-

личество подписчиков и другие факты, доказывающие вовлечённость пользователей в процесс транслирования публикации.

Методика исследования

С целью определения структуры протестных повесток в социальных сетях и поддержки протестных повесток пользователями был проведён анализ сообществ в социальной сети «ВКонтакте» по семи наиболее крупным из известных кейсов протестов, реализованных на территории России в период 2019–2020 гг.:

- ◆ против строительства целлюлозно-бумажного комбината на территории Рыбинского водохранилища;
- ◆ против разработки шихана Куштау Башкирской содовой компанией;
- ◆ против строительства мусоросжигающих заводов;
- ◆ против строительства мусорного полигона на станции Шиес;
- ◆ против реализации проекта реновации в Москве;

- ◆ против пенсионной реформы;
- ◆ против ареста губернатора Хабаровского края С. Фургала.

Критериями выбора анализируемых сообществ является принадлежность к конкретной протестной повестке, которая обозначается как основная, а также наличие не менее 500 подписчиков для обеспечения постоянных реакций на публикации в группе. Критерий количества публикаций не являлся ключевым. Таким образом, были выделены 14 групп по семи кейсам, в которых проводился анализ.

Выбор в пользу социальной сети «ВКонтакте» обусловлен её популярностью в отечественном сегменте сети Интернет, а также наиболее полным перечнем способов поддержки, которые может проявить пользователь.

Для подсчёта количественных показателей активности организаторов протестной кампании в социальных сетях и активности пользователей был применён event-анализ публикаций в каждом из отобранных сообществ за соответствующий период с начала протестной кампании до её конца либо до конца 2020 г., если кампания продолжалась на момент проведения анализа. В рамках event-анализа были собраны данные о количестве публикаций по основной и дополнительной повесткам, а также количеству реакций, которые были оставлены под постами, содержащими данные повестки.

Количественные данные использовались для подсчёта двух типов индексов: трансформации основной протестной повестки и индекса поддержки повестки. С их помощью даётся оценка структуры протестных повесток в социальных сетях в рамках рассматриваемых сообществ.

Под поддержкой повестки понимается активность пользователей в рамках реакции на одну повестку в протестной акции или кампании, выраженная в лайках, репостах, комментариях, просмотрах. Коэффициент поддержки повестки используется для определения уровня вовлечённости пользователей социальных сетей в об-

суждение и распространение публикаций по ней. Поддержка повестки — активность пользователей в рамках протестной акции или кампании, выраженная в лайках, репостах, комментариях, просмотрах. Для того чтобы определить данный показатель, был применён индекс поддержки повестки, который позволяет в числовом выражении оценить степень вовлечённости пользователей в просмотры, распространение и комментирование той или иной повестки. Индекс представлен в виде формулы: $W = (\sum R * k) / P$, где $\sum R * k$ — это сумма реакций, умноженных на их весовые коэффициенты, P — количество постов. Весовые коэффициенты для данного индекса определялись при помощи экспертного опроса.

Коэффициент трансформации повестки предназначен для того, чтобы в простой графической и цифровой форме отразить трансформацию декларируемой повестки. Для того чтобы выразить трансформацию декларируемой повестки в числовом виде, применяется упомянутый ранее индекс трансформации декларируемой повестки, имеющий формулу

$$TRP = (P_{осн} - P_{n1} - P_{n2} - P_{nn}) / P_{общ},$$

где $P_{осн}$ — количество постов по декларируемой повестке, P_n — количество постов по дополнительной повестке, $P_{общ}$ — общее количество постов.

Структура протестных повесток в социальных сетях

В рамках анализа протестных кампаний 14 сообществ в социальной сети «ВКонтакте» были выделены 10 дополнительных повесток, которые в различной степени транслировались в каждом из сообществ. Всего в рассматриваемых сообществах за исследуемый период были сделаны 18 932 публикации, а общее число просмотров превысило 349 млн. Учитывая общее количество подписчиков сообществ (89 687), можно предположить, что освещение рассматриваемых протестных кампаний вышло далеко за пределы соз-

Рис. 1. Тематики публикаций

данных сообществ и активно распространялось в виртуальном пространстве социальных сетей.

Количественный анализ публикаций (рис. 1) позволяет говорить о преобладании в общем информационном поле публикаций по основной повестке.

Особое внимание обращает на себя преобладание ряда повесток, которые дополняют основную информационную линию протестной кампании. К таким повесткам можно отнести «загрязнение окружающей среды», «поддержку протеста и протестующих», а также публикации с критикой федеральной и региональных властей. Такое распределение повесток позволяет говорить о том, что основной посыл протестных кампаний был направлен не только на разрешение проблемы, но и на политизацию активности через открытую критику власти. Помимо этого высока доля публикаций на экологическую тематику, что, с одной стороны, объясняется ростом числа экологических протестных акций, а с другой – говорит о нерешённости данной проблемы по стране в целом, так как

публикации на данную тему встречались, в том числе, в неэкологических протестных сообществах.

Применение индекса трансформации основной протестной повестки к общему числу публикаций по семи рассматриваемым кейсам показало, что коэффициент трансформации основной информационной линии наиболее представленных в социальных сетях протестных кампаний равен 0,39. Такое значение коэффициента позволяет говорить о том, что организаторы протестных кампаний в целом придерживались изначально заявленных целей и транслировали в сети информацию, направленную на их достижение. Вместе с тем приближение значения к нулю говорит о том, что в рамках данных протестов возникали проблемы, обращавшие на себя особое внимание как организаторов (количество публикаций по дополнительным повесткам превышает 5 тыс.), так и пользователей.

Об интересе пользователей к дополнительным повесткам свидетельствуют итоги применения индекса поддержки повесток.

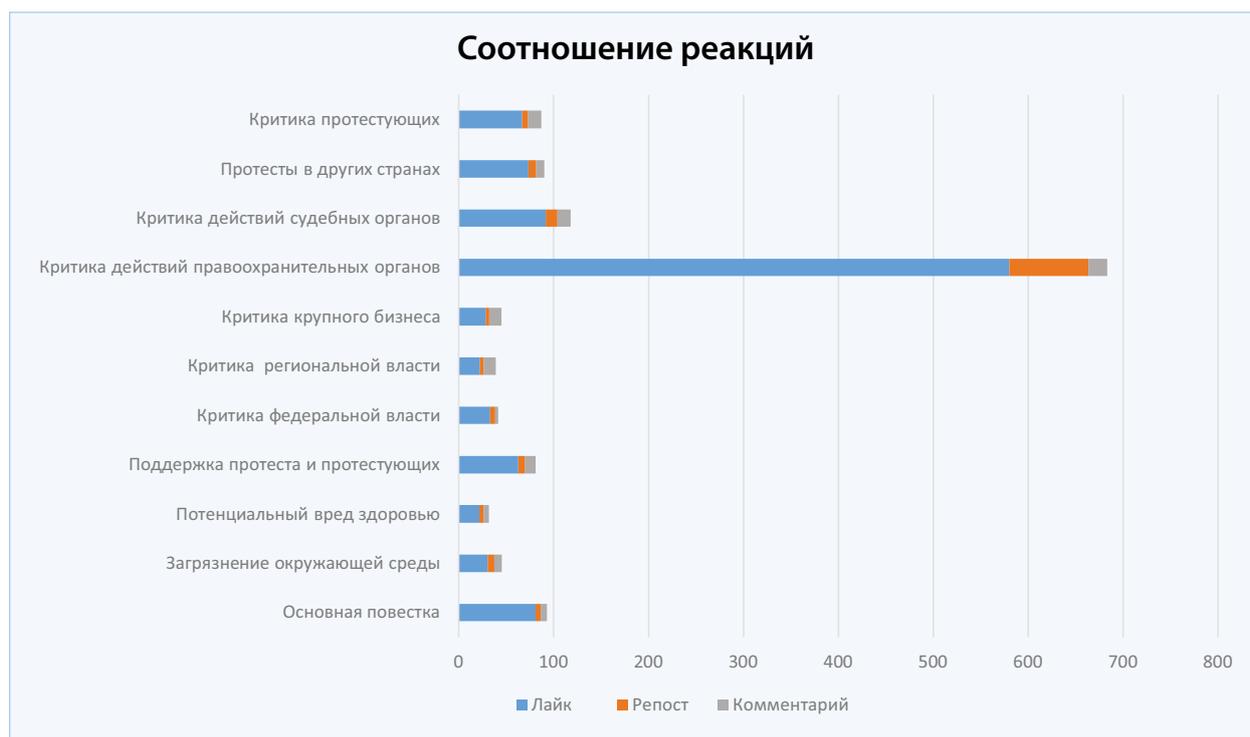

Рис. 2. Среднее число реакций на публикации по различным тематикам

На рис. 2 представлены результаты обработки свыше 1,6 млн реакций пользователей (без учёта просмотров).

Как показывает анализ среднего числа реакций на одну публикацию, становится очевидным, что основная повестка зачастую уступала в привлечении внимания пользователей. В особенности это заметно по реакциям на публикации с критикой действий правоохранительных органов, которая получила не только большее число лайков, но и значительно чаще обсуждалась и распространялась пользователями. Аналогичная ситуация также заметна в повестках с критикой судебной власти и поддержкой протестующих. Из этого можно сделать вывод, что наибольшее внимание публикация получает, когда речь в ней заходит об участниках протестных кампаний, противоправных действиях по отношению к ним, необходимости поддержки и т.д. Однако общая картина поддержки повесток не может характеризоваться исключительно средним числом реакций, так как очевидно, что основные повестки хоть и реже комментировались и распространялись, получили

большее число просмотров. В связи со значительным преобладанием данного показателя у основных повесток индекс поддержки повестки принял значение 78,01, что значительно выше среднего суммарного уровня поддержки всех повесток (55,74). Результаты подсчёта индекса поддержки повесток представлены на рис. 3. При сравнении уровня поддержки пользователями дополнительных повесток подтверждается вывод о наибольшем внимании пользователей к повесткам, связанным с активистами и взаимодействием с ними.

Анализируя третью структурную составляющую протестных повесток в социальных сетях — цель транслирования, необходимо отметить, что одна публикация могла выполнять несколько функций, например, информирование о происходящем на месте офлайн-протеста, а также призыв, мотивирующий к участию в нём. Это становится очевидно во время анализа смыслового содержания публикаций в рассматриваемых сообществах. Так, наибольшее число публикаций (14 773) носило информационный характер, большая часть

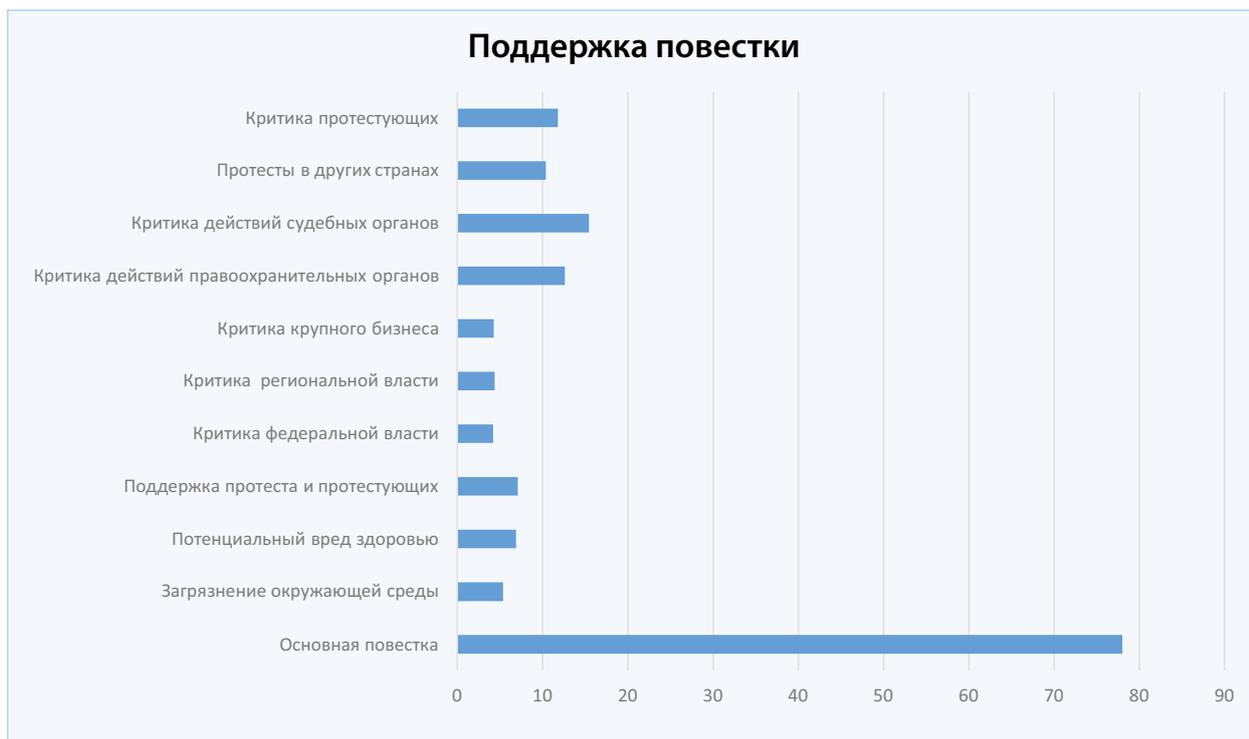

Рис. 3. Индекс поддержки повесток

из них применялась для транслирования основной протестной повестки. Среди дополнительных повесток наибольшее число информационных (1023) наблюдается в публикациях с критикой федеральной власти. Мобилизационные и отчётные публикации также преобладают в транслировании основной повестки. При этом данный факт объясняется не только преобладанием публикаций по данным повесткам, но и тем, что большинство мобилизационных и отчётных публикаций связано с проведением офлайн-мероприятий, которые в большинстве были посвящены основной проблеме, поднимаемой протестующими. Однако, анализируя мобилизационную составляющую, можно сделать вывод о том, что она в большей степени нацелена на определённого рода информирование о происходящих процессах, нежели на радикальный призыв. Таким образом, подтверждается тезис, что мобилизация в социальных сетях не носит характер «всё или ничего», даже если она в конечном счёте приводит к результату [8]. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение при-

менения дополнительных повесток для информирования и мотивации пользователей (рис. 4).

На основе полученных данных можно сделать несколько выводов. Во-первых, обращает на себя внимание значительное преобладание мотивационных публикаций в рамках повестки о поддержке протеста и протестующих. Во многом это объясняется тем, что данная повестка содержит информацию об участниках протеста, о выражении поддержки протесту со стороны лидеров общественного мнения и сторонних людей. Помимо этого мотивационная составляющая заключается в призывах оказывать поддержку протестующим и отстаивать права задержанных в рамках протестных акций. Стоит также обратить внимание на высокое число мотивационных и отчётных публикаций по экологической повестке. Это в очередной раз доказывает, что экологическая проблема переходит из разряда локальных и региональных на всероссийский уровень и освещается не меньше, чем критика власти. При этом часть повесток, среди

которых «потенциальный вред здоровью» или «протесты в других странах», носит исключительно информационный характер. Подобное явление может быть связано с низкой активностью пользователей при обсуждении данных повесток, что вызывает нежелание организаторов протеста публиковать информацию подобного содержания.

Выводы

Подводя итог проведённому исследованию, следует отметить всё большее проникновение онлайн-форм активности в офлайн-повестку. Используя социальные сети, активисты не только акцентируют внимание на возникающих в обществе проблемах, но и мобилизуют сторонников, готовых присоединиться к распространению информации, выводя её за пределы узкого круга заинтересованных лиц [9]. Таким образом, создаётся пространство общественно-политической коммуникации, подчиняющееся собственным правилам

и законам, зачастую определяемым алгоритмами социальных сетей. Следуя тем или иным правилам распространения информации в социальных сетях, активисты способны доносить информацию до большего числа граждан, а также привлекать дополнительные ресурсы для достижения собственных целей.

Из анализа кейсов, наиболее широко представленных в социальной сети «ВКонтакте», удалось определить, что в сети формируется и распространяется большое число протестных повесток, которые могут быть не связаны между собой местом, временем и участниками. Это позволяет значительно расширить смысловое и идейное наполнение протеста, вовлечь большее число людей. При этом очевидным становится обострение и политизация экологических повесток, которые из локальных и региональных перерастают в общегосударственные. Особое внимание организаторы протестных кампаний в социальных сетях также уделяют критике органов го-

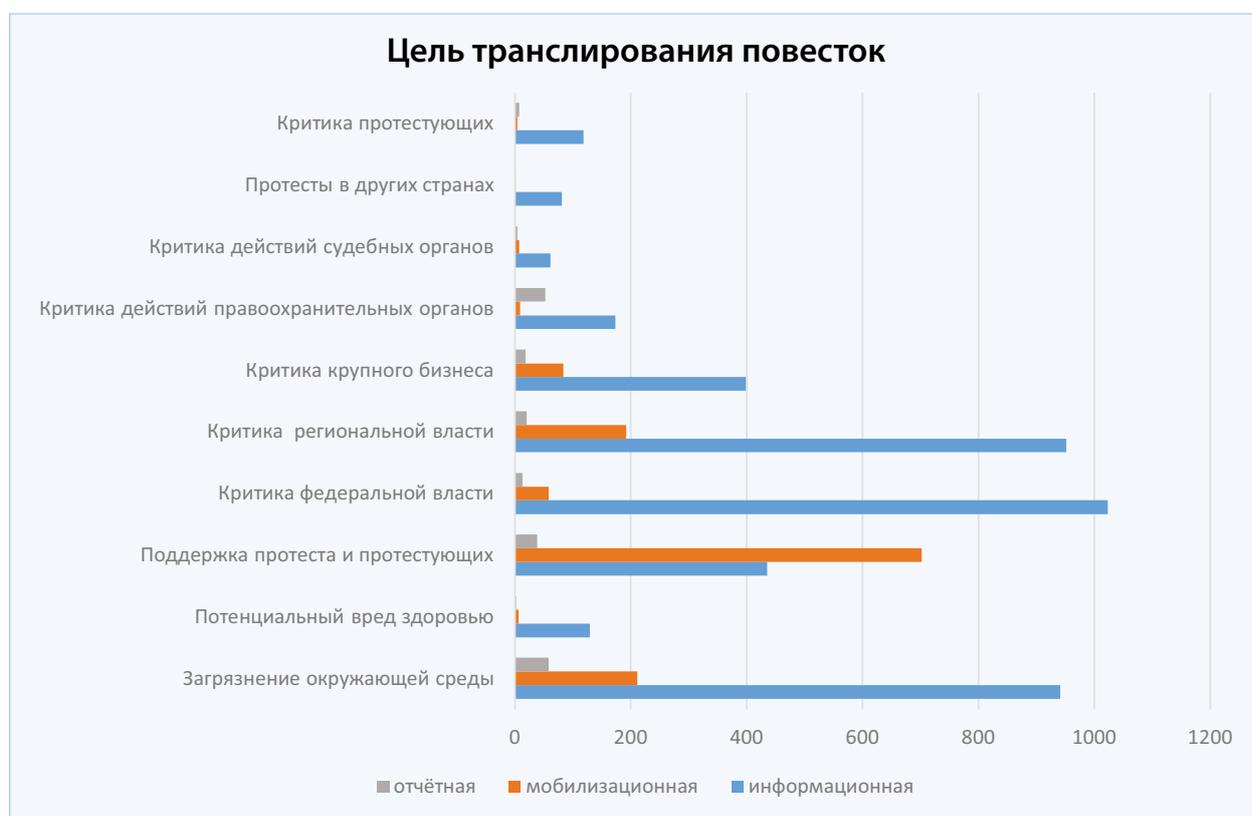

Рис. 4. Распределение публикаций по цели их применения в дополнительных повестках

сударственной власти, что позволяет политизировать далёкие от политики темы, что также способствует расширению числа заинтересованных лиц. Это становится особенно важно, учитывая тот факт, что чем более политизирована тема, тем чаще она будет привлекать людей, заинтересованных в ней и готовых её обсуждать и распространять информацию о ней [10]. Тем не менее первостепенным для организаторов протестных кампаний всё ещё остаётся достижение изначально поставленных целей, что подтверждается как значительным преобладанием публикаций по основной повестке, так и показателями коэффициента трансформации повестки.

Вместе с тем из анализа активности пользователей можно наблюдать активную заинтересованность рядом протестных повесток, в особенности касающихся лиц, непосредственно участвующих в офлайн-активности, вступающих в конфронтацию с крупным бизнесом, правоохранительными органами и властью. Эти же

темы являются одним из основных инструментов мотивирования пользователей к активности, что показывают данные анализа целей транслирования повесток.

Таким образом, мы можем говорить о возрастающей роли транслирования протестных повесток в социальных сетях как инструменте вовлечения большего числа людей и обращения внимания к существующим проблемам. Однако, несмотря на высокие показатели активности пользователей, остаётся не ясным, является ли эта активность реальной поддержкой протеста и готовностью принять активное участие в протестных действиях, или же она, напротив, сокращает возможности офлайн-активности, как утверждают некоторые российские и зарубежные исследователи. Данный вопрос всё ещё остаётся одним из основных в рамках исследования онлайн-активности, и понимание специфики транслирования информации между пользователями лишь приближает нас к пониманию взаимосвязи между реальным и виртуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Foster M.D., Hennessey E., Blankenship B.T., Stewart A. Can «slacktivism» work? Perceived power differences moderate the relationship between social media activism and collective action intentions through positive affect // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2019. № 13 (4). DOI: 10.5817/CP2019-4-6.
2. Семилет Т.А., Витвинчук В.В., Фотиева И.В., Лукашевич Е.В. Социальные сети как культурные матрицы интернет-коммуникации // *Культура и текст*. 2019. № 3 (38). С. 226–242.
3. Володенков С.В. Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2017. № 2. С. 15–23.
4. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // *Вестник МГОУ*. 2018. № 2. С. 39–48.
5. Володенков С.В., Белоконов С.Ю., Сулова А.А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодёжи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23. № 1. С. 31–46. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46.
6. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Роботизация социальных сетей и её политические последствия // *Власть*. 2020. № 1. С. 85–92.
7. Гуреева А.Н. Роль медиаактивности российской молодёжи в процессе медиатизации политики // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2020. № 2. С. 325–334.

8. Volpi F., Clark J.A. Activism in the Middle East and North Africa in times of upheaval: social networks' actions and interactions // *Social Movement Studies*. 2019. № 18:1. P. 1–16. DOI: 10.1080/14742837.2018.1538876.
9. Ertugrul A.M., Lin Y.R., Chung W.T. et al. Activism via attention: interpretable spatiotemporal learning to forecast protest activities // *EPJ Data Sci*. 2019. № 8. DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0183-y.
10. Masip P., Ruiz-Caballero C., Suau J. Active audiences and social discussion on the digital public sphere. Review article // *El profesional de la información*. 2019. № 28 (2). DOI: 10.3145/epi.2019.mar.04.

ENGLISH

The structure of the Protest Agenda on Social Media: Issues, Goals, and Support

Alexander Vladimirovich Sokolov – Doctor of Political Science, head of the Department of Social and Political Theories at Demidov Yaroslavl State University (YSU), head of the project ‘Characteristics of Development and Dynamics of Transformation of the Agendas of Social Media Protest Communities in Modern Russia’ (20-011-31346).

E-mail: alex8119@mail.ru

Alexei Alexandrovich Belyakov – postgraduate student at Demidov YSU, executor of the same project.

E-mail: belyakov.aleksey920@gmail.com

Virtualization of socio-political communication causes significant changes both to its structure and ways of transmitting ideas and values, as well as to the perception of activists. Online protest activity has become widespread due to the unique opportunities provided by social media. The main tool for informing and motivating activists becomes the information communicated through social media and used for a certain purpose. A collection of information on similar topics can be referred to as the agenda. A distinctive feature of protest agendas is the diversity of issues raised within a single campaign. As a result, the main protest agenda changes over time, giving way to additional ideas and issues in the general information field. This paper examines the structure of protest agendas broadcast on social media, using the example of online advocacy for protest campaigns in Russia in 2019–2021 as an example. Based on the example of real cases, a conclusion is made on the most urgent topics raised, features of their communication and the level of support from social media users.

Keywords: social media, protesting, protest agenda, protest, environmental protest, politicization

REFERENCES

1. Foster M.D., Hennessey E., Blankenship B.T., Stewart A. Can «slacktivism» work? Perceived power differences moderate the relationship between social media activism and collective action intentions through positive affect // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2019. № 13 (4). DOI: 10.5817/CP2019-4-6.
2. Semilet T.A., Vitvinchuk V.V., Fotieva I.V., Lukashovich E.V. Sotsial'nye seti kak kul'turnye matritsy internet-kommunikatsii // *Kul'tura i tekst*. 2019. № 3 (38). С. 226–242 (in Russian).

3. Volodenkov S.V. Internet-tehnologii kak sovremennyy instrument virtualizatsii massovoy politicheskoy real'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2017. № 2. S. 15–23 (in Russian).
4. Volodenkov S.V. Digital-tehnologii v sisteme traditsionnykh institutov vlasti: politicheskiy potentsial i sovremennye vyzovy // Vestnik MGOU. 2018. № 2. S. 39–48 (in Russian).
5. Volodenkov S.V., Belokonev S.Yu., Suslova A.A. Osobennosti struktury informatsionnogo potrebleniya sovremennoy rossiyskoy molodezhi: na materialakh issledovaniya sredi studentov-politologov Finansovogo universiteta // Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 2021. T. 23. № 1. S. 31–46. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46 (in Russian).
6. Mikhaylenok O.M., Malysheva G.A. Robotizatsiya sotsial'nykh setey i eyo politicheskie posledstviya // Vlast'. 2020. № 1. S. 85–92 (in Russian).
7. Gureeva A.N. Rol' mediaaktivnosti rossiyskoy molodezhi v protsesse mediatizatsii politiki // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2020. № 2. S. 325–334 (in Russian).
8. Volpi F., Clark J.A. Activism in the Middle East and North Africa in times of upheaval: social networks' actions and interactions // Social Movement Studies. 2019. № 18:1. Pp 1–16. DOI: 10.1080/14742837.2018.1538876.
9. Ertugrul A.M., Lin Y.R., Chung W.T. et al. Activism via attention: interpretable spatiotemporal learning to forecast protest activities // EPJ Data Sci. 2019. № 8. DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0183-y.
10. Masip P., Ruiz-Caballero C., Suau J. Active audiences and social discussion on the digital public sphere. Review article // El profesional de la información. 2019. № 28 (2). DOI: 10.3145/epi.2019.mar.04.

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: ЦЕННОСТИ, ПОВЕСТКА, ТЕХНОЛОГИИ

Индекс УДК 323.22/.28

Код ГРНТИ 11.01.11

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-109-117

О.Ю. ОТРОКОВ*

Социально-политические потребности современной российской молодёжи

В статье рассмотрены факторы, влияющие на проявление и степень реализации социально-политических потребностей российской молодёжи. При этом в качестве ключевого объекта анализа определена студенческая молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет как наиболее граждански активная часть молодёжного сообщества. Среди факторов, влияющих на реализацию социально-политических потребностей, автор выделяет: место проживания, уровень образования, базовую гражданскую активность, развитие каналов доступа сети Интернет, уровень культуры и физическое состояние. По итогам проведённого анализа и экспертного анкетирования выделены четыре крупных группы социально-политических потребностей молодёжи: базовые потребности, коммуникативные потребности, развитие молодёжного самоуправления и НКО, реализация государственной молодёжной политики и политики в отношении молодёжи. Каждая из потребностей охарактеризована с точки зрения направлений её реализации в плоскости практической работы с молодёжью. Определены и мотивы гражданской активности молодёжи, которые формируют запрос этой части общества на политический и социальный активизм в различных его проявлениях.

Ключевые слова: социально-политические потребности, активизм, молодёжь, мотивы социальной активности, гражданское участие, молодёжная политика, работа с молодёжью

Модернизация системы гражданских отношений российского общества в условиях изменяющейся реальности коронавирусной и посткоронавирусной среды, стре-

мительное развитие информационных технологий и трансформация системы отношений по вертикали «государство—граждане» значительным образом повлияли на сознание, ценностные установки

* **Отроков Олег Юрьевич** — кандидат политических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), руководитель проекта «Трансформация институционализированного социально-политического активизма молодёжи России» (21-011-32085).
E-mail: otrokovoleg@mail.ru

и ориентации российской молодёжи. Все эти факторы трансформировали социально-политические потребности молодёжи как в плоскости отношения к ним самих молодых людей, так и к формату их практической реализации. Саму молодёжь в настоящее время стоит рассматривать как цивилизационный субъект, который смотрит в будущее посредством информации, а не устремлён в прошлое [1, с. 14], что, в свою очередь, определяет формат работы и взаимодействия с этой категорией граждан.

Факторы социально-политической активности

Молодёжь — это очень разноформатная группа, в которую по действующему законодательству включают всех граждан в возрасте от 14 до 35 лет. Однако 21-летие представляется значительным этапом жизни молодого человека, в рамках которого он проходит не только несколько стадий социализации, но и меняет различные социальные роли и статусы, а значит, и потребности также будут трансформироваться. Для снижения высокой погрешности в определении социально-политических потребностей для каждой отдельной молодёжной группы выделим ряд возрастных категорий: 14–18 лет (период обучения в школе); 18–24 года (период получения профессии); 24–30 лет (получение первого профессионального опыта, создание семьи); 30–35 лет (воспитание детей, профессиональная деятельность). В данном исследовании автор рассматривает преимущественно группу 18–24 года.

Помимо возрастных особенностей также стоит выделить и другие факторы (рис. 1), такие как:

1. Место проживания (сельская местность или город). Данный фактор оказывает серьёзное влияние на доступ к образовательным, культурным, досуговым ресурсам и как следствие на скорость социализации, а также желание сменить место жительства не только на время обучения, но и после его окончания (т.е. не связывать своё будущее с местом

текущего проживания). Современное сельское население всё меньше начинает отличаться от городского по своим культурным потребностям [2, с. 7], а вот возможности приобщения к культуре, реализации своих социальных потребностей значительно разнятся;

2. Уровень образования. В данном случае стоит учитывать не академическую успеваемость, а наличие знаний или компетенций, которые являются востребованными;
3. Базовая гражданская активность как включённость в происходящие общественные или политические процессы, в том числе в локальную разнонаправленную волонтерскую деятельность. Можно сказать в общем виде — ориентированность на проявление гражданской активности и наличие подобного опыта либо желание его приобрести;
4. Развитие каналов доступа в сети Интернет, а также технических средств, необходимых для полноценного использования, т.е. техническая возможность доступа и использования цифровых сервисов;
5. Уровень культуры и политической грамотности как условие для осознания получаемой информации о возможностях самореализации, нацеленности на участие в различных формах гражданской активности;
6. Физическое состояние. В данном случае необходимо учитывать наличие особых потребностей и создание условий доступа к необходимым социальным институтам с учётом имеющихся ограничений.

Направления трансформации социально-политических потребностей молодёжи

К наиболее выраженным у студентов социокультурным потребностям авторы исследования студенческой молодёжи Ивановской области отнесли потребности в получении образования, профессиональном росте, заботе со стороны близких людей, получении новой информации, культуре общения [3, с. 96–97]. Помимо такого

типа потребностей, очевидно, необходимо рассматривать и базовые физические потребности, только удовлетворив которые молодёжь может переходить на более высокий уровень развития. Опрос среди учащейся молодёжи города Липецка показал, что у молодёжи преобладает предметно-вещественное потребление, т.е. они тратят свои доходы на питание и одежду, накапливают деньги преимущественно на крупные покупки. Авторы исследования пришли к выводу, что в современных условиях глобализации социально-культурных процессов происходит сглаживание культурных различий членов общества, что накладывает отпечаток на процессы удовлетворения их потребностей [4, с. 59]. Такой фактор невозможно не учитывать, так как базовая модель потребительского поведения становится основой для формирования модели личностного развития, побуждает гражданскую активность и мотивирует индивида. К тому же исследования студенческой молодёжи демонстрируют три базовые проблемы, выделяемые молодёжью: рост цен (56,6%), низкий уровень дохода (53,8%), обеспечение экономической стабильности (37,3%) [5, с. 10]. Все они связаны с материальными ценностями, которые формируют и социально-политические установки.

В целом социально-политическая активность не занимает лидирующих позиций в иерархии разных форм социальной активности. При этом гражданская и протестная формы активности зачастую являются производными социально-политической активности [6, с. 59]. Именно поэтому понимание сущности данных явлений является необходимым условием для детального изучения самой сути гражданской активности российской молодёжи и форм её проявления. Если гражданская активность связана, прежде всего, с выражением позиции по вопросам развития государства и общества, причём зачастую активную роль в данном случае играют те, кто придерживается неконформистских взглядов, то социальная активность связана с развитием как самих

Рис. 1. Факторы социально-политической активности молодёжи

социальных институтов, так и различных механизмов социального участия.

Большую роль в трансформации социально-политических потребностей играют интернет-коммуникации, которые выполняют в настоящее время функцию социализации, а также являются условием существования и развития самого общества [7, с. 68]. Несмотря на то, что цифровая коммуникация всё ещё не опережает офлайн-общение по востребованности у молодёжи, её роль и влияние очень высоки. Потребность в общении, самовыражении, создании сложных сетей коммуникации — это необходимая, можно сказать, базовая потребность у современной молодёжи, которая реализуется через использование цифровых сервисов и социальных сетей. СМИ и средства коммуникации в настоящее время выступают одним из институтов, оказывающих особенно сильное влияние на формирование политических взглядов, установок, национально-государственной идентичности молодого поколения [8, с. 251]. Протестные настроения распространяются главным образом в информационном пространстве или пространстве коммуникаций и выражаются

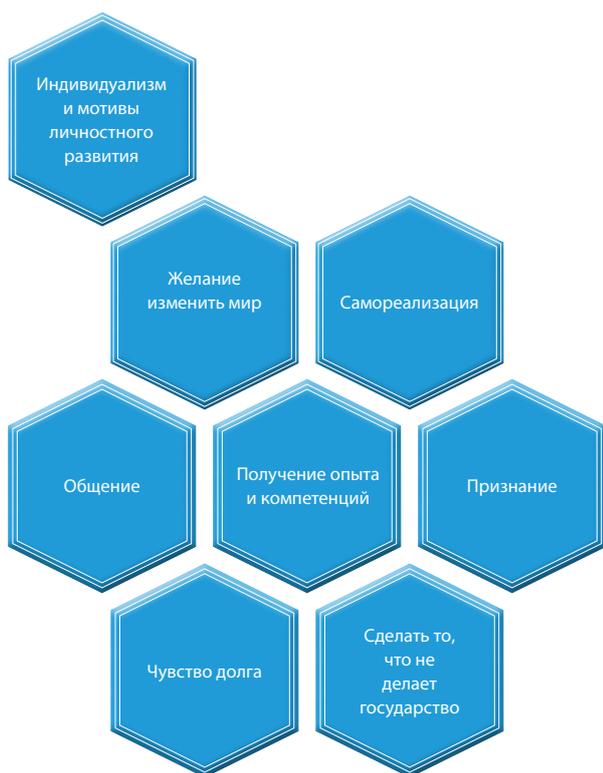

Рис. 2. Мотивы проявления молодёжью социальной активности

в форме подписания петиций, потреблении и чуть реже — поддержке и распространении протестного контента [9, с. 62, 78]. При определённых условиях данные факторы могут служить катализатором мобилизации молодёжи к переходу в стадию активного участия в гражданском протесте, который проявляется в офлайн-режиме, в значительно менее массовых формах, чем проявление цифрового активизма. В целом можно констатировать, что социальная коммуникация в виртуальной среде оказывает влияние на формирование молодёжи в качестве субъекта политической деятельности, воздействуя на политическое поведение, мировоззрение, установки, ценности, характер социально-политических связей [10, с. 18].

Мотивы проявления молодёжью социальной активности

Важным элементом изучения потребностей молодёжи являются сами мотивы социальной активности и в целом общественной деятельности. Именно понимание мотивации формирует и условия для развития тех

форм активизма, которые отвечают запросу молодёжи, и соотносятся с мотивами проявления такой деятельности. Сами мотивы выступают очень широкой категорией, которая локализуется в зависимости от возраста, места жительства и многих других факторов. Достаточно сложно представить «усреднённые» подходы мотивации, тем более ситуация меняется достаточно интенсивно. Однако можно выделить определённые группы мотивов, которые отвечают в целом задачам активизации социально-политической деятельности молодёжи. Один из подходов к определению мотивов общественной деятельности представлен в 2017 г. К.Г. Сохадзе: самореализация, желание изменить мир, сочетание и первого, и второго мотива, а также совпадение личных интересов с деятельностью общественного объединения [11, с. 358]. Более современные исследования показывают, что к приведённым мотивам, которые сохраняют свою актуальность, можно добавить получение опыта и компетенций (для их дальнейшего применения в рамках трудовой деятельности), возможность общения с такими же активными представителями социума, полезное времяпрепровождение и многие другие. Если рассмотреть молодёжь разной политической ориентации, то в рамках опросов исследователи отмечают, что и провластные активисты, и оппозиционеры связывают свою деятельность либо с чувством долга, либо с социальной справедливостью, отодвигая другие мотивы на второй план [12, с. 107]. Актуальным для российской действительности мотивом, выделенным на основании отчётов самих волонтеров, является стремление компенсировать в добровольческой деятельности то, что должно делать государство, но не всегда делает [13, с. 33].

Исследования показывают, что в настоящее время индивидуализм и мотивы личного развития преобладают над другими формами мотивации (рис. 2). Соответственно, реализация этих мотивов в рамках деятельности некоммерческих организаций, органов молодёжного самоуправления и других инструментов участия молодёжи

в проявлении форм гражданской активности позволит увеличить количество молодёжи, проявляющей себя таким образом.

Исследователи фиксируют, что у молодёжи резко возрастает уровень потребностей, но невозможность и неумение их удовлетворить приводят к различным рецидивам: преступности, наркомании, депрессии, инертности, социальной пассивности, гражданскому безразличию [14, с. 8]. Реализация актуальных молодёжных потребностей является ключевой задачей молодёжной политики и в целом государственной политики в отношении молодёжи, и от того, насколько эти задачи качественно решаются, зависит степень удовлетворённости молодёжи от участия в различных формах гражданской активности. Ко всему прочему повышение позитивной гражданской активности может способствовать снижению различного рода девиаций у молодёжи, а также формированию более устойчивого мировоззрения для противодействия деструктивным идеологиям.

Ключевые группы социально-политических потребностей молодёжи

Проведённый автором в октябре 2021 г. экспертный опрос (n = 50) среди руководителей некоммерческих организаций, органов молодёжного самоуправления, специалистов по работе с молодёжью, молодых депутатов в 16 регионах России показал ряд тенденций. Опрос проведён с использованием автоматизированной формы сбора ответов на платформе «Google Формы». Анкетирование проводилось анонимно с обязательным указанием региона проживания, масштаба населённого пункта и отношения к определённым общественным формированиям (статусу в них). Сама анкета включала 10 вопросов (без учёта общих данных о респонденте) и предоставляла возможность выбора лишь одного варианта ответа. Тематика вопросов касалась определения групп социальных, политических потребностей молодёжи, степени значимости тех или иных

Рис. 3. Группы социально-политических потребностей молодёжи

форм проявления гражданской активности, оценки работы в направлении реализации молодёжных потребностей и др.

На основе анализа материалов и проведённого автором экспертного опроса можно выделить четыре крупные группы социально-политических потребностей молодёжи (рис. 3):

1. Базовые потребности (безопасность, питание и др.), реализация которых необходима для удовлетворения потребностей более высокого уровня, включая и политические. Чем ниже уровень благосостояния и хуже удовлетворяются базовые потребности, тем более в протестной форме могут выражаться политические потребности – т.е. потребности в изменении существующего строя и получении таким образом необходимых, базовых условий для нормального существования. Социальные потребности в данном случае характеризуются реализацией необходимого набора элементов начального порядка коммуникации и условий жизни человека. Однако в данном случае можно проследить и обратную закономерность, когда при высокой степени реализации базовых потребностей протестные настроения могут только расти.
2. Потребность в коммуникации, особенно с применением цифровых сервисов. Учитывая темпы развития цифровых сис-

тем и современных тенденций, потребность в оперативной коммуникации посредством Интернета выступает базовой потребностью для молодых людей. В социальных сетях, мессенджерах молодёжь не только общается, смотрит новости, изучает интересующие материалы, играет, но и получает политическую информацию и обсуждает её. Актуальные исследования показывают, что 69,7% молодёжи считают важнейшим источником получения политической информации социальные сети [15, с. 46]. Соответственно, именно потребность в их активном использовании выступает условием для повышения гражданской активности молодёжи. Несмотря на это, политическая жизнь не является сферой интереса большей части молодёжи, что вполне закономерно, учитывая, что в этом возрасте внимание молодых людей сконцентрировано на личных проблемах, а не на общественных [16, с. 31]. Таким образом, возможность коммуникации оказывает значительное влияние на реализацию всех групп потребностей и может выступать базовой потребностью молодёжи наряду с физиологическими.

3. Развитие молодёжного самоуправления (для реализации политических потребностей в первую очередь) и НКО (реализация гражданских и социальных потребностей). Современное молодёжное движение приобретает всё более тесные связи с другими социальными институтами, что позволяет строить молодёжи траектории социальной мобильности, использовать добровольческую деятельность для решения собственных задач [17, с. 115]. В этой связи актуальным выступает вопрос самих институциональных форм проявления гражданской активности и их эффективной работы для широкого охвата молодёжной аудитории. В связи с этим данная группа потребностей выступает инструментом для реализации тех задач в рамках социально-политического развития, которые молодёжь перед собой ставит.

4. Реализация государственной политики в отношении молодёжи с учетом потребностей и возможностей самой молодёжи. Несмотря на то, что восприятие молодёжной политики российской молодёжью носит весьма поверхностный и фрагментарный характер, и нет понимания, что это политика для молодёжи, в рамках её программ и проектов есть множество возможностей для саморазвития и самореализации [18, с. 100], её реализация представляется необходимым условием для полноценной социализации молодых людей.

Основываясь на результатах проведённого исследования, можно сделать вывод, что на социально-политические потребности молодёжи влияют различные факторы, включая место проживания, уровень образования, базовая гражданская активность, развитие каналов доступа в сети Интернет и физическое состояние. При этом данные факторы оказывают различное влияние на молодёжь с учётом их возрастных и других особенностей. Автором выделены четыре крупных группы социально-политических потребностей молодёжи: базовые потребности, коммуникативные потребности, развитие молодёжного самоуправления и НКО, реализация государственной молодёжной политики и политики в отношении молодёжи. Каждая из потребностей охарактеризована с точки зрения направлений её реализации в плоскости практической работы с молодёжью.

Актуализация молодёжной повестки в связи с принятием профильного федерального закона в 2020 г., формированием комитета по молодёжной политике Государственной Думы ФС РФ на федеральном и региональном уровне формирует базу для нового уровня учёта и реализации потребностей российской молодёжи. Понимание социально-политических потребностей, их изучение позволит в практической плоскости корректировать направления работы с молодёжью для максимального воздействия на активизацию её участия в социальной и политической жизни страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каширина О.В. Приоритетные потребности и формирование нового типа мышления молодёжи поколения Z как цивилизационного субъекта, устремлённого в будущее / О.В. Каширина, Д.В. Филюшкина // Общество: философия, история, культура. 2021. № 7 (87). С. 13–18. DOI: 10.24158/fik.2021.7.1.
2. Оселедчик Е.Б. Досуговые потребности современной сельской молодёжи и проблемы их удовлетворения в организованных формах / Е.Б. Оселедчик, В.Г. Аула // Культура и время перемен. 2019. № 1 (24). С. 5–16.
3. Стрункина Т.С. Факторная структура социокультурных потребностей студенческой молодёжи / Т.С. Стрункина, Е.А. Шмелева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 91–98.
4. Караваева Ю.В. Предметное содержание потребностей современной молодёжи / Ю.В. Караваева, С.В. Литвинова // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6 (74). С. 56–59. DOI: 10.24158/spp.2020.6.7.
5. Миронец Е.В. Анализ политического сознания и гражданской активности современного студенчества в условиях реализации мероприятий государственной молодёжной политики / Е.В. Миронец // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112. С. 1851–1863.
6. Кленова М.А. Мотивация протестной и социально-политической активности личности и её потенциал в системе смысловых ориентаций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. № 1 (37). С. 53–61. DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-1-53-61.
7. Соловьёв В.А. Интернет-коммуникации как фактор активизации общественно-политической деятельности студентов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41–42. С. 66–69.
8. Самсонова Т.Н. Роль СМИ в политической социализации современной Российской молодёжи / Т.Н. Самсонова, Е.С. Наумова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 247–264. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-247-264.
9. Франц В.А. Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодёжи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3 (29). С. 61–80.
10. Истягина-Елисеева Е.А. Включённость российской студенческой молодёжи в интернет-коммуникации как фактор формирования моделей их социально-политической активности / Е.А. Истягина-Елисеева, Е.Е. Бареникова, А.В. Болдырева // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 3. С. 12–20. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20.
11. Сохадзе К.Г. Социальная активность Российской молодёжи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363.
12. Руденкин Д.В. Мотивы и формы политической активности молодёжи в современной России: сравнение провластных и оппозиционных активистов // Проблемы современных социокультурных исследований: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Астрахань, 28 ноября 2019 г.) / Под ред. Е.В. Хлыщевой, Р.Т. Алиева, В.Л. Тихоновой, О.И. Закутнова. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2019. С. 105–108.
13. Молчанов С.В. Мотивационно-смысловые аспекты цифрового волонтерства современной молодёжи / С.В. Молчанов, Н.С. Пряжников // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 2. № 2 (38). С. 31–38. DOI: 10.11621/npj.2020.0203.
14. Ростовская Т.К. Социальное самочувствие современной Российской молодёжи: социально-педагогические аспекты / Т.К. Ростовская, Я.В. Шимановская // ЦИТИСЭ. 2018. № 1 (14).
15. Комарова А.А. Политические лидеры и молодёжь: взаимодействие в социальных сетях // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 42–49. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49.

16. Зайцева И.А. Социально-политическая активность Российской студенческой молодёжи // Youth World Politic. 2016. № 1. С. 24–32.
17. Коморникова О.М. Проблемы включения молодёжи в деятельность общественных организаций в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5–2. С. 110–118. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-110-118.
18. Селезнёва А.В. Молодёжная политика как фактор формирования гражданского самосознания российской молодёжи: политико-психологический анализ / А.В. Селезнёва, В.Е. Зиненко // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 87. С. 96–104. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-87-96-104.

ENGLISH

Socio-Political Needs of Modern Russian Youth

Oleg Yuryevich Otkov – Candidate of Science (Political Science), assistant professor at the Department of Economic Theory, Rostov State University of Economics (RSUE), head of the project ‘Transformation of Institutionalized Social and Political Activism of the Russian Youth’ (21-011-32085).

E-mail: otkovoleg@mail.ru

The paper considers the factors that influence the manifestation and extent of fulfillment of social and political needs of Russian youth. Students aged 18–24 are identified as the key object of analysis as the most civically active part of the youth community. The author distinguishes the following factors which influence the fulfillment of social and political needs: place of residence, education, basic civic activity, development of Internet access channels, level of culture and physical condition.

Based on the results of the analysis and expert survey four major groups of socio-political needs of young people were identified: basic needs, communication needs, development of youth self-government and non-profit organizations, and implementation of state youth policy and youth-related policy. Each need was characterized in terms of areas of its implementation in the context of practical work with young people. The author also defined motives of civil activity of youth which form the demand in this segment of society for political and social activism in its various manifestations.

Keywords: socio-political needs, activism, youth, motives for social activity, civic participation, youth policy, youth outreach

REFERENCES

1. Kashirina O.V. Prioritetnye potrebnosti i formirovanie novogo tipa myshleniya molodyozhi pokoleniya Z kak tsivilizatsionnogo sub"ekta, ustremennogo v budushchee / O.V. Kashirina, D.V. Filyushkina // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2021. № 7 (87). S. 13–18. DOI: 10.24158/fik.2021.7.1 (in Russian).
2. Oseledchik E.B. Dosugovye potrebnosti sovremennoy sel'skoy molodyozhi i problemy ikh udovletvoreniya v organizovannykh formakh / E.B. Oseledchik, V.G. Aula // Kul'tura i vremya peremen. 2019. № 1 (24). S. 5–16 (in Russian).
3. Strunkina T.S. Faktornaya struktura sotsiokul'turnykh potrebnostey studencheskoy molodyozhi / T.S. Strunkina, E.A. Shmeleva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2017. № 1 (45). S. 91–98 (in Russian).

4. Karavaeva Yu.V. Predmetnoe sodержanie potrebnostey sovremennoy molodyozhi / Yu.V. Karavaeva, S.V. Litvinova // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2020. № 6 (74). S. 56–59. DOI: 10.24158/spp.2020.6.7 (in Russian).
5. Mironets E.V. Analiz politicheskogo soznaniya i grazhdanskoj aktivnosti sovremenno go studentchestva v usloviyakh realizatsii meropriyatij gosudarstvennoy molodyozhnoy politiki / E.V. Mironets // Politematicheskij setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 112. S. 1851–1863 (in Russian).
6. Klenova M.A. Motivatsiya protestnoy i sotsial'no-politicheskoy aktivnosti lichnosti i eyo potentsial v sisteme smyslovykh orientatsiy // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2021. T. 10. № 1 (37). S. 53–61. DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-1-53-61 (in Russian).
7. Solov'yov V.A. Internet-kommunikatsii kak faktor aktivizatsii obshchestvenno-politicheskoy deyatel'nosti studentov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2017. № 41–42. S. 66–69 (in Russian).
8. Samsonova T.N. Rol' SMI v politicheskoy sotsializatsii sovremennoy Rossiyskoj molodyozhi / T.N. Samsonova, E.S. Naumova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2019. T. 25. № 4. S. 247–264. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-247-264 (in Russian).
9. Frants V.A. Osobennosti rasprostraneniya protestnykh nastroyeniy v srede rossiyskoj gorodskoy molodyozhi v usloviyakh informatsionnogo obshchestva (na primere Ekaterinburga) // Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve. 2020. № 3 (29). S. 61–80 (in Russian).
10. Istyagina-Eliseeva E.A. Vklyuchyonnost' rossiyskoj studencheskoj molodyozhi v internet-kommunikatsii kak faktor formirovaniya modeley ikh sotsial'no-politicheskoy aktivnosti / E.A. Istyagina-Eliseeva, E.E. Barienikova, A.V. Boldyreva // Tsifrovaya sotsiologiya. 2020. T. 3. № 3. S. 12–20. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20 (in Russian).
11. Sokhadze K.G. Sotsial'naya aktivnost' Rossiyskoj molodyozhi: masshtaby i faktory sderzhivaniya // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2017. T. 17. № 3. S. 348–363. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363 (in Russian).
12. Rudenkin D.V. Motivy i formy politicheskoy aktivnosti molodyozhi v sovremennoy Rossii: sravnenie provlastnykh i oppozitsionnykh aktivistov // Problemy sovremennykh sotsiokul'turnykh issledovaniy: Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Astrakhan', 28 noyabrya 2019 g.) / Pod red. E.V. Khlyshchevoy, R.T. Alieva, V.L. Tikhonovoy, O.I. Zakutnova. Astrakhan': ID «Astrakhanskiy universitet», 2019. S. 105–08 (in Russian).
13. Molchanov S.V. Motivatsionno-smyslovye aspekty tsifrovogo volonterstva sovremennoy molodyozhi / S.V. Molchanov, N.S. Pryazhnikov // Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal. 2020. T. 2. № 2 (38). S. 31–8. DOI: 10.11621/npj.2020.0203 (in Russian).
14. Rostovskaya T.K. Sotsial'noe samochuvstvie sovremennoy Rossiyskoj molodyozhi: sotsial'no-pedagogicheskie aspekty / T.K. Rostovskaya, Ya.V. Shimanovskaya // TSITISE. 2018. № 1 (14) (in Russian).
15. Komarova A.A. Politicheskie lidery i molodyozh': vzaimodeystvie v sotsial'nykh setyakh // Tsifrovaya sotsiologiya. 2021. T. 4. № 1. S. 42–9. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49 (in Russian).
16. Zaytseva I.A. Sotsial'no-politicheskaya aktivnost' Rossiyskoj studencheskoj molodyozhi // Youth World Politic. 2016. № 1. S. 24–32 (in Russian).
17. Komornikova O.M. Problemy vklyucheniya molodyozhi v deyatel'nost' obshchestvennykh organizatsiy v sovremennoy Rossii // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2018. T. 10. № 5–2. S. 110–118. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-110-118 (in Russian).
18. Seleznyova A.V. Molodyozhnaya politika kak faktor formirovaniya grazhdanskogo samosoznaniya rossiyskoj molodyozhi: politiko-psikhologicheskij analiz / A.V. Selezneva, V.E. Zinenko // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik. 2021. № 87. S. 96–104. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-87-96-104 (in Russian).

О.В. ПОПОВА*

Студенческая молодёжь российских мегаполисов: ценностные ориентации и эффекты политической онлайн-мобилизации

Статья посвящена выявлению особенностей конфигурации смысложизненных и идеологических ценностей российского студенчества из городов-миллионников в контексте формирования определённых моделей их реакции на политическую протестную онлайн-мобилизацию. В статье нашли отражение результаты онлайн-опроса российского студенчества, проживающего в мегаполисах (объём выборки — 1333 респондента, контроль осуществлялся по параметрам пола, возраста, уровня обучения и города проживания). Анализ показал доминирование в массовом сознании студенчества ценностей либерализма, ориентацию на призывы к справедливости, безусловную значимость материальных ценностей. Конфигурация этих ценностей в факторном анализе демонстрирует наиболее «узкие» (провокационные) темы с точки зрения рисков использования их в протестной агитации. Личный успех в сознании студентов контрастирует с принципом справедливости, а нормы закона — с открытой, доверительной коммуникацией с другими людьми, права человека — с интересами государства, общее благополучие — с интересами отдельных граждан. Именно интересы своей этнической группы, а не семья, коррелируют в сознании студенчества с сохранением традиций. Наконец, признаваемая в качестве высокозначимой ценность жизни человека рассматривается как незначимая в реальной жизни социума и государства.

Анализ показал стабилизацию ценностей студентов примерно к третьему–четвёртому курсу обучения в вузе и некоторое снижение готовности к публичной протестной активности в этом возрасте (21–22 года). Сложные методы моделирования позволили выделить четыре основных типа реакции студентов на политическую онлайн-мобилизацию и проследить связь этих моделей с ценностными установками студентов.

Ключевые слова: российская молодёжь, студенчество, мегаполис, смысложизненные и идеологические ценности, политические взгляды, политическая протестная онлайн-мобилизация

* **Попова Ольга Валентиновна** — доктор политических наук, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Федерального Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Молодёжь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации» (20-011-31753).

E-mail: o.popova@spbu.ru; pov_64@mail.ru

Исследовательский вопрос

Исследовательский вопрос касается описания особенностей смысложизненных и идеологических ценностей российского студенчества, обучающегося в высших учебных заведениях отечественных мегаполисов [1], в связи с выявлением приоритетных моделей протестной политической онлайн-мобилизации данной социально-статусной группы. Очень многие каналы, традиционно оказывающие политическое влияние на молодёжь на стадии этапа политической ресоциализации, перестают выполнять эту функцию, либо влияние их не столь однозначно, как об этом принято говорить в политической науке [2].

Студенчество остаётся одной из наиболее «взрывоопасных» в политическом плане социально-статусных групп, которая, помимо высоких показателей мобильности, склонности к протестным действиям, ощущает себя субъектом политических процессов, реализующим именно свою политическую волю, не замечая, каким образом может быть легко включена в проекты политической мобилизации самыми разными по идеологическим установкам политическими акторами. В данной небольшой статье поставлена цель проверить гипотезу о связи особенностей характеристик политического сознания студенчества с моделями реакции на протестную политическую мобилизацию в интернет-пространстве.

Мы сознательно отказались от рассмотрения темы материальных и постматериальных ценностей в рамках популярнейшей концепции Р. Инглхарта, поскольку изначально на основании многочисленных региональных и всероссийских опросов, проведённых с участием и под руководством автора статьи в период с 2013 г., было известно, что степень распростра-

нённости постматериальных ценностей среди российского студенчества невысока и не было никаких доказательств, определённым образом позволявших говорить о связи этих групп ценностей с моделью восприятия онлайн- или офлайн-призывов/агитации к публичному протесту.

Метод исследования

Эмпирическое исследование студентов российских мегаполисов было проведено методом онлайн-анкетирования в январе – начале февраля 2021 г.¹ В выборку были включены следующие российские мегаполисы (15 официальных и два фактических): Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж, Волгоград, Краснодар и Саратов². Объём выборки – 1333 респондента; выборка квотная, несвязанная, контроль осуществлялся по признакам пола, возраста, уровня образования (для контроля курса обучения) и мегаполиса проживания.

Создание данной базы было дополнительным к полученной в ходе онлайн-опроса базе ответов молодёжи в возрасте 14–30 лет, проживающей в этих российских мегаполисах. База молодёжи мегаполисов и база студентов мегаполисов не пересекаются; высокая активность участия молодёжи в онлайн-опросе позволила сформировать две репрезентативные исследовательские базы; каждый респондент был включён лишь в одну из них. Кроме того, в статье даётся ссылка на оценку экспертами наиболее значимых для студенчества политических ресурсов, которые могут повлиять на рост протестных настроений. Экспертные нестандартизованные интервью были проведены онлайн в это же

¹ Автор статьи благодарит своих коллег – политологов и социологов из университетов и исследовательских центров российских мегаполисов, которые оказали неоценимую помощь в создании электронных баз молодёжи и студентов.

² Учитывались 15 официальных городов-миллионников и ещё два, в которых численность населения фактически приблизилась к данному показателю.

Таблица 1

Значимость ценностей для студенчества российских мегаполисов
Вопрос: «Какие ценности наиболее близки лично Вам
(отметить не более 5 вариантов)»

Ценность	% выбравших ценность	Рейтинговая позиция
Права человека	48,9	1
Справедливость	46,0	2
Семья	45,7	3
Свобода	45,4	4
Законность	34,3	5
Жизнь человека	33,6	6
Высокие доходы	29,4	7
Благополучие	27,5	8
Личный успех	19,9	9
Порядок	17,7	10
Независимость	17,3	11
Хорошие отношения с людьми	15,7	12
Работа	15,2	13
Общение	11,6	14
Сохранение традиций	8,3	15
Реформы в обществе	5,7	16
Инициативность	4,0	17
Бескорыстие	5,3	18
Интересы государства	3,9	19
Авторитетность	3,6	20
Интересы Вашей этнической группы	2,6	21
Самопожертвование	2,6	22
Интересы отдельных граждан	1,9	23

время; все видеозаписи прошли полную расшифровку и были проинтерпретированы с помощью дискурс-анализа. Объём выборки – 21 эксперт (представители корпуса учёных, политтехнологов, представителей власти, политических активистов от системной и несистемной оппозиции).

Причины использования онлайн-опросов в различных их вариантах в последние годы отечественными обществоведами, особенно в условиях пандемии, очевидны. И онлайн-анкетирование, и онлайн-интервьюирование позволяют получить ответы от труднодоступных респондентов. Риски нарушения требования внешней валидности выводов при прове-

дении онлайн-опроса молодёжи полностью снимаются за счёт особенностей стиля жизни и объёма времени, проводимого этой когортой в интернет-пространстве. В отношении молодёжи практически не проявляются методические проблемы, снижающие активность заполнения респондентами онлайн-анкет.

Результаты исследования

Студенты российских мегаполисов в плане отношения к различным смысловым и идеологическим ценностям в целом повторяют восприятие своей возрастной группы (табл. 1). В первый, наиболее значимый для респондентов набор

ценностей, набрав от 45 до 50% голосов, вошли права человека, свобода, справедливость и семья. Во вторую группу ценностей, набрав от 27,5 до 35%, вошли такие понятия, как законность, благополучие, высокие доходы, жизнь человека. В третью группу, актуальную для 11,5–20% студенчества из городов-миллионников, вошли ценности коммуникативные (хорошие отношения с людьми, общение), трудовые (работа, порядок), индивидуалистические (личный успех, независимость). Все остальные ценности, связанные с темой ответственности, государственности, реформ, перераспределения средств, нравственности, значимости отдельной личности и проч., оказались наименее востребованными. Вопрос был задан как полузакрытый; у студентов была возможность

указать свои варианты значимых для них ценностей, однако практически никто этим не воспользовался.

Проведённая процедура многомерного шкалирования (рис. 1) выявила высокие показатели взаимосвязи в сознании студентов таких ценностей, как свобода, справедливость и права человека. Также достаточно плотную конфигурацию составляют такие ценности частного существования индивида, как жизнь человека, благополучие, высокие доходы и семья. Остальные ценности в рамках этого вида анализа не позволили сделать какие-либо обоснованные выводы относительно типичности их взаимосвязи. Вместе с тем анализ точек на крайних позициях вертикальной и горизонтальной осей позволяет сделать вывод о том, что в сознании сту-

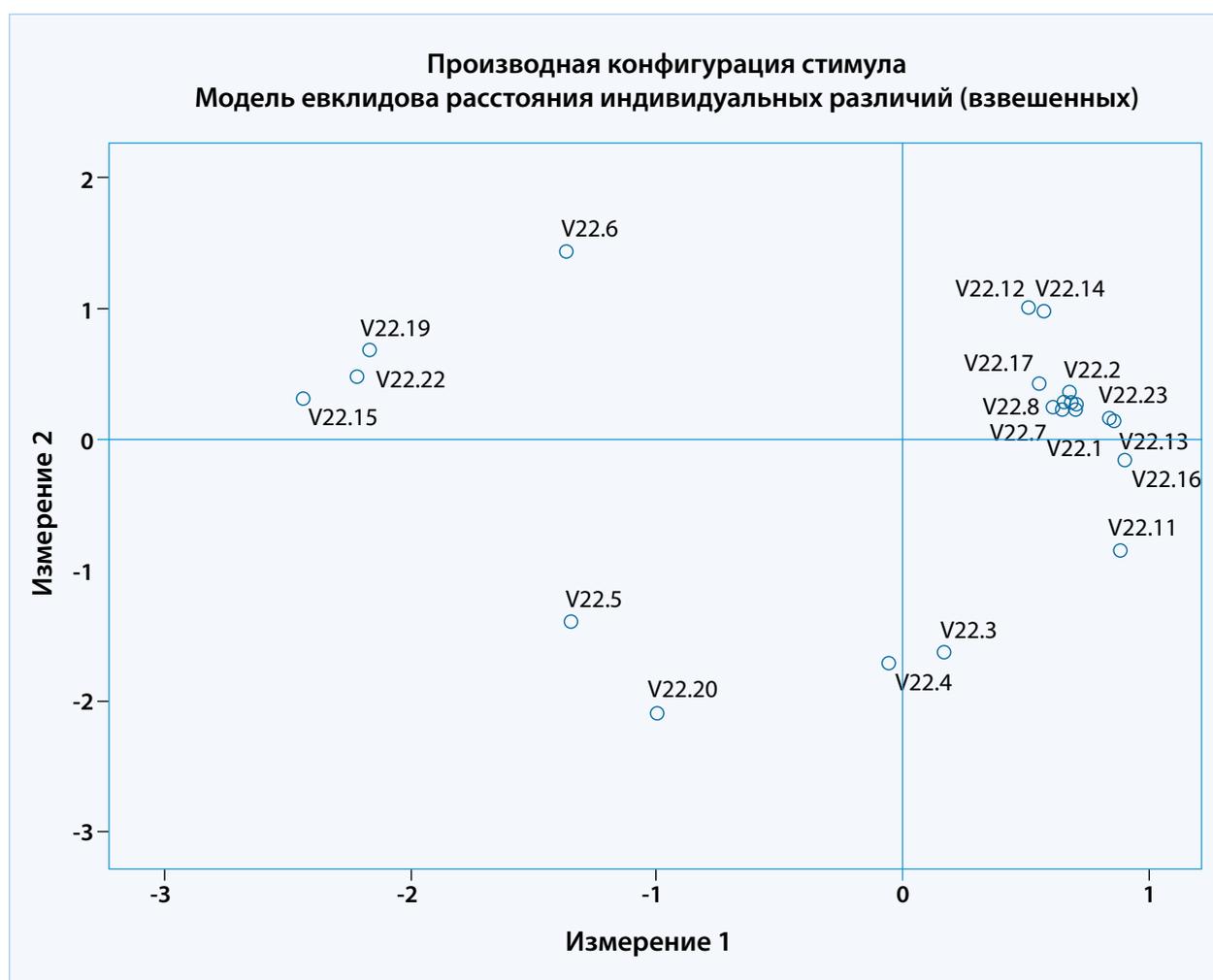

Рис. 1. Многомерное шкалирование выбранных значимых ценностей

дентов нормы, регламентирующие отношения в семье, лежат за рамками оценки их с помощью норм права (ось «законность—семья»), а трудовая деятельность не предполагает учёт их интересов в контексте безусловных прав человека (ось «права человека—работа»).

Представлены результаты факторного анализа (табл. 2), которые позволили, с одной стороны, выяснить реальную значимость тех или иных ценностей для студенчества, с другой стороны, показали

конфигурацию представлений студентов о ценностях в реальной жизни. Первый фактор описывает условия отношений с людьми в реальной жизни. Второй — характеризует ценность проявления тотального индивидуализма (независимость и свобода в представлениях студентов противостоят порядку). Интересен третий фактор, связанный с социальным и материальным статусами граждан, показывающий противостояние в представлениях студентов справедливости личному успе-

Таблица 2

Факторный анализ смысловых и идеологических ценностей студенческой молодёжи

Повёрнутая матрица компонентов*									
	Компонент								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Общение	0,645								
Хорошие отношения с людьми	0,517								
Законность	-0,502								
Независимость		0,591							
Свобода		0,575							
Порядок		-0,502							
Работа			-0,670						
Высокие доходы			-0,514						
Справедливость			0,459						
Личный успех			-0,382						
Интересы своей этнической группы				0,768					
Сохранение традиций				0,714					
Авторитетность					0,672				
Интересы государства					0,530				
Права человека					-0,352				
Бескорыстие						0,695			
Самопожертвование						0,657			
Жизнь человека							-0,804		
Реформы в обществе								0,616	
Инициативность								0,566	
Семья								-0,419	
Благополучие									-0,743
Интересы отдельных граждан									0,591

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

* Вращение сошлось за 23 итерации.

ху, работе и высоким доходам (вариация на тему «трудом праведным не нажить палат каменных»). Четвёртый фактор показывает, что именно интересы своей этнической группы, а не семья, коррелируют в сознании студенчества с сохранением традиций, и этот способ социальной самоидентификации оказывается подчас важнее семейных уз.

Пятый фактор однозначно свидетельствует о том, что в представлениях студентов права человека контрастируют с интересами государства. Соответственно, доминирует стереотип, что права человека государством не соблюдаются.

Шестой фактор объединяет ценности бескорыстия и самопожертвования, но он находится в группе менее значимых факторов.

Наконец, признаваемая в качестве высокозначимой по критерию частотности упоминания ценность жизни человека рассматривается как незначимая в реальной жизни социума и государства (седьмой фактор).

Восьмой фактор свидетельствует о том, что семейные отношения и нормы протостоят в сознании студенчества реформам, движению вперёд, инициативности и «смене правил игры».

Наконец, самый слабый фактор демонстрирует то, что в сознании студентов общее благополучие напрямую противоречит интересам отдельных граждан.

Фактически такая конфигурация набора ценностей внутри факторов объясняет многие установки и представления студенческой молодёжи, которые не позволяют ей принять ценности более старших поколений и в том числе людей, находящихся в настоящее время у руля управления нашей страной, поскольку их дискурсивные практики противоречат представлениям поколения Z.

Дополнительно выполненный корреляционный анализ показал взаимосвязь смысложизненных ценностей студентов с приоритетным выбором «идеального типа государства для проживания» и их само-

оценкой политических взглядов, которые, в свою очередь, связаны со склонностью или с отказом от знакомства с политической информацией онлайн и допустимым репертуаром политического поведения, включая участие в публичных протестных действиях.

Дискуссия

Результаты исследования позволили построить сложную модель взаимосвязи смысложизненных и идеологических ценностей студенческой молодёжи, проживающей в российских мегаполисах, с моделями реакции этой когорты на политическую протестную онлайн-мобилизацию. Факторный анализ распределения ценностей по группам в сознании молодёжи показывает наиболее конфликтные точки восприятия российской социальной и политической реальности, что в свою очередь позволяет выявить те темы, которые максимально эффективно могут использоваться политическими технологами для формирования определённой модели поведения студентов офлайн.

Политическая онлайн-мобилизация — это интернет-деятельность политических акторов, направленная на форсированное достижение поставленных политических целей посредством активизации политического участия масс [3, 4]. Для описания этого феномена традиционно используются теории политической онлайн-коммуникации, коллективного онлайн-действия или «выборочного уклонения». Изучение политической онлайн-мобилизации особенно актуально для государств с гибридным политическим режимом, сочетающих существование номинально демократических институтов и процедур с заметным ограничением возможностей гражданского общества и безусловным ростом мощи бюрократической системы.

Применяемые в онлайн-мобилизации и провластными, и оппозиционными политическими акторами манипулятивные дискурсивные приёмы симметричны; к ним

относятся практики так называемого мощного информационного целенаправленного потока, мемификация текстов, таргетированная политическая агитация, целенаправленная дискредитация персон, проектов и действий, троллинг, предоставление недостоверных данных, персонализация сообщений, драматизация информации, фрагментарность публикуемых данных, фреймирование.

Сравнительный анализ результатов двух баз онлайн-опросов – молодёжи в возрасте от 14 до 30 лет (1700 респондентов) и собственно студенческой молодёжи (1333 респондента) – показали совпадения четырёх основных моделей реакции молодёжи российских городов-миллионников на политическую онлайн-мобилизацию. Различия касаются лишь процентного распределения по выделенным группам: среди студентов несколько больше «абсентеистов» и «участников протеста». Сформулированная рабочая исследовательская гипотеза о связи либеральных ценностей с приоритетными реакциями студентов на онлайн-мобилизацию подтверждения не нашла. Но в целом характеристики политического сознания, в том числе приоритетный образ государства для проживания, идеологические ценности на модель протестного поведения влияют.

Описанные ниже модели реакции на политическую онлайн-мобилизацию показали следующее распределение студентов по группам: «пассивные потребители информационного политического призыва к протесту» – около 70%, «организаторы политического процесса онлайн» – около 5%, «абсентеисты» – около 21%, «участники протеста» – 4%.

Представители модели «пассивный потребитель информационного политического призыва к протесту» склонны более низко оценивать свой социальный статус и обычно считают, что относятся к социальному слою между средним и низким. Они ориентированы на либеральные и социал-демократические принципы организации жизни в своём государстве,

достаточно позитивно относятся к участникам протестных акций, но сами не участвуют в публичных протестных действиях. В их представлении приоритетные мотивы участия граждан в неконвенциональных формах поведения – ущемление прав и ограничение гражданских свобод, а также устойчивое недоверие людей к органам власти и политическим лидерам. Модель «пассивный потребитель информационного политического призыва к протесту» более характерна для студентов Краснодара.

Модель «организаторы политического процесса онлайн» проявляется у молодёжи, которая склонна относить себя к социальному слою между высшим и средним. Эти люди позитивно относятся к социал-демократическим принципам организации жизни в государстве, однозначно поддерживают участников протестных акций, оправдывают собственное участие в протестных акциях (хотя далеко не всегда это делают, предпочитая мобилизовывать других людей) и предельно эмоционально болезненно реагируют на информацию об ущемлении прав и ограничении гражданских свобод. В течение предыдущего года (2020) они достаточно активно вели блоги на политические темы, делали репосты наиболее интересных политических материалов, занимались организацией волонтёров для участия в политических акциях, оказывали материальную поддержку политикам и их проектам, организовывали сбор средств в политических целях, участвовали в сборе подписей для поддержки или протеста, но лично не участвовали в публичных акциях протеста. Модель «организаторы политического процесса» распространена среди студентов Воронежа, Перми и Санкт-Петербурга.

Модель «абсентеисты». Представители этой группы затрудняются со своим статусным самоопределением, не задумываются о предпочтительных принципах организации жизни в своём государстве или заявляют, что это для них не имеет никакого значения, затрудняются или

дают отрицательную или скорее отрицательную оценку участникам протестных акций. По их представлениям, ведущие мотивы участников акций протеста следующие: это «интерес, за компанию», «новый опыт», «стремление оказать поддержку». Модель «абсентеисты» более массово проявляется среди молодёжи Волгограда, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону и Саратова.

Модель «участники протеста». Эти люди склонны относить себя к социальному слою между высшим и средним, предпочитают либеральные принципы организации жизни в своём государстве, исключительно положительно относятся к участникам протестных акций, приоритетным мотивом участия граждан в акциях протеста считают недоверие к органам власти и политическим лидерам. В течение последнего года они вели блоги на политические темы, делали репосты наиболее интересных политических материалов, занимались организацией волонтеров для участия в политических акциях, оказывали материальную поддержку политикам и их проектам, организовывали сбор средств в политических целях, участвовали в сборе подписей для поддержки или протеста, участвовали в публичных акциях протеста. Отличие этой группы от «организаторов публичного протеста» заключается в идеологических ценностных ориентациях, статусной самооценке и приоритетных формах поведения в политическом офлайн-пространстве. Модель «участники протеста» более явно наблюдается среди молодёжи Екатеринбурга и Санкт-Петербурга.

Тема политического протеста остаётся достаточно привлекательной по крайней мере для трети молодёжи. Наибольшим потенциалом протестной активности в российских мегаполисах обладают студенты (возрастная группа от 18 до 24 лет). Отметим, что более высокая готовность к собственно публичным выступлениям наблюдается у студентов младших курсов бакалавриата безотносительно профиля обучения, хотя в целом специализирующиеся

в гуманитарных и естественно-научных отраслях знания студенты несколько меньше интересуются политическими вопросами. К 3-4 курсу бакалавриата политическое недовольство публично даже в онлайн-пространстве проявляется слабее. Однако анализ показывает, что к этому времени у части студентов формируется уже устойчивая позиция неприятия власти и политического курса, которая сохраняется почти без изменений во время обучения в магистратуре. Налицо феномен «внутренней эмиграции». Публичный политический протест более вероятен у студентов, которые планируют связать свою жизнь с публичной политикой вне сегмента государственного управления, а также у тех, кто не осознаёт вероятность личных рисков для карьеры в ином профессиональном поле, помимо политики. Различия потенциала протеста у студентов, которые родились и выросли в мегаполисе, и тех, кто приехал из населённых пунктов области или других регионов, не выявлено. Скорее, срабатывает эффект межличностной коммуникации в местах общего проживания (студенческие общежития — кампусы).

Высоким мобилизационным потенциалом обладают прежде всего темы, вызывающие сильную эмоциональную реакцию негодования вследствие нарушения принципа справедливости в отношении конкретных лиц. В глобальном плане тема социальной несправедливости политической системы, экономического устройства актуальна не более чем для 12% студентов российских мегаполисов. Тема несправедливости политического режима, персонифицирующаяся в индивидуальном сознании в конкретных образах политиков и их «жертв», обладает мобилизационным потенциалом примерно для 13% студентов.

Поскольку политическая онлайн-коммуникация в социальных сетях осуществляется в относительно устойчивых неформальных сообществах, где за счёт эффекта эхо-камеры у участников группы

возникает ощущение безусловной правоты собственной точки зрения на любые происходящие в государстве события, подчас наблюдается достаточно высокий слактивизм. У студентов активность в основном проявляется в «лайках» (до 42% студентов), но участвуют в обсуждении информации не более 17%, доля студентов, которые делают репосты, падает до 3–5%. В любом случае толчком к трансформации политической активности в интернет-пространстве в публичный политический протест является «рекрутирующее событие».

Наиболее вероятным является включение в протестную деятельность через механизм «рекрутирующих связей» в ближнем круге общения [5]; с этой точки зрения изучение политических эффектов совместного обучения или проживания студентов заслуживает особого внимания. Кроме того, следует обратить внимание на неформальные «негативные коалиции» в онлайн-пространстве, когда коммуникативные сообщества создаются вокруг критической идеи без позитивной программы развития; но в этом случае исключительно важно присутствие в такой группе лидера общественного мнения.

В ходе проведённого параллельно 21 экспертного интервью, в том числе со специалистами-политтехнологами, работающими исключительно в интернет-пространстве с использованием технологий Больших Данных, выявлено, что наибольшим протестным потенциалом обладают студенты вузов Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Казани и Новосибирска. Хотя в целом эксперты обращали внимание на каналы и сайты, связанные с именами Ю. Дудя и А. Навального, интернет-аналитики отметили, что наибольшим интересом у студенчества пользуются такие сетевые ресурсы, которые потенциально могут повышать протестные настроения, как: <https://youtube.com/c/SVTVofficial> (Михаил Светов), <https://youtube.com/c/MackNack> (Майкл Наки), <https://youtube.com/user/plushev>

(Александр Плющев), <https://youtube.com/c/maxkatz1> (Максим Кац), <https://youtube.com/c/uebermarginal> (Убермаргинал), <https://youtube.com/c/CzarTalks> (Егор Просвирнин), <https://youtube.com/channel/UC8GoduxspzU7MpKYdbMyI0A> (Михаил Пожарский), https://t.me/vlast_Zh (Залина Маршенкулова, канал «Женская власть»), <https://youtube.com/channel/UCz5fo5taSl12pB-COEplkTw> (Ватоадмин), https://youtube.com/channel/UCmJzuCIYu_2fRdq3xHYxsOQ (Павел Усанов, хотя он чаще выступает как гость на других каналах). Интересные для студентов примеры политических дебатов – <https://youtube.com/0QQAbsfFNYU>. Кроме того, заслуживают внимания «Медиазона» и некий круг участников (Алехина, Штеин, Верзилов, Смирнов), а также журнал «Молоко plus» с определённым, достаточно устойчивым сообществом радикально левых взглядов.

Данные блогеры, журналисты, другие публичные люди в своей постоянной коммуникативной повестке дня комментируют социально-значимые политические темы. Фактически они «выполняют функцию точек кристаллизации, структурирующих информационное пространство. При этом разница их мировоззренческих позиций менее важна, чем само наличие продуманного мировоззрения... социальные блогеры формируют в информационном пространстве некую “кристаллическую решётку”, в узлах которой находятся важные для социума и часто дополняющие друг друга социально-мировоззренческие позиции» [6, 7]. Они выступают как активные ключевые коммуникаторы, интерпретируя и конструируя смыслы политических событий для своего молодёжного сегмента аудитории, в котором студенты проявляют себя наиболее активно.

Заключение

Молодёжь мегаполисов, а тем более студенты, хорошо политически информированы, политическое сознание сформировано не менее чем у трети её представителей. Хотя студенты склонны де-

монстрировать острое неприязненное отношение к несовершенству социальных и политических отношений, но в основе их недовольства социальной и политической ситуацией зачастую лежат завышенные притязания к окружающим, убеждённость в собственной субъектности в системе социально-политических отношений и острое осознание невозможности реализовать этот потенциал в полной мере. Данная социальная группа воспроизводит спектр типичных политических ориентаций и установок российского общества, но привносит в политическую среду новые запросы, ожидания, мотивацию, модели политической коммуникации и практики политического поведения. Наличие в массовом сознании молодёжи представлений о высокой результативности протестных акций при одновременном непонимании последствий неконвенционального политического поведения для решения проблем этой группы обеспечивает более высокие показатели её политической мобилизации.

Своеобразным катализатором протестных настроений являются присущие этой возрастной группе склонность к неоправданному риску, нонконформизм, максимализм, повышенная эмоциональность, отсутствие способности просчитывать

риски для собственной судьбы и профессиональной карьеры. К наиболее значимым факторам роста вовлечённости молодёжи в политический протест, в том числе радикального характера, следует отнести ограниченность социального опыта молодых людей, влияние пропаганды престижного потребления, рост запроса на справедливость (чаще всего проявляется не как системное требование, а как разрешение конкретного конфликта с участием конкретных персон), отсутствие прочной символической базы национально-государственной идентичности, позитивного устойчивого образа будущего страны и «своей» социальной группы, влияние политической мифологии. Достаточно активно применяемая стратегия протестного политического поведения студенчества приводит к значительным издержкам, противостоянию с властными структурами, ухудшению отношений с окружающими.

Определённое значение играют доминирование в пространстве социальных медиа неконвенциональной несистемной оппозиции и подчас неоправданно жёсткая, в том числе превентивная, реакция региональных и местных властей на участие молодёжи в несанкционированных акциях протеста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтариева Л.Г., Харичкова Л.И. Современные тенденции в развитии мегаполисов России // Фундаментальные исследования. 2016. № 7. С. 56–57.
2. Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодёжи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 166–187. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-166–187.
3. Xiong Cho B. Hashtag activism and message frames among social movement organizations: Semantic network analysis and thematic analysis of Twitter during the #MeToo movement // Public Relations Review. 2018. Т. 45. № 1. P. 10–23.
4. Won D., Steinert-Threlkeld Z.C., Joo J. Protest Activity Detection and Perceived Violence Estimation from Social Media Images // Proceedings of the 25th ACM International Conference on Multimedia. Association for Computing Machinery. 2017. P. 786–794. DOI: <https://doi.org/10.1145/3123266.3123282>.
5. Франц В.А. Особенности распространения протестных настроений в среде российской молодёжи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3 (29). С. 61–80.

6. Витвинчук В.В., Фотиева И.В., Семилет Т.А., Лукашевич Е.В. Проблема лидеров мнений в публичной коммуникации // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 91–101.
7. Tsai W.-H.S., Men R.L. Social messengers as the new frontier of organization-public engagement: A WeChat study // Public Relations Review. 2018. Т. 44. № 3. P. 419–429.

ENGLISH

Student Youth in Russian Megacities: Value Orientation and the Effects of Political Online Mobilization

Olga Valentinovna Popova – Doctor of Political Science, head of the Department of Political Institutions and Applied Political Research, Faculty of Political Science, Federal St Petersburg State University, head of the project ‘Youth in Megacities as a Social Basis for Public Protest: Preconditions, Technologies, Forms, Risks, and Effects of Political Online Mobilization’ (20-011-31753).
E-mail: o.popova@spbu.ru

The paper is dedicated to identifying the specific configuration of the meaning-of-life and ideological values of Russian students in megacities in the context of forming certain patterns of their reaction to online political protest mobilization. The paper includes the results of an online survey of Russian students living in megacities (1,333 respondents selected by gender, age, level of education, and place of residence). The analysis showed the prevalence of liberalist values in the mass consciousness of students, the focus on calls for justice, and the unconditional importance of material values. The configuration of these values in the factor analysis demonstrates the narrowest (the most provocative) topics in terms of the risks of using them in protest agitation. Personal success in the minds of students contrasts with the principle of justice, and the norms of law contrasts with open, trusting communication with the others, human rights – with the interests of the state, and the general well-being – with the interests of individual citizens. The interests of one’s ethnic group, not family, correlate in the minds of students with the preservation of traditions. Finally, the value of human life, recognized as highly significant, is seen as negligible in the real life of society and the state.

The analysis showed the stabilization of students’ values approximately by the third-fourth year of their study and a slight decrease in the willingness to engage in public protest activity at this age (21–22 years old). Sophisticated modelling methods allowed us to identify four main types of students’ reactions to online political mobilization and observe the connection between these models and students’ value orientation.

Keywords: Russian youth, students, megacity, meaning-of-life and ideological values, political opinion, online political protest mobilization

REFERENCES

1. Akhtarieva L.G., Kharichkova L.I. Sovremennye tendentsii v razvitii megapolisov Rossii // Fundamental'nye issledovaniya. 2016. № 7. S. 56–57 (in Russian).
2. Samsonova T.N., Naumova E.S. Rol' SMI v politicheskoy sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodyozhi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i poli-

- tologiya. 2020. T. 26. № 1. S. 166–187. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-166–187 (in Russian).
3. Xiong Cho B. Hashtag activism and message frames among social movement organizations: Semantic network analysis and thematic analysis of Twitter during the #MeToo movement // Public Relations Review. 2018. T. 45. № 1. P. 10–23.
 4. Won D., Steinert-Threlkeld Z.C., Joo J. Protest Activity Detection and Perceived Violence Estimation from Social Media Images // Proceedings of the 25th ACM International Conference on Multimedia. Association for Computing Machinery. 2017. R. 786–794. DOI: <https://doi.org/10.1145/3123266.3123282>.
 5. Frants V.A. Osobennosti rasprostraneniya protestnykh nastroyeniy v srede rossiyskoy molodyozhi v usloviyakh informatsionnogo obshchestva (na primere Ekaterinburga) // Filosophiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve. 2020. № 3 (29). S. 61–80 (in Russian).
 6. Vitvinchuk V.V., Fotieva I.V., Semilet T.A., Lukashevich E.V. Problema liderov mneniy v publichnoy kommunikatsii // Sibirskiy filosofskiy zhurnal. 2017. T. 15. № 4. S. 91–101 (in Russian).
 7. Tsai W.-H.S., Men R.L. Social messengers as the new frontier of organization-public engagement: A WeChat study // Public Relations Review. 2018. T. 44. № 3. P. 419–429.

Индекс УДК 323.3

Код ГРНТИ 11.15.25, 11.15.67, 11.15.82

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-130-140

Е.В. МОРОЗОВА*

Жизненные ценности и гражданская идентичность старшеклассников

В статье представлены результаты исследовательского проекта, реализованного в 2020–2021 гг. на микроуровне политического анализа в Краснодаре с использованием анкетного опроса и экспертных сессий. Интерпретация эмпирических данных осуществлялась в теоретических рамках концепций гражданской идентичности, теорий ценностей и теории поколений. Жизненные ценности школьников представлены как ценности-идеалы и ценности-цели, определена их значимость. Охарактеризованы когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни гражданской идентичности старшеклассников, выявлен идеальный образ гражданина. Школа и Интернет рассмотрены в качестве акторов гражданской социализации. Сформулированы выводы о необходимости переосмысления социальной роли молодёжи в обществе цифровизации, формирования нового видения факторов и механизмов межпоколенной трансмиссии, выработки и реализации таргетированной молодёжной политики. В реализации проекта на всех этапах участвовали четверо студентов и пятеро школьников, которые приобрели опыт проведения эмпирических исследований и репрезентации их результатов.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, жизненные ценности, гражданская идентичность, цифровая инклюзия, политическая социализация

В последний рабочий день 2020 г. был принят федеральный закон¹ [1] о молодёжной политике, споры о котором велись начиная с 1980-х гг. Помимо объективной необходимости стимулом для законодателей стала не-

конвенциональная политическая активность молодёжи, прежде всего школьников. Значительно увеличился интерес к исследованию политической социализации школьников в профессиональном сообществе. Наши коллеги-политологи

* **Морозова Елена Васильевна** — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, руководитель проекта РФФИ—ЭИСИ «Жизненные ценности и гражданская идентичность старшеклассников» (20-011-33041). E-mail: morozova_e@inbox.ru

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>.

даже поставили вопрос о возможности выделения суботрасли политической науки – политологии молодёжи [1].

Дизайн исследования

Методологический фундамент исследования имеет три базовых опоры: теоретические подходы, связанные с изучением ценностей (М. Рокич [2], С. Шварц [3], Р. Инглхарт [4]), теория поколения (Н. Хоув, У. Штраус [5], В.В. Радаев [6], Е.Б. Шестопал [7]) и идентитарный подход в политологическом измерении (И.С. Семененко [8], Л.М. Дробижева [9]). В качестве теории среднего уровня использован политико-компаративный подход.

Методика эмпирического исследования 2020 г. основывалась на совокупности таких методов, как анкетный опрос и экспертные сессии. Эмпирическое исследование проведено в Краснодаре. Стремительно развивающийся и входящий в топ-3 российских городов, благоприятных для жизни и развития бизнеса, Краснодар стал магнитом для внутренней трудовой миграции и городом-миллионником. В 1997 г. население города составляло 650 тыс. чел., в 2006 – 710,4 тыс., в 2014 – 805,68 тыс., в 2020 – 932,63 тыс. По предварительным итогам переписи населения 2021 г., численность краснодарцев приблизилась к 1,7 млн чел. По данным нашего анкетирования, только 46% старшеклассников выросли в семьях коренных краснодарцев, остальные приехали с родителями из разных регионов страны и районов края.

Как показало масштабное исследование, проведённое Институтом социологии и Институтом антропологии и этнографии РАН, на Кубани за счёт положительного миграционного сальдо складывается уникальная ситуация, которая позволяет рассматривать регион как модельный с точки зрения закладывания основ и испытания на прочность российской гражданской (политической) нации.

Четыре студента и пять школьников принимали участие в проекте на всех этапах его реализации, они участвовали

в апробации инструментария исследования, проводили анкетирование выпускников в четырёх краснодарских школах, трое школьников в соавторстве со студентами представили доклады на Международной научной конференции «Человек. Сообщество. Управление. Взгляд молодых исследователей», а затем подготовили публикации по итогам своих выступлений. Школьники приобрели опыт проведения эмпирических исследований и репрезентации их результатов.

Жизненные ценности старшеклассников

В социально-политическом научном дискурсе существует ряд работ, главным или одним из предметов которых являются политические ценности школьников. Но сами авторы утверждают, что в силу отсутствия собственного опыта политического участия говорить о выработке этих ценностей было бы преждевременно. «С нашей точки зрения, старшеклассник в возрасте 16 лет имеет уже достаточно определённую систему базовых ценностей, высокий уровень её осознания и артикуляции. Что же касается именно политических ценностей, то, на наш взгляд, для чёткой констатации факта их сформированности молодому человеку необходимо получить опыт первичного участия в политическом процессе в качестве избирателя и иной политической активности» [10]. Сферы жизнедеятельности и соответственно социальные роли чётко разделяются на этапе вторичной социализации. Более того, как показывают многочисленные исследования, у значительной части взрослого населения России система политических ценностей не сложилась, и при принятии решений (например, в ситуации выборов) они продолжают «голодовать сердцем».

Жизненные ценности человека воплощаются в ценностях-идеалах и ценностях-целях. Раскрывает жизненные ценности и открытый вопрос «В чём Вы видите цель своей жизни?». На него ответила бóль-

шая часть школьников, участвовавших в опросе. Все ответы были объединены в несколько кластеров по направленности целей. Безусловно доминируют три кластера: семья, дети, любовь (13,3%), образование и развитие (12,9%), самореализация (12,5%). Следующими по значимости названы такие цели, как собственное счастье (9,5%) и карьера (9,5%). Богатство как цель не в лидерах (4,9%), такое же место занимает цель «помощь людям», и всего 2,7% школьников определили цель своей жизни как службу стране. В 2020 г. впервые за всё время исследования в постсоветский период появились такие цели, как «выжить» (3,4%) и «обеспечить достойную жизнь родителям» (4,9%). Как показало обсуждение этого вопроса на экспертных сессиях, «выжить» скорее всего связано не с бедственным материальным положением семей, а с общими алармистскими настроениями в период эпидемии. А стремление помочь старшему поколению, с одной стороны, характеризует важность семейных ценностей, а с другой — является косвенным показателем физического и эмоционального выгорания поколения родителей, которое наблюдают дети.

В опросник была введена матрица жизненных ценностей, школьникам предлагалось выбрать не более шести из 24 ценностей по 10-балльной шкале и оценить их по значимости для себя. Для интерпретации полученных данных оценивались два показателя: количество выборов и средняя полученная оценка. Пандемия коронавируса актуализировала такую ценность, как здоровье, которая никогда не находилась на ведущих позициях у старшеклассников.

Ценности из предложенного списка распределились по трём группам. В первую вошли те, которые выбрали 60–80% опрошенных, поставив им оценку от 8,5

до 9,8 баллов. Показательно, что на вершине рейтинга находятся витальная ценность (жизнь) и постматериальная ценность (самореализация). Вторую группу составили ценности, отмеченные 30–40% школьников и получившие в основном 8-балльные оценки. Ценности третьей группы представляются значимыми для 10–20% старшеклассников, в эту группу вошли такие ценности, как власть, общественное признание и вера в Бога.

Мы наблюдаем парадоксальный «букет» ценностей краснодарских старшеклассников, который сложился под воздействием трёх групп факторов: поколенческих (налицо свойства поколения Z ценности саморазвития и самоутверждения), региональных традиционных (приверженность семейным ценностям) и ситуативных (переживаемая пандемия коронавируса повысила роль таких ценностей, как здоровье и жизнь).

Гражданская идентичность выпускников

Что значит быть гражданином? На этот вопрос отвечали школьники во всех волнах исследования начиная с 1997 г.¹ Динамика изменений приведена в табл. 1.

Поскольку репертуар ответов в 2020 г. был расширен, представляется важным привести такие показатели, как «иметь гражданство» (34,1%), «проживать на территории государства» (11,0%), «знать историю и культуру страны» (26,9). Наиболее рельефно выглядит сравнение представлений школьников о гражданстве в 1997 и 2020 гг. Позиция «невмешательства», характерная для 1997 г.², значительно ослабла, доля разделяющих её респондентов уменьшилась в 2,5 раза. Растёт значение ответов, отражающих активное деятельностное понимание гражданства: выполнять обязанности гражданина РФ,

¹ Исследование проводилось в одной и той же школе, опрашивались учащиеся выпускных классов в 1997, 2006 и 2014 гг.

² Часть школьников 1997 г. демонстрировала и откровенно нигилистические позиции, например: «Уметь нарушать закон так, чтобы никому не мешать».

Таблица 1

Что означает для старшеклассников быть гражданином

Варианты ответов*	Доля респондентов, давших указанный ответ, %			
	1997 г.	2006 г.	2014 г.	2020 г.
Выполнять обязанности гражданина РФ	16,7	43,9	47,8	45,5
Соблюдать законы	19,4	31,7	50,0	44,3
Просто быть честным человеком, не вмешиваясь в политику	36,1	29,3	33,3	14,0
Участвовать в общественно-политической жизни	8,3	14,6	22,2	15,5
Помогать стране, региону, людям	5,5	0	1,9	21,2

* Респонденты могли выбрать более одного ответа.

помогать стране, региону, людям, участвовать в общественно-политической жизни.

Старшеклассникам предложили назвать современника, которого они считают истинным гражданином России. Ответили на этот вопрос 52% участвовавших в опросе. Наибольшее число школьников (13,6%) считают истинным гражданином Президента РФ В.В. Путина («человек своего слова», «при нём Россия продвинулась вперёд»). Вторую позицию занимает С.Н. Галицкий (5,7%), а третью — А. Навальный (4,5%) — «он творит политику для людей», «он старается помочь людям, страдающим от власти». Назывались также имена министра иностранных дел РФ С. Лаврова, губернатора Краснодарского края В. Кондратьева, руководителя Кубанского казачьего хора В. Захарченко, блогеров И. Варламова, Ю. Дудя, М. Каца. Первая позиция главы государства ожидаема, а вот «феномен Галицкого» нуждается в объяснении. Это известный бизнесмен, основатель сети «Магнит», руководитель футбольного клуба «Краснодар», создатель современного стадиона, который горожане тут же окрестили «Гализеем», и парка «Краснодар», который все называют парком Галицкого. Аргументируя свой выбор, школьники подчёркивали, что «богатым можно быть по-разному», «он много делает для

города, практически безвозмездно», «он построил красивый парк для своего города, таких парков нет ни у кого».

Как известно, в структуре гражданской идентичности выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни. Мы задали школьникам три вопроса для проверки уровня их знаний о правах и обязанностях гражданина РФ, а также об основах российской государственности. Правильный ответ на вопрос о политических правах гражданина РФ смогли дать 69,3% участников опроса, знают обязанности гражданина России 59,5% респондентов, и столько же школьников имеют представление о федеративном устройстве страны. Цифры сами по себе не внушают оптимизма, тем более что отвечали учащиеся 11-х классов, которые изучают конституционный строй России на уроках обществознания, а многим предстоит сдавать ЕГЭ по этому предмету.

В ходе анкетирования школьников попросили назвать по три образа (ассоциации), с которыми у них связаны Россия и Краснодарский край. Соотношение¹ позитивных, нейтральных и негативных ассоциаций показано в табл. 2.

Наиболее часто указываемые образы России: Путин (15,5%), медведь (11,7%), природа (9,5%), дом (5,7%), водка (3,8%). Образы Краснодарского края: море (25,8%), казачество (20,5%), жара (12,9%), солн-

¹ За единицу взято число негативных ассоциаций.

Таблица 2

Соотношение позитивных, нейтральных и негативных ассоциаций

	Позитивные	Нейтральные	Негативные
Ассоциации, связанные с Россией	3,6	3,5	1,0
Ассоциации, связанные с Краснодарским краем	4,7	4,3	1,0

Таблица 3

Что и кто вызывает у краснодарских школьников чувство гордости за Россию,
% к общему числу ответивших

Исторические события и деятели	Политическая сфера	Культура и наука	Спорт
Победа в Великой Отечественной войне – 34,1	Путин – 9,8	Гагарин и освоение космоса – 5,7	Олимпиада и олимпийцы – 12,9
Пётр Первый и его реформы – 6,8	Ленин – 3,1	Ломоносов – 6,4	Хабиб – 5,3
Ленин и Октябрьская революция – 3,8	Отстаивание интересов России в международных делах – 2,7	Пушкин – 5,3	
Екатерина Вторая – 2,3	Навальный – 2,3	Менделеев – 4,9	
Отмена крепостного права – 1,9	Присоединение Крыма – 1,9	Создание вакцины против коронавируса – 1,9	

це (10,6%), поля (10,2%), природа (9,8%), тепло (9,1%), курорт (8,0%), Кубань (4,9%), люди (3,3%), Галицкий (3,0%). В структуре образа России школьники указали такие негативные элементы, как водка, бедность, несправедливость, коррупция; в структуре образа Краснодарского края негативно окрашен один элемент – жара. Образ Краснодарского края эмоционально более насыщен, он содержит в полтора раза больше элементов, которые указали три и более процентов школьников. В образе края доминируют ассоциации, связанные с природно-климатическими особенностями, хозяйственной специализацией и населением.

Эмоциональный уровень гражданской идентичности отражал и вопрос о том, какие события, явления, люди вызывают у школьников чувство гордости за свою страну¹. Наиболее часто встречающиеся

ответы, отражающие мнение свыше 1% респондентов, представлены в табл. 3.

44% школьников не участвуют ни в каких формах общественной активности, приводя следующие типичные объяснения: «нет времени», «неинтересно», «это ничего не даёт». Наиболее популярными формами общественной активности оказались работа в научных и творческих коллективах (20,5%) и проектная деятельность (14,0%). Мотивация прозрачна: «для развития себя и страны», «много знаний получаю, практика на будущее», «пробую себя в разных сферах», «отличный способ найти единомышленников и новые знакомства». Далее по степени популярности идут участие в молодёжных образовательных форумах (8,0%), волонтерская деятельность (7,2%), ученическое самоуправление (4,9%), НКО (3,0%), поисковое

¹ Были выделены четыре сферы: история, политика, культура и наука, спорт.

движение (2,3%) и молодёжный парламент (1,5%).

Можно определённо констатировать противоречие между выраженностью различных компонентов гражданской идентичности у современных школьников: когнитивного, эмоционального и поведенческого. Демонстрируя скорее удовлетворительный уровень знаний о правах и обязанностях гражданина и конституционных основах государственности, позитивное восприятие своей страны и испытывая чувство гордости за соотечественников, старшеклассники проявляют значительную социальную пассивность. В формах общественно-политической деятельности (волонтерство, ученическое самоуправление, НКО, молодёжные парламенты) участвует суммарно 16% школьников. В то же время наиболее востребованы такие формы социальной активности, как проектная деятельность, участие в научных и творческих коллективах.

Субъекты формирования гражданской идентичности

Однако исследование показало, что в формировании гражданской позиции школьников лидирует не школа. Вот как выглядит оценка респондентами социальных институтов как акторов, влияющих на гражданскую позицию школьников (использована 10-балльная шкала): семья — 8,5; Интернет — 7,9; друзья — 7,7; школа — 6,5; художественная культура — 5,4; СМИ — 5,3; общественные организации — 4,4; политические партии — 3,9.

Почему семья оказалась у краснодарских школьников на первом месте? В предыдущих разделах статьи мы показывали одно из ведущих мест семьи в системе жизненных ценностей старшеклассников. «Феномен консервативного Юга», отмечаемый многими наблюдателями, включает в числе других особенностей уважитель-

ное отношение к старшим, тесные родственные и соседские связи, большие семейные праздники. Это сохраняется в городских семьях, многие из которых и переехали в Краснодар из станиц недавно. Для детей мигрантов из других регионов России или других стран семья является основным ресурсом адаптации в новом социальном окружении. Сам институт семьи за постсоветский период пережил стремительную трансформацию, и в Краснодаре как в современном мегаполисе нуклеарная партнёрская семья стала ведущим типом семьи¹. При том что молодёжь не всегда признаёт авторитет взрослых, «семья рассматривается “зетами” как основное убежище, защита и опора, символ успеха и счастья в жизни» [11, с. 49].

В коммуникационных практиках краснодарские школьники показали себя типичными представителями поколения Z. Больше четверти опрошенных — 27% — проводят в сети от 1 до 3 часов в день, 51% — 3 часа и более, 18% — всё свободное время. Основным источником информации, в том числе социально-политического характера, для старшеклассников являются социальные сети, и эта информация вызывает доверие у большинства аудитории. Важность для себя Интернета как источника информации по 10-балльной шкале школьники оценили в 8,6 баллов, далее по степени значимости идут общение со сверстниками и друзьями (7,6) и общение с учителями и родителями (7,4). Традиционные СМИ — радио, газеты — набирают около 1 балла, телевидение — 3 балла. Полученные ранее Г.У. Солдатовой [12] результаты указывают на то, что для российских подростков и их родителей в целом характерно необоснованно оптимистическое и упрощённое представление об Интернете, завышенная оценка собственной цифровой компетентности, довольно низкая мотивация к её повышению. Каждый шестой

¹ Если в опросе 1997 г. определили тип своей семьи как авторитарный 17% школьников, как попустительский — 14%, как демократический — 44%, то в 2020 г. демократической посчитали свою семью 72% опрошенных, в то время как на авторитарный и попустительский типы указали по 10% старшеклассников.

из опрошенных нами краснодарских подростков при ответе на вопрос об уровне владения цифровыми технологиями выбрал утверждение «я уверен, что мои знания в области цифровых технологий развиты очень хорошо и не требуют совершенствования», а 45% респондентов полагают, что у них «редко находится время для совершенствования своих навыков применения цифровых технологий», лишь треть опрошенных используют различные ресурсы и программы, чтобы улучшить свои цифровые навыки.

Основные векторы влияния цифровой инклюзии на политическую социализацию старшеклассников — наложение «пяти переходов» развития молодого поколения, изменение конфигурации агентов социализации, возрастающая роль цифровых медиаперсон в политической социализации старшеклассников, цифровые механизмы формирования политической и гражданской идентичностей (включая появление таких явлений, как цифровой нарциссизм и цифровой детокс). Таким образом, мы наблюдаем развитие тенденции, отмеченной исследователями несколько лет назад, — утверждение в поле публичной политики акторов разного уровня и степени субъектности. В цифровом обществе такая разноуровневая и разноплановая субъектность претендует на самодостаточность и трансформирует «неполитическое» в политическое [13].

Школа играет роль актора формирования гражданской идентичности в учебном процессе и во внеучебной деятельности. А.А. Эндрюшко [14] рассмотрела конструирование российской идентичности в доктринальном пространстве сферы образования. На основании контент-анализа документов федеральных государственных стандартов начального, основного, общего образования нового поколения (принятых в 2009–2012 гг.) автор пришла к выводу, что при заявленной цели формирования российской гражданской идентичности её гражданская составляющая значительно уступа-

ет культурной, что такой подход ведёт к формированию «слепого патриотизма», препятствуя развитию поведенческих аспектов гражданской идентичности и формированию общественной активности школьников [14, с. 95].

Но ослабление позиции школы в процессе гражданской социализации, как показало наше исследование, объясняется не только, а может быть и не столько, стандартами. Как последнее звено в коммуникационной цепочке школа обладает значительным инерционным потенциалом. В 1990-е гг. укоренилось понимание школы как организации, предоставляющей образовательные услуги. Абсолютная идеология уступила место абсолютной маркетизации. По мнению экспертов, именно «застрявший» в общественном сознании стереотип школы как агентства образовательных услуг не позволяет наладить сотрудничество школы и семьи, которое ещё теплилось до середины 1990-х гг., а потом окончательно кануло в лету. *«Учитель и родители не союзники. Это похоже на холодную войну» (экспертная сессия 3).* *«Сейчас самое модное выражение у детей — вы должны уважать моё мнение и моё личное пространство... А родители приходят с задачей: я добьюсь, чтобы учителя уволили. Дома родители учат: запиши, спровоцируй» (экспертная сессия 3).*

Выражением конформистской позиции старшеклассников стало широко распространённое в молодёжной среде ироничное выражение «ОК, бумер!», обращённое к старшим, — дескать, не напрягайся, я спорить с тобой не буду, всё равно не поймёшь, но сделаю всё по-своему.

Некоторые выводы. Учёным стоит задуматься о переосмыслении социальной роли молодёжи в обществе цифровизации. Факторы и механизмы межпоколенной трансмиссии, которые работали на предыдущих этапах развития общества, оказываются бесполезными применительно к поколению Z. Старшие и младшие оказываются в разных коммуникационных вселенных

(для всех школьников основной источник информации – Интернет, для 88% учителей – телевизор). При этом школьники в большинстве случаев занимают конформистскую позицию, публично соглашаясь с мнением старших, а внутреннее несогласие выносят на другие площадки.

Старшеклассники поколения Z демонстрируют приоритетную востребованность ценностей саморазвития и самореализации. Пример развития форматов, отвечающих таким потребностям, показывают проекты АНО «Россия – страна возможностей» – «Лидеры России», «Большая перемена», «Конкурс политологов» и другие. Но их недостаточно, чтобы приобщить к социальному творчеству большинство школьников, необходимо развитие подобных форматов на региональном и локальном уровнях. Это поможет преодолеть противоречие между стремлением влиять на политику в будущем и отсутствием желания и возможностей приобрести необходимые опыт и знания в настоящем времени. Учёт регионального и локального факторов особенно важен на территориях с сильной региональной и локальной идентичностью, это позволит интериоризировать идеи и ценности молодёжной политики, снизить эффекты отторжения и навязанности.

Школа будет оставаться одним из центральных институтов гражданской социализации молодёжи, и это основной рычаг влияния государства на формирование гражданской идентичности школьников. Вернуть приоритетные позиции в этом процессе школе нелегко, для усиления её субъектной роли необходимо работать в связке с другими общественными институтами: организациями родителей, волонтерскими структурами, НКО и др. – в рамках конкретного местного сообщества. Школы могут быть включены в социальные программы бизнеса по созданию механизмов и институтов развития территорий.

Реализация научных задач позволила создать объяснительную модель вза-

имосвязи жизненных ценностей и гражданской идентичности старшеклассников, включающую структурные (ценности материальные и постматериальные, ценности «для себя» и «ценности для других», когнитивные, эмоциональные и инструментальные уровни гражданской идентичности); процессуальные (деятельность акторов формирования гражданской идентичности и их взаимодействие с субъектом гражданской идентичности – выпускниками школ) и контекстуальные характеристики (система факторов, влияющих на формирование жизненных ценностей и гражданской идентичности – цивилизационных, региональных, ситуативных).

Государственная молодёжная политика сейчас носит «дуальный» характер: усилия органов по работе с молодёжью сосредоточены на двух полюсах, первый из них – активисты, второй – молодые люди с отклоняющимся поведением (на эту поляризацию указала Ю.А. Зубок [15]). При этом социальное пространство между этими полюсами неоднородно, оно может быть мобилизовано как в сторону позитивной самореализации, так и в сторону деструктивных действий. Наш проект, реализованный на микроуровне политического анализа, показал, сколь неоднородны в ценностно-образном и поведенческом выражениях типы гражданской идентичности старшеклассников. Тем не менее в каждой группе есть устойчивый позитивный потенциал, который может стать ядром формирования позитивных социальных практик.

Для повышения эффективности работы с молодёжью в качестве стратегии может быть предложена таргетированная молодёжная политика, опирающаяся на исследования и экспертное мнение. Помимо технологий, «заточенных» на конкретные целевые группы молодёжи, в качестве ценностного наполнения молодёжной политики необходим позитивный образ будущего, который может объединить большинство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Popova O.V. & Kazarinova D.B. In search of political youth studies as a subfield of political science: Editorial introduction // RUDN Journal of Political Science, 2021, 23 (1). P. 9–17. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-9-17.
2. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.
3. Шварц Ш, Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
5. Howe N., Strauss W. The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve // Harvard Business Review. 2007. Vol. 85 (7–8). P. 47–52.
6. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
7. Шестопал Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02.
8. Семенов И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 354–358.
9. Дробижина Л.М. Динамика гражданской идентичности и её ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 7–22. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02.
10. Селезнева А.В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 22–33.
11. Лисаускене М.В. Молодые сибиряки: жизненные ценности и модели поведения «поколения Z» (опыт исследований молодёжи Иркутской области в 1991, 2013, 2018 гг.) // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 1. С. 46–60. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-1-46-60.
12. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
13. Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 64–81.
14. Эндрюшко А.А. Российская идентичность и школьное образование: современный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 95–110. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7875.
15. Зубок Ю.А. Молодёжь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688>.

ENGLISH

Life Values and Civic Identity of High School Students

Elena Vasilyevna Morozova – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, head of the project of RFRF-EISS ‘Life Values and Civic Identity of High School Students’ (20-011-33041).

E-mail: morozova_e@inbox.ru

The paper presents the results of a research project implemented in 2020–2021 at the micro level of political analysis in Krasnodar using survey and expert sessions. The interpretation of empirical data was carried out within the theoretical scope of the concepts of civic identity, theories of values and generational theory. Life values of school students are presented as values-ideals and values-goals, and their significance is determined. The paper characterized cognitive, emotional and behavioural levels of civic identity of high school students and revealed the ideal image of a citizen. The school and the Internet are considered as actors of civic socialization. Conclusions were drawn about the need to reconsider the social role of young people in a digital society, to form a new view of the factors and mechanisms of intergenerational transmission, to develop and implement a targeted youth policy. Four university students and five high school students participated in all stages of the project, gaining experience in conducting empirical research and presenting the results.

Keywords: public youth policy, life values, civic identity, digital inclusion, political socialization

REFERENCES

1. Popova O.V. & Kazarinova D.B. In search of political youth studies as a subfield of political science: Editorial introduction // RUDN Journal of Political Science, 2021, 23 (1). P. 9–17. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-9-17.
2. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.
3. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostey: primeneniye v Rossii // Psikhologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki. 2012. T. 9. № 1. S. 43–70 (in Russian).
4. Ingkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011 (in Russian).
5. Howe N., Strauss W. The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve // Harvard Business Review. 2007. Vol. 85 (7–8). P. 47–52.
6. Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo. M.: Izd. dom VSHE, 2019 (in Russian).
7. Shestopal E.B. Proekt dlinoyu v chetvert' veka. Issledovanie obrazov vlasti i liderov v postsovetskoy Rossii (1993–2018) // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. № 1. S. 9–20. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02 (in Russian).
8. Semenenko I.S. Grazhdanskaya identichnost' // Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie / Otv. red. I.S. Semenenko. M.: Ves' mir, 2017. S. 354–358 (in Russian).
9. Drobizheva L.M. Dinamika grazhdanskoy identichnosti i ee resurs v pozitivnykh integratsionnykh protsessakh rossiyskogo obshchestva // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Eko-

- nomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2017. № 4. S. 7–22. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02 (in Russian).
10. Selezneva A.V. Politiko-psikhologicheskiy analiz politicheskikh tsennostey sovremennykh rossiyskikh grazhdan: pokolencheskiy srez // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2011. № 3 (15). S. 22–33 (in Russian).
 11. Lissauskene M.V. Molodye sibiryaki: zhiznennye tsennosti i modeli povedeniya «pokoleniya Z» (opyt issledovaniy molodyozhi Irkutskoy oblasti v 1991, 2013, 2018 gg.) // Siberian Socium. 2019. T. 3. № 1. S. 46–60. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-1-46-60 (in Russian).
 12. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoye pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'. M.: Smysl, 2017 (in Russian).
 13. Lapkin V.V., Semenenko I.S. «Chelovek politicheskiy» pered vyzovami «infomodernity» // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2013. № 6. S. 64–81 (in Russian).
 14. Endryushko A.A. Rossiyskaya identichnost' i shkol'noe obrazovanie: sovremennyy kontekst // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2021. T. 9. № 1. S. 95–110. DOI:10.19181/snsp.2021.9.1.7875 (in Russian).
 15. Zubok Yu.A. Molodyozh': zhiznennye strategii v novoy real'nosti // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 3. S. 4–12. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688> (in Russian).

Индекс УДК 32:159.9

Код ГРНТИ 11.01.69

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-141-150

**А.В. ЛАРИОНОВА,
О.Ю. ГОРЧАКОВА***

Деструктивная коммуникация молодёжи в сети Интернет: социально-политический контекст

В статье представлены основные результаты исследования деструктивных форм поведения молодёжи в сетевых интернет-сообществах. На первых этапах исследования целью было выявление деструктивных практик коммуникативного поведения молодёжи в сети Интернет, в том числе в контексте политического дискурса. На заключительном этапе — выявление стратегий и приёмов новостного контента, которые способны формировать и провоцировать деструктивные паттерны реагирования пользователей на различные социально-политические явления (события, решения и лиц, связанных с этими событиями).

Общая выборка исследования составила 530 респондентов — представителей студенческой молодёжи различных вузов Томска. Эмпирическим материалом исследования также стали региональные новостные сообщения социально-политической тематики, размещённые в свободном доступе различными сообществами в социальной сети ВКонтакте (Томск и Новосибирск). Анализу подверглись 3786 новосибирских и 887 томских постов.

Для анализа данных были использованы методы качественной (контент-анализ, тематический анализ, психолингвистический анализ, психологический анализ, методы машинного обучения) и количественной обработки данных (алгоритм для поиска данных на основе API, сбор данных цифрового следа с помощью платформы по работе с данными (<https://lk.data.tsu.ru/>), методы обработки естественного языка для анализа текстов и извлечения необходимой информации, методы машинного обучения, платформа для текстового анализа PolyAnalyst). В ходе реализации проекта были исследованы особенности восприятия и потребления политического контента в социальных сетях и выявлены деструктивные формы поведения молодёжи в сетевых интернет-сообществах.

* **Ларионова Анастасия Вячеславовна** — кандидат психологических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ), руководитель проекта «Содержательный анализ деструктивных форм поведения молодёжи в сетевых интернет-сообществах: политический аспект» (20-011-32267).

E-mail: anpavlar@mail.ru

Горчакова Олеся Юрьевна — преподаватель НИ ТГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: avendus@mail.ru

Ключевые слова: деструктивная коммуникация, деструктивный контент, вредоносный контент, социально-политическая повестка, молодёжь, интернет-сообщества, интернет-среда, цифровая среда

Информационно-цифровое пространство (социальные сети, сообщества, форумы, чаты, площадки) сегодня — это не только привычная «среда» и образ жизни современной молодёжи, но необъятная по масштабам и возможностям медиаплатформа, которая влияет на формирование новой картины мира и конструирование образа будущего у молодых людей. Зарубежные и отечественные исследователи мировых глобальных процессов и явлений уверенно заявляют о киберпространстве как о ещё одном серьёзном институте социализации личности — онлайн-социализации / интернет-социализации [1–3].

Представители различных отраслей знания, с одной стороны, признают её бесспорные преимущества и перспективы развития для личности (общества), потенциал и возможности для самообразования, самоосуществления и самореализации, с другой — предупреждают об угрозах и рисках киберпространства. Цифровая среда на современном этапе её развития изобилует разнообразным деструктивным контентом, и не просто в свободном (открытом) режиме доступа, а иногда в формате навязанного (принудительного) мема (образа, знака, символа, значения) или программы (игровой, рекламной). Актуальной проблемой цифровой среды и одновременно неразрешимой задачей (или, точнее, сложно реализуемой) является отсутствие действующих и эффективных систем мониторинга, контроля и ценза «вредоносного» контента.

В зону особого риска попадают дети и молодёжь, которые в силу возрастных особенностей не всегда осознают (понимают, принимают) угрозы цифровой среды. Повышенная суггестивность, впечат-

лительность, эмоциональная нестабильность, юношеский максимализм, отсутствие устойчивых жизненных ориентиров (ценностно-смысловых, нравственных, этических), несформированность мировоззрения делают её очень восприимчивой к деструктивному воздействию. Результатом такого влияния становятся формирующиеся противоречивые паттерны поведения, навязанные мыслительные штампы, агрессивные практики социальной активности и самовыражения в режиме онлайн, которые в дальнейшем воспроизводятся, транслируются и закрепляются в опыте реальной жизни [5–6].

В контексте усиления агрессивности в интернет-среде и роста негативного контента в современном российском обществе на фоне усложнения жизненных условий ряд отечественных и зарубежных исследователей обращается к проблеме проявлений деструктивности в политическом интернет-дискурсе, который может иметь высокий негативный потенциал социально-политической деятельности (действия, поступка) [7–8]. В данном случае речь идёт о цифровых условиях и возможностях достижения политической дестабилизации, усиления социально-политической напряжённости и агрессивности. В неоднозначных и непростых условиях жизни, в ситуациях кризисных социально-политических и экономических решений онлайн-пространство становится серьёзным инструментом манипулятивного влияния на большие группы людей.

Формирование различных схем восприятия социально-политической реальности и моделей деструктивного поведения в сети Интернет, с одной стороны, может быть итогом усилий случайных несогласованных действий акторов, с дру-

гой — обусловлено сложноорганизованной, многоуровневой системой и целенаправленной деятельностью агрегированных групп специальных агентов этой системы [9–11].

Целью проекта стало исследование деструктивных практик коммуникативного поведения молодёжи в сети Интернет, в том числе в контексте социально-политической тематики.

Исследование деструктивных форм поведения молодёжи в сетевых интернет-сообществах: социально-политический контекст

В ходе реализации первого этапа была проведена серия эмпирических исследований на выборке студенческой молодёжи, которая позволила, во-первых, выявить и оценить опыт осмысленного нахождения студенческой молодёжи в интернет-пространстве, во-вторых, выявить особенности восприятия и потребления политического контента в социальных сетях (активность, осознанность, деструктивность). Общая выборка исследования составила 530 студентов вузов Томска, из них мужского пола 48,7%, женского — 51,3%. В выборку вошли представители всех уровней подготовки (студенты бакалавриата и магистратуры) с 1-го по 6-й курс гуманитарных, технических и естественно-научных профилей обучения. Из них 162 респондента (учащиеся 2-го и 3-го курсов различных направлений подготовки — информационная безопасность, бизнес-информатика, прикладная математика, экономика, организация работы с молодёжью) приняли участие в написании полуструктурированных эссе на тему «Я как пользователь сети Интернет».

Для решения поставленных задач была разработана анкета, которая включала 34 вопроса различного типа (закрытые, полузакрытые, открытые вопросы и вопросы-оценки по шкале Лайкерта). Анкетирование проходило на базе вузов Томска в октябре–ноябре 2020 г. на платформе Google.

Анализ данных, полученных в ходе реализации исследования, показал, что наиболее популярным среди молодёжи интернет-ресурсом является социальная сеть ВКонтакте — 79,7% ответов. Следующими по популярности использования идут YouTube (47,5% ответов), Instagram (36,9%), Телеграмм (26%), WhatsApp (14%). Менее 10% респондентов указали Twitter, Тикток, Фэйсбук, Discord, поисковые системы (Google, Яндекс).

Анализ блока вопросов о вовлечённости молодёжи в обсуждение различных публикаций (постов) в Интернете показал, что 69% респондентов часто читают комментарии к постам, при этом только 32% оставляют собственные комментарии. Публикации (посты), под которыми студенты оставляют комментарии, в основном относятся к тематике развлечений (фильмы, музыка, юмор, мемы). Репосты предпочитают делать на темы благотворительности, розыгрышей, юмора и крылатых выражений известных людей. Большинство респондентов не обозначает свой интерес через комментарии, репосты и лайки по причине возможного внимания со стороны и «из соображений безопасности».

Студенты склонны оценивать безопасность своей активности в Интернете в пределах средних значений. Корреляционный анализ с применением ранговых корреляций Спирмена ($p < 0,5$) позволил обнаружить взаимосвязь между оценками безопасности общения в Интернете и свободой выражения собственного мнения ($r = 0,27$). Ответы студентов о безопасном виде общения распределились примерно в равной степени, 25% ответивших считают, что безопаснее интернет-общение, 21% уверены, что безопаснее реальная коммуникация, 24% полагают, что оба вида общения небезопасны и также 24% считают, что оба вида общения безопасны, 6% ответов были отнесены к категории «Другое».

Объясняя факторы безопасного общения в интернет-среде, респонденты указывали, что это зависит от темы общения,

Рис. 1. Определение деструктивного контента молодежью

от оппонентов и своего поведения в процессе общения.

Анализ ответов, раскрывающих особенности деструктивного взаимодействия молодежи в сети Интернет, позволил выявить, что молодые люди к деструктивному контенту относят оскорбления, угрозы, диффамации¹ (87% ответов), обман (67%), провокации (58%), троллинг² (34%), флэйминг³ (29%), другое (6%) (рис. 1). Отвечая на вопрос, какой контент чаще всего является причиной негативных (деструктивных) реакций, большинство студентов выделяло политические посты (28% респондентов).

Следующими по количеству ответов были варианты темы толерантности (8%) и посты про ЛГБТ (6%). Остальные варианты ответов получили менее 5% выборов, к ним относятся посты про внешность и бодипозитив, коронавирус, новостные посты, социально значимые проблемы, посты про знаменитости, посты, содержащие чёрный юмор.

Блок вопросов, направленный на особенности политической активности молодежи, показал, что 65% опрошенных студентов интересуются политической жизнью в России, а 35% ответили отрицательно. При этом только 32% ответивших

¹ Диффамация – унижение чести, достоинства и деловой репутации, умаление достоинства в неприличной форме или путём распространения несоответствующих действительности, иногда заведомо ложных, сведений порочающего характера (Диффамация в СМИ / Авт.- сост. Г.Ю. Арапова, М.А. Ледовских. 3-е изд., перераб. и доп. Воронеж: ООО «Элист», 2014).

² Троллинг – процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью привлечения внимания, провоцирования конфликтов и негативных эмоциональных реакций со стороны окружающих.

³ Флэйминг – деструктивная онлайн-коммуникация в виде агрессивных вербальных выпадов одного или нескольких участников онлайн-дискуссии (Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды кибер-агрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 3–20. DOI: 10.11621/npj.2020.0201).

самостоятельно ищут информацию с политической повесткой, а 52% узнают о политической ситуации случайно по всплывающим новостям, репостам от родственников и друзей, 15% респондентов не читают политические новости, 1% выбрали вариант «Другое». Степень доверия студентов к политическим источникам информации чуть выше среднего значения ($Mn = 4,2$). Средняя степень доверия информации о политической ситуации становится причиной перепроверки полученной информации, что свойственно для 57% участников исследования, 43% не проверяют достоверность информации.

При этом достаточно высоко ($Mn = 5,8$) студенты оценивают способность информации в Интернете изменить отношение/представления человека. Опрошенные студенты в основном потребляют контент, не являясь активным участником его формирования. Для них не свойственно вступать в дискуссии на политические темы в сети Интернет, 96% респондентов предпочитают не комментировать политические новости/посты, лишь 4% проявляют такую активность. Низкая комментарийная активность может быть следствием вопросов безопасности и доверия к оппонентам в сети Интернет [11].

Исследование особенностей организации новостного дискурса социально-политической тематики в интернет-сообществах (на примере региональных новостных пабликов в социальной сети ВКонтакте)

Далее мы поставили цель изучить особенности организации новостного дискурса социально-политической тематики. Для решения данной задачи в дизайн исследования были включены методы анализа больших данных. В качестве площадки для анализа новостного политического контента была выбрана социальная сеть ВКонтакте.

Были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1) какой новостной контент особенно актуален для активных пользователей Ин-

тернета (сравнительный анализ Томск/Новосибирск);

2) ведущие социально-политические темы новостного потока (сравнительный анализ Томск/Новосибирск);

3) самые популярные информационные повестки социополитической тематики вызывают больший интерес у сетевой аудитории (по индексу вовлечённости).

Методами исследования являлись: алгоритм для поиска региональных сообществ в социальной сети ВКонтакте на основе API (application programming interface) этой соцсети; сбор данных цифрового следа с помощью платформы по работе с данными социальных сетей (<https://lk.data.tsu.ru/>); методы обработки естественного языка для анализа текстов и извлечение необходимой информации.

После очистки и кластеризации выгруженных данных для анализа были получены 3786 постов из новосибирских и 887 из томских региональных сообществ за период с 1 января по 31 октября 2020 г.

Для каждого новостного поста был посчитан индекс вовлечённости, который позволил выявить наиболее интересный (актуальный) для пользователей социальных сетей новостной контент (Томска и Новосибирска), сравнить между собой по степени комментарийной активности (отклику). В расчёт принимались метки активности пользователей (лайки, репосты, комментарии). Рейтинг актуальных новостных постов представлен на рис. 2.

Анализ рейтинга самых актуальных новостей позволил выделить топ новостей: «Covid-19», «Президент РФ», «Конституция» (поправки, принятие, президентский срок), «Митинги в Хабаровске» (в поддержку Фургала), «События в Белоруссии», «Выборы в местную Думу», «Деятельность ЛГБТ». Для пользователей социальных сетей Томска наиболее актуальными были новости регионального характера: «Губернатор Томска», «Штаб Навального в Томске», «Выборы в мест-

Рис. 2. Рейтинг новостных тематик 2020 года

ную Думу». Иначе говоря, приоритетным новостным медиаматериалом для пользователей социальной сети ВКонтакте Новосибирска являются новости федерального значения, для медиааудитории Томска на первом месте стоят новостные сообщения, освещающие события регионального значения. Полученные данные согласуются с анкетным опросом молодёжи.

В ходе содержательного анализа было выявлено, что новостные сообщения как томских, так и новосибирских сообществ социальной сети ВКонтакте имеют одинаковую выраженную тенденцию к нарративизации новостного дискурса: 71% новостных заметок новосибирских сообществ и 58% – региональных. Отличительными особенностями нарративной структуры новостных сообщений является наличие авторского нарратива (интер-

претации раскрываемых медиаавтором тем и описываемых событий), нарратива очевидцев событий (свидетельства обычных людей о происходящем вокруг них), нарратива экспертов (мнения специалистов, оценивающих сложившуюся ситуацию) и нарратива «героев» (действующих лиц, персонажей, о ком идёт речь в новостном сюжете). В ходе анализа особенностей организации нарративного дискурса было выявлено, что новосибирские сообщества чаще прибегают к цитированию должностных, высокопоставленных лиц (31%), а томские сообщества отдают предпочтение реактивным комментариям обычного пользователя или случайного свидетеля (24%).

Предпочитаемой нарративной стратегией медиаавторов является фактологическое изложение материала с добавлением реактивных актуальных коммента-

риев высокостатусных должностных лиц, официальных представителей различных структур, обычных людей: их мнения и позиция, оценочные суждения. Цель создателей такого контента – привлечь как можно больше медиапользователей и удержать их внимание на продолжительный срок. В контексте манипуляции мотивами и управления впечатлениями пользователя посредством особой организации новостного дискурса закономерна и обоснована практика медиаобразования, при которой происходит постоянное расширение и разнообразие подачи новостного материала (активное использование приёмов художественного жанра) [12].

Отдельно можно выделить группу медиасообщений, которые направлены на создание (формирование) у пользователей негативного образа события, решения, человека. При этом автор заметки использует как фактологическое изложение, так и авторский нарратив с эксплицитной оценкой референтного (освещаемого) события. Психолингвистический анализ показывает, что медиаавторы используют различные стратегии подачи материала: в одних случаях сообщение носит информативный характер, в других – на уровне вербализации сообщения прослеживается имплицитная оценка; в третьих создатель текста использует нарративную стратегию и через цитирование «героя» транслирует его выраженную негативную оценку события.

Психологический анализ также позволяет подтвердить гипотезу о стремлении автора сообщения сформировать негативный образ события, решения, человека. Выбор именно такой формы подачи и содержания сообщения может, в том числе, отражать его личное негативное отношение к явлению. Данная тенденция медиаобразования свойственна новостным сообщениям как томских, так и новосибирских сообществ. Она задаёт готовый (изначально заданный) деструктивный паттерн реагирования на явление (событие,

решение, человека), тем самым повышая вероятность его повторения (воспроизведения после прочтения) пользователем, особенно в случае некритичного восприятия медиаинформации [13].

Обсуждение результатов и выводов исследования

Киберпространство (интернет-среда) нивелирует границы культурно-нравственных, морально-этических, «статусно-ролевых» оснований взаимодействия (активности, деятельности, поведения, общения и т.п.), в результате чего провокационное коммуникативное поведение, оскорбления, хамство, злонамеренность становятся привычными формами онлайн-дискуссии.

Такие характеристики цифровой среды, как дистанцированность пользователей, отсутствие физического присутствия, анонимность, возможность включить в коммуникацию большое количество незнакомых людей, снимают чувство ответственности перед другими. Для молодёжи свойственны неравномерно развитые коммуникативные и цифровые компетенции пользователей (чаще всего они соответствуют низкому уровню).

По мнению студенческой молодёжи, контент политического содержания является одной из самых провоцирующих и обостряющих деструктивных практик онлайн-взаимодействия. Студенты интересуются политической повесткой, но при этом не проявляют активности в её поиске и фильтрации. Информационный поток политической тематики они получают благодаря подпискам и репостам знакомых и друзей. С одной стороны, настройка поступления новостного контента через автоматическое оповещение (или всплывание в ленте) позволяет сэкономить время, выбрать интересующую информацию; с другой стороны, это приводит к пассивному некритическому потреблению информации, к риску потребления недостоверной и непроверенной (фейковой) медиапродукции.

Анализ особенностей современного сетевого медиаматериала позволяет по-

нять, сформировать, построить основные стратегии подачи и реализации новостного контента, увидеть приёмы и механизмы, с помощью которых новые медиа привлекают внимание пользователей, формируют массовое настроение, добиваются от пользователя желаемого отклика (эффекта) и настраивают на продолжительное взаимодействие. Практики понимания и осознания (критического восприятия информационного импульса,

видения последствий новостного сообщения) технологий воздействия новостного дискурса на личность пользователя (общественное сознание, мнение, позицию) будут, с одной стороны, способствовать более эффективному отбору, отсеиванию новостной информации, а с другой — обеспечивать возможность сохранения, отстаивания, защиты и противостояния деструктивному (негативному) контенту в сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чванова М.С., Анурьева М.С., Киселёва И.А. Новые формы социализации студенческой молодёжи в интернет-пространстве // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов. 2017. Т. 22. № 6. С. 32–40.
2. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребёнок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.
3. Лучинкина А.И. Специфика Интернета как института социализации // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 1. С. 59–69.
4. Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 139–162.
5. Kligler-Vilenchik N., Baden C., Yarch M. Interpretative Polarization across Platforms: How Political Disagreement Develops Over Time on Facebook, Twitter, and WhatsApp // Social Media + Society. 2020. P. 1–13.
6. Gallacher J.D., Heerdink M.W., Hewstone M. Online Engagement Between Opposing Political Protest Groups via Social Media is Linked to Physical Violence of Offline Encounters // Media + Society. 2021. P. 1–26.
7. Гаврикова О.А. Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 22–30.
8. Платонов К.А., Юдина Д.И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 226–249.
9. Агеев А.И., Логинов Е.Л., Шкута А.А. Конвергентный мониторинг и программирование личности как инструмент оперирования интеллектуальной динамикой поведения больших групп людей // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 2 (152). С. 70–87.
10. Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 341–364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>.
11. Ларионова А.В., Горчакова О.Ю., Фахретдинова А.П. Особенности активности студенческой молодёжи в сети Интернет: опыт деструктивной коммуникации и вопросы безопасности // Социодинамика. 2021. № 3. С. 12–22.
12. Тюпа В.И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 40–51.

13. Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Александрова Ю.К., Петров Е.Ю. Особенности новостного дискурса социально-политической тематики на примере региональных новостных пабликов в социальной сети ВКонтакте // Филология: научные исследования. 2021. № 3. С. 1–17. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.3.35234 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35234.

ENGLISH

Destructive Communication among Youth on the Internet: Socio-Political Context

Anastasia Vyacheslavovna Larionova – Candidate of Science (Psychology), assistant professor at National Research Tomsk State University (NRTSU), head of the project ‘Content Analysis of Destructive Behaviour of Young People in Social Media Communities: The Political Aspect’ (20-011-32267).

E-mail: anpavlar@mail.ru

Olesya Yurievna Gorchakova – professor at NRTSU, executor of the same project.

E-mail: avendus@mail.ru

The paper presents the general results of the study of destructive behaviour of young people in web communities. At the first stages of the study the aim was to identify destructive communication practices among young people on the Internet, including in the context of political discourse. At the final stage the aim was to identify strategies and techniques in the news content that can form and provoke destructive patterns of users’ responses to various socio-political phenomena (events, decisions and persons associated with these events).

The study included a total of 530 respondents – representatives of student youth from various universities in Tomsk. The empirical material of the study also included regional news reports on socio-political topics, posted in free access by various communities on VK social network (in Tomsk and Novosibirsk). We analyzed 3,786 posts from Novosibirsk and 887 from Tomsk. For data analysis the authors used qualitative method (content analysis, topic analysis, psycholinguistic analysis, psychological analysis, machine learning methods) and quantitative method (API-based data mining algorithm, digital footprint data collection using data platform (<https://lk.data.tsu.ru/>), natural language processing methods for text analysis and information extraction, machine learning methods, PolyAnalyst text analysis platform). Within the scope of the project the authors studied the specifics of perception and consumption of political content on social media and identified destructive behaviour among young people in web communities.

Keywords: destructive communication, destructive content, malicious content, socio-political agenda, youth, Internet communities, Internet environment, digital environment

REFERENCES

1. Chvanova M.S., Anur'eva M.S., Kiselyova I.A. Novye formy sotsializatsii studencheskoy molodyozhi v internet-prostranstve // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov. 2017. T. 22. № 6. S. 32–40 (in Russian).
2. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchiysya rebyonok v izmenyayushchemsya mire // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2018. T. 9. № 3. S. 71–80 (in Russian).

3. Luchinkina A.I. Spetsifika Interneta kak instituta sotsializatsii // Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. 2019. T. 5. № 1. S. 59–69 (in Russian).
4. Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Politicheskiy kontent sotsial'nykh dvizheniy v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatel'skaya praktika // Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk. 2018. T. 19. № 3. S. 139–162 (in Russian).
5. Kligler-Vilenchik N., Baden C., Yarch M. Interpretative Polarization across Platforms: How Political Disagreement Develops Over Time on Facebook, Twitter, and WhatsApp // Social Media + Society. 2020. R. 1–13.
6. Gallacher J.D., Heerdink M.W., Hewstone M. Online Engagement Between Opposing Political Protest Groups via Social Media is Linked to Physical Violence of Offline Encounters // Media + Society. 2021. R. 1–26.
7. Gavrikova O.A. Klikbeyting kak faktor sozdaniya lozhnogo narrativa v politicheskom media-diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 3 (75). S. 22–30 (in Russian).
8. Platonov K.A., Yudina D.I. Povestka protestnykh onlayn-soobshchestv Sankt-Peterburga vo «VKontakte» // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2019. № 5. S. 226–249 (in Russian).
9. Ageev A.I., Loginov E.L., Shkuta A.A. Konvergentnyy monitoring i programmirovaniye lichnosti kak instrument operirovaniya intellektual'noy dinamiko y povedeniya bol'shikh grupp lyudey // Ekonomicheskie strategii. 2018. T. 20. № 2 (152). S. 70–87 (in Russian).
10. Volodenkov S.V. Vliyanie tekhnologiy internet-kommunikatsiy na sovremennyye obshchestvenno-politicheskiye protsessy: stsennarii, vyzovy i aktory // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2019. № 5. S. 341–364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16> (in Russian).
11. Larionova A.V., Gorchakova O.Yu., Fakhretdinova A.P. Osobennosti aktivnosti studencheskoy molodyozhi v seti Internet: opyt destruktivnoy kommunikatsii i voprosy bezopasnosti // Sotsiodinamika. 2021. № 3. S. 12–22 (in Russian).
12. Tyupa V.I. Novostnoy diskurs kak narratologicheskaya problema // Novyy filologicheskiy vestnik. 2017. № 3 (42). S. 40–51 (in Russian).
13. Gorchakova O.Yu., Larionova A.V., Aleksandrova Yu.K., Petrov E.Yu. Osobennosti novostnogo diskursa sotsial'no-politicheskoy tematiki na primere regional'nykh novostnykh publikov v sotsial'noy seti VKontakte // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2021. № 3. S. 1–17. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.3.35234 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35234 (in Russian).

Индекс УДК 316.6

Код ГРНТИ 15.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-151-163

Е.Б. МАРИН*

Семантика протестного сознания и формы протестной активности российской молодёжи

В статье представлены результаты научного проекта, направленного на построение психосемантической модели коллективного (поколенческого) протестного сознания российской молодёжи поколений Y и Z.

Проведено эмпирико-экспериментальное исследование протестного сознания молодёжи поколения Y и поколения Z.

Описана категориальная структура протестного сознания двух поколений молодёжи, определены важнейшие категории протестного мышления. Как показал анализ, в протестном мышлении обоих поколений наличествуют три основные оси оценивания протеста: «честности и интеллектуальности», «лицемерия и корыстности» и «силы и агрессивности». Обозначены маркеры привлекательности/непривлекательности протестных явлений и протестных лидеров.

Описаны характеристики, отличающие образ каждой из основных форм протеста в сознании изучаемых групп молодёжи. На основе сочетания разных методов определены как рациональные, так и неосознаваемые компоненты образа разных форм протеста. Выявлены ценностно-смысловые и аффективные компоненты восприятия ключевых форм протестной активности молодёжи двух поколений.

Сформирована типология протестного менталитета, включающая две модели: мирного и радикального протеста.

Знание категориальной структуры протестного сознания молодёжи, понимание структуры и содержания имплицитных субъективных шкал оценивания различных форм протеста молодёжи позволяют моделировать ситуации генезиса и развития протестов, осуществлять прогноз и оценку социальной динамики.

Ключевые слова: представление, протест, политическое сознание, психосемантика, Дальний Восток, Москва, поколение Y, поколение Z

* **Марин Егор Борисович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морского государственного университета им. Г.И. Невельского, доцент департамента психологии и образования Дальневосточного федерального университета, доцент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, руководитель проекта «Семантика протестного сознания и формы протестной активности российской молодёжи в контексте новых угроз безопасности Российской Федерации» (20-011-31518).

E-mail: egor-marin@yandex.ru

Актуальность

Среди значимых изменений, происходящих в российском обществе последних лет, обращает на себя внимание выход новых поколений на арену гражданской и политической жизни. Поколения Y (или миллениалы, родившиеся в период 1982–2000 гг.) и Z (или центениалы, годы рождения которых начинаются с 2001 и далее) ещё мало изучены как политические акторы и являются неизвестным фактором в социально-политическом пространстве России. В последнее время они привлекли к себе внимание своей ролью в социальных протестах и повышенной протестной активностью.

В настоящей работе предпринимается анализ структурно-содержательных характеристик протестного сознания молодёжи поколений Y и Z.

Изученность темы

Анализ протестных феноменов традиционно проводится в рамках разных научных направлений.

В нашей стране наибольшее число работ по протестности, в том числе молодёжи, принадлежит социологам.

Обобщённые характеристики современной российской протестности представлены в работах В.А. Артюхиной, О.Ю. Гаранина, Р.Х. Салахутдинова [1–3].

Изучению специфики протестного сознания и протестного поведения российской молодёжи посвящены работы Г.В. Баранова, Ю.А. Красина, Е.Н. Соломатиной [4–6]. В рамках социологического анализа раскрывается социальная обусловленность протестного поведения.

Одним из перспективных направлений изучения молодёжи является поколенческий подход, выделяющий общие черты поколений [7].

Психологические механизмы политических явлений изучаются в рамках политической психологии. Такие исследователи, как Е.Б. Шестопа, А.Л. Зверев, С.В. Нестерова, И.С. Палитай, разработали свою методологию изучения образов политических феноменов [8, 9].

Заметный вклад в изучение психологии протеста внесли социально-психологические концепции. Можно отметить теорию относительной депривации Дж. Дэвиса и С. Стауффера [10]. К более современным концепциям относятся модель SIMCA (Social Identity Model for Collective Action), представленная в работах Мартина ван Зоме-рена с соавторами [11], а также модель Ван Стакельберга [12].

Начиная с 1990-х гг. в нашей стране для исследования политического сознания стали применяться методы психосемантики. Так, В.Ф. Петренко и О.В. Митина разработали свой подход к изучению политического менталитета методами психосемантики [13, 14]. На наш взгляд, психосемантический подход имеет хорошую перспективу и для изучения протестного сознания. Эта методология позволяет получить, в том числе, ту информацию, которую не дадут традиционные социологические методы. В частности, построить модель протестного менталитета, выявить его структурно-содержательные компоненты. В данном проекте мы опирались также на разработки по протесту и политическому участию, описанные в наших предыдущих статьях [15, 16].

Выборка

В выборку вошли 1220 респондентов в возрасте от 15 до 30 лет, из них 56,2% — женщины. Большинство респондентов — 64,8% — проживают на Дальнем Востоке (в опросе участвовали представители всех 11 регионов Дальнего Востока), 35,2% — в Москве.

По возрастному параметру выборка поделена на две группы:

- ◆ «поколение Z»: респонденты в возрасте от 15 до 19 лет.
- ◆ «поколение Y»: возраст — от 20 до 30 лет.

Кроме того, по региональному признаку внутри каждого поколения выделены две подвыборки: представители Дальнего Востока и Москвы.

Был применён авторский инструментальный исследования протестного сознания.

Он включает семантические и социологические методики (анкету «политическое участие и протест», семантический дифференциал для оценки протеста, проективные методики).

Категориальная система оценивания протеста

С применением факторного анализа данных разработанного нами семантического дифференциала (СД) для оценки протеста были определены важнейшие категории протестного мышления. Как показал анализ, в протестном мышлении обоих поколений наличествуют три основные оси оценивания протеста: «интеллектуальности и честности», «лицемерия и корыстности» и «силы и агрессивности».

Первый реконструированный фактор состоит из дескрипторов: интеллектуальный, честный, справедливый и привлекательный. Фактор отражает наиболее значимые для молодых людей ценности, определяющие их политическое мышление.

Эти ценности реализуются, в том числе, через протест, формирующийся в ответ на неудовлетворённость положением дел в обществе. С другой стороны, обладание этими качествами делает протест привлекательным в глазах молодых людей. Они «легитимизируют» протест. И наоборот — при появлении в действиях сторонников протеста (с точки зрения потенциального участника) признаков нарушения справедливости (интеллигентности, честности и т.д.) протест теряет свою привлекательность.

У поколения Y в составе данного фактора есть второе семантическое ядро, включающее такие дескрипторы, как «свободный», «открытый» и «справедливый». Это свидетельство значимости ценностей свободы и справедливости, а также наличие стремления реализовать их, в том числе в форме протеста (табл. 1).

Вторая ось оценивания протестных явлений — фактор «лицемерия и корыстности». Любая форма протеста оценивается молодёжными группами с позиции нали-

Таблица 1

Общие факторы оценивания протеста (поколение Z и поколение Y)

Название факторов	Дескрипторы	
	Поколение Z	Поколение Y
1. «Интеллектуальности и честности»	Интеллектуальный Честный Привлекательный Справедливый	Открытый Свободный Справедливый Честный Интеллектуальный Привлекательный
2. «Лицемерия и корыстности»	Лицемерный Корыстный Коррупцированный Страшный Чужой	Корыстный Коррупцированный Лицемерный Чужой Бессмысленный
3. «Силы и агрессивности»	Агрессивный Сильный Большой Активный Твёрдый	Агрессивный Злой Сильный Твёрдый Страшный

чия или отсутствия у протеста (его организаторов и участников) личной корыстной заинтересованности и лицемерия. С этими двумя качествами также тесно коррелирует такая характеристика, как «коррупцированный». В восприятии молодёжи эти качества делают протест «чужим». Характеристика «чужой» является маркером непривлекательности.

У поколения Y в составе данного фактора присутствует также дескриптор «бессмысленный». Корыстный и лицемерный протест теряет для этого поколения смысл.

Три эти характеристики – лицемерие, корыстность и коррупцированность – в сознании респондентов устойчиво взаимосвязаны. Как можно предположить, при такой устойчивой связи этих категорий они будут влиять друг на друга. Протестную акцию, оцениваемую как лицемерную, молодые люди, вероятно, склонны будут воспринимать как корыстную по своей сути, и наоборот.

Третья ось оценивания протестных явлений была обозначена как фактор «силы и агрессивности». Она отражает взаимосвязь в сознании молодых людей силы и разрушительного потенциала протеста. Чем масштабнее, сильнее и активнее протест, тем более агрессивным он представляется молодёжи.

Для поколения Y этот фактор приобретает значение «злой силы» благодаря наличию дескриптора «злой». Такая сила вызывает страх.

Можно отметить, что состав фактора «силы и агрессивности» меняется в зависимости от формы протеста. Так, при оценивании митинга характеристики силы и активности связаны сильными корреляциями с такими признаками, как свободный, открытый, честный и справедливый. Шкала же «агрессивный» имеет слабый вес при оценивании митинга. В сознании респондентов митинг имплицитно связан с данными ценностями, воспринимается как справедливое и свободное волеизъявление народа.

Наличие в некоторых реконструкциях в составе фактора шкал «свободный»

и «справедливый» (с меньшим факторным весом) показывает, что при определённых условиях агрессивность может быть легитимной.

Анализ изменений факторной структуры при введении различных ограничений факторизации позволяет говорить об амбивалентности оценки протеста молодёжью: она чувствует связь между увеличением масштаба протеста с его агрессивностью и злостью, но одновременно такой масштабированный протест становится более привлекательным для молодёжи своей справедливостью, открытостью и свободой.

Данное исследование показало наличие общих стержневых категорий протестного менталитета внутри одного поколения для Дальнего Востока и Москвы.

Анализ семантических универсалий

На основе данных семантического дифференциала мы выполнили расчёт семантических универсалий по методу Е.Ю. Артемьевой.

Семантические универсалии представляют собой согласованные в группе представления о стимуле, в качестве которого выступали формы протеста. Выявленные посредством расчёта семантических универсалий устойчивые черты разных форм протеста позволяют дать им абсолютные оценки, а не только выявить актуальные оси оценивания этих явлений, получаемые при факторном анализе данных.

К петиции и митингу у молодёжи в целом безусловно положительное отношение. Эти формы протестной активности согласованно оценивались позитивно во всех выборках. При этом поколение Y более сдержанно оценивает митинг, а младшее поколение скорее идеализирует его. Образ забастовки в основном положительный у обоих поколений, но есть особенности восприятия в разных регионах (более позитивно забастовки воспринимает молодёжь Москвы).

Наиболее положительный образ у петиции: эта форма мирного протеста получила

наибольшее число согласованно положительных характеристик во всех выборках молодёжи.

Образ сопряжённых с насилием радикальных форм протеста, бунта и восстания заметно отличается от образа остальных форм протестной активности.

Прежде всего, эти формы воспринимаются как в максимальной степени сильные и активные в ряду остальных форм протеста. Также молодёжь высоко оценивает их масштабность («большие»).

Эти формы, кроме того, согласованно оцениваются респондентами обоих поколений как непривлекательные и некрасивые, молодёжь всех групп считает их крайне агрессивными.

Но негативные коннотации не означают неприемлемость насильственных форм протеста. Смысловой анализ показал черты амбивалентности в образе радикальных протестных форм — бунта и восстания. Респонденты в трёх выборках из четырёх считают их нечужими, бессмысленными и нелицемерными. Для молодёжи это, прежде всего, обладающие большой силой и масштабом, крайне агрессивные и непривлекательные, но не чужие и не бессмысленные формы протеста. Не чужой, не лицемерный и не коррумпированный радикальный протест может завоевать доверие этих молодёжных групп в столь же радикальной, экстремальной для них ситуации, которая заставит принять его агрессивный характер.

Условием участия в мирном протесте является его общая положительная оценка по оси «интеллектуальности и честности», и напротив, отрицательная оценка — по оси «лицемерия и корыстности».

Условия для участия молодёжи в насильственном протесте связаны, как нам представляется, с его аффективной составляющей, с особым накалом негативных эмоций, который может легитимизировать в глазах молодых людей обычно непривлекательные на рациональном уровне «агрессивные» формы протестного поведения. Кроме того, нами отмечена и любопытная

склонность молодёжи поколения Z видеть связь между масштабом и силой протеста с его справедливостью и свободой.

Полученные результаты показывают, что представители поколения Z оценивают протест как мирных (митинг), так и насильственных (восстание) форм положительнее по сравнению с более сдержанными и неоднозначными оценками представителей поколения Y. Это может быть связано с определённой идеализацией протеста центениалами, его созвучием возрастным особенностям данного поколения. Напротив, имеющие больше жизненного опыта, чаще склонные руководствоваться рассудком молодые люди поколения Y проявляют намного больше сдержанности в оценках протестных явлений.

Для более полного отражения содержания протестного сознания был использован ассоциативный эксперимент. При реконструкции категориальной структуры ассоциаций были выделены такие важные категории, как «ценности и цели», «аффект», что позволило выявить ценностно-смысловые и аффективные элементы протестного сознания.

Если сравнивать представление о формах протеста по насыщенности ценностями, то заметно богатое содержание категории «ценности и цели» для таких стимулов, как митинг и петиция. Митинги воспринимаются в основном позитивно, ассоциируясь с ключевыми политическими и экзистенциальными ценностями. У обеих групп митинги связываются с такими понятиями, как свобода, права, справедливость, демократия. Данная форма протеста воспринимается молодёжью как проявление прямой демократии, активное отстаивание прав и справедливости в условиях города. Можно сказать, что такая форма протеста, как митинг, наиболее привлекательна для широких слоёв молодёжи как на рациональном, так и на неосознаваемом уровне. Также он будет более привлекательным при наличии некоего интеллектуального уровня, веры в честность намерений его организаторов и участников.

Петиция связывается в сознании респондентов с надеждой на перемены, с защитой прав, возможностью привлечь внимание к тем или иным проблемам. Эта форма протеста и участия представляется вполне современной, соответствующей нынешнему цифровому сознанию молодёжи. При этом её потенциал ещё не использован в полной мере. Если сопоставлять данные, полученные с помощью методов ассоциаций и СД, то по выявленным нами осям оценивания протеста петиция будет рассматриваться как положительная. Она соответствует категории мирного протеста, не агрессивна. Петиция как форма политического участия вполне соответствует и категориям интеллектуальности и честности.

Такая форма протеста, как забастовка, в сознании молодёжи почти не связывается с политическими и экзистенциальными ценностями, в основном воспринимается как средство борьбы за экономические права. Забастовка как форма политической и социальной активности хорошо знакома молодёжи обеих групп, имеет связи с исторической памятью.

Сравнение полученного материала позволяет сделать вывод, что стимулы «восстание» и «бунт» имеют схожее семантическое поле. Смысловой анализ показал, что они ассоциируются с кровью и разрушением, связаны в представлении респондентов с наиболее насильственными формами протеста, имеют много негативных ассоциаций.

У бунта связи с какими-либо созидательными ценностями и целями в коллективном сознании почти нет. Эта форма воспринимается негативно как на эмоциональном, неосознаваемом, так и на рациональном уровне.

Можно сказать, что молодёжь разных поколений не стремится к крайним формам протеста, таким как бунт и восстание, и не считает их оптимальными. Восстание, тем не менее, при многочисленных негативных ассоциациях, в коллективном сознании молодых людей всё же имеет связь с такими значимыми ценностями, как свобода, справедливость, перемены. Как мы

полагаем, в обычной ситуации категориальная система мышления молодёжи будет дисквалифицировать его как форму политического и социального участия. Ситуация может измениться в экстремальных социальных условиях.

На бессознательном уровне образы бунта и восстания связаны с агрессией, недовольством и смертью. Среди эмоций с ними связаны гнев, ярость и страх. Можно сказать, что эти две крайние формы протеста могут становиться актуальными при наличии у молодёжи большого заряда негативных эмоций и отсутствии возможности выразить эти эмоции через более мирные формы протеста. При длительной групповой депривации и отсутствии или незнании мирных и законных путей реализации недовольства может быть реализован такой путь, как насильственный протест. При этом бунт будет лишённым цели и стихийным выплеском агрессии, а восстание, также представляя проявление негативных эмоций, может быть осмысленным и организованным процессом.

Вероятно, самой близкой по духу для молодёжи оказалась такая форма протеста, как митинг. У обеих групп митинги связываются с ключевыми экзистенциальными и политическими ценностями, с такими концептами, как «демократия» и «справедливость». Данная форма протеста воспринимается молодёжью как проявление прямой демократии.

Исследование показало, что представление о митингах не связано с образами восстания, революции. Если у более молодого поколения Z митинг ассоциируется с борьбой, то у представителей поколения Y — с мирными формами выражения мнения — с демонстрациями, шествиями.

Подробный анализ семантики протестного сознания по итогам данного проекта представлен в нашей отдельной публикации [17].

Кроме того, на основе психосемантических методов была реконструирована категориальная система оценивания молодыми людьми оппозиционных и протестных лидеров.

Таблица 2

**Формы протестного поведения, вся выборка.
Метод главных компонент**

	Компоненты	
	1	2
Голосование против всех	0,391	0,722
Подписание коллективных обращений	0,220	0,858
Концерты протестного характера	0,122	0,796
Санкционированные протестные мероприятия	0,383	0,822
Открытая критика власти в СМИ	0,517	0,693
Забастовки	0,757	0,467
Несанкционированные мероприятия	0,761	0,480
Перекрытие дорог, занятие зданий	0,830	0,285
Мирная смена власти	0,547	0,626
Бунт	0,894	0,168
Восстание	0,858	0,250

Также были определены основные содержательные характеристики образов нескольких оппозиционных российских политиков.

На основе полученных данных можно описать привлекательного для молодёжи протестного политического лидера. Он должен быть интеллектуальным, образованным, обладать волевыми качествами и харизмой. При этом не быть агрессивным, грубым и корыстным. Важными при оценивании руководителей протеста являются и морально-этические качества. Лидер должен обладать положительными моральными человеческими качествами, такими как честность и доброта. Таков портрет желаемого протестного лидера в представлении образованной молодёжи.

Более подробно реконструкция категориальной системы оценивания протестных лидеров, а также описание содержательных характеристик представлений о конкретных протестных и оппозиционных политиках представлены в другой нашей публикации [18].

Готовность участвовать в протестных акциях

При анализе протестной готовности в региональном разрезе была выявлена

статистически значимая разница: уровень протестной готовности у обоих поколений Дальнего Востока оказался значимо выше, чем у представителей Москвы. Ограниченный объём статьи не позволяет отразить конкретные данные по отдельным характеристикам протестной готовности и протестного участия. Мы планируем сделать это в отдельной публикации.

Два типа протестного менталитета

С применением математико-статистических методов удалось сформировать типологию протестного политического менталитета молодёжи. Выявлены два типа протестного менталитета, которые были условно названы «мирным» и «радикальным» типами протестного сознания (табл. 2).

Применение математического метода главных компонент (вращение варимакс) позволило выявить двухфакторную структуру данных вопросов анкеты, описывающих протестное поведение и связанные с ним переменные.

Параметры модели: КМО = 0,937, критерий сферичности Бартлетта = 11 524,1, $p = 0,000$, 76% объяснённой дисперсии переменных.

Первый фактор (64,4% объяснённой дисперсии) включает имеющие большой факторный вес неконвенциональные, радикальные формы протестного поведения: бунт, восстание, перекрытие дорог. Им противопоставлены с низкими нагрузками такие конвенциональные формы протеста, как участие в тематических концертах, подписание коллективных обращений. Данный фактор обозначен как «радикальный протест».

Второй фактор (11,6% объяснённой дисперсии), напротив, характеризуется высокими значениями по таким формам протеста, как подписание коллективных обращений, участие в санкционированных мероприятиях; минимальными значениями – по таким формам, как бунт и восстание. Второй фактор обозначен как «мирный протест».

Данная факторная структура обнаруживается и для каждого из поколений в отдельности.

Выявление предикторов протестного поведения

Для анализа переменных, могущих предсказывать высокие или низкие значе-

ния каждой из выделенных форм протестного поведения (факторов), был проведён регрессионный анализ с применением метода пошагового исключения (отношение правдоподобия).

В качестве зависимой переменной выступали значения факторов «радикальные формы протестного поведения» (для первой модели) и «мирные формы протестного поведения» (для второй модели).

В качестве предикторов включены оценки значимости всех ценностей, а также ряд категориальных переменных: эмоции в отношении политики, ответы на вопросы об отношении к митингам, о готовности принять в них участие, об удовлетворённости политикой государства.

Данная процедура проведена сначала на всей выборке, затем – для каждого из поколений в отдельности. Ниже мы приведём значения для всей выборки.

Для радикальных форм протеста полученная модель верно предсказывает 71,7% значений зависимой переменной (табл. 3). Значимыми предикторами выступили эмоции в отношении политики в целом: отращение и отсутствие/невыражен-

Таблица 3

Предикторы радикальных форм протестного поведения

		В	Среднеквадратичная ошибка	Вальд	Ст. св.	Знач.	Exp (В)
Шаг 21 ^a	Э_страх (1)	-,450	,183	6,054	1	,014	,638
	Э_отвращение (1)	,481	,188	6,526	1	,011	1,617
	Безопасность	-,202	,049	16,860	1	,000	,817
	Однозначно не приму / скорее не приму участие в митинге (1)	-1,356	,258	27,716	1	,000	,258
	Скорее всего, приму участие (1)	-,396	,215	3,402	1	,065	,673
	Не поддерживаю митинги (1)	-1,538	,320	23,024	1	,000	,215
	Отношусь к митингам безразлично (1)	-,964	,283	11,639	1	,001	,381
	Поддерживаю митинги, но сам принимать участие не готов (1)	-,683	,213	10,278	1	,001	,505
	Не удовлетворён политикой государства (1)	,579	,183	9,993	1	,002	1,785
	Константа	2,104	,368	32,710	1	,000	8,196

Таблица 4

Предикторы умеренных форм протестного поведения

		В	Среднеквадратичная ошибка	Вальд	Ст. св.	Знач.	Exp (В)
Шаг 20 ^а	Э_презрение (1)	,475	,187	6,451	1	,011	1,609
	Э_страх (1)	,412	,200	4,245	1	,039	1,509
	Безопасность	,193	,071	7,333	1	,007	1,213
	Однозначно не приму / скорее не приму участие в митинге (1)	-1,657	,213	60,691	1	,000	,191
	Свобода_творчество	,191	,074	6,628	1	,010	1,210
	Захватывающая_жизнь	,125	,063	3,915	1	,048	1,133
	Не поддерживаю митинги (1)	-1,721	,324	28,167	1	,000	,179
	Отношусь к митингам безразлично (1)	-1,737	,295	34,795	1	,000	,176
	Поддерживаю митинги, но сам принимать участие не готов (1)	-,697	,235	8,773	1	,003	,498
	Скорее не удовлетворён политикой государства (1)	,403	,191	4,454	1	,035	1,496
	Константа	-1,586	,390	16,503	1	,000	,205

ность страха (данный предиктор вошёл в модель с отрицательным коэффициентом).

В качестве мотива для радикального протестного поведения (как и для умеренного) выступает неудовлетворённость политикой государства, также входящая в модель в качестве предиктора.

Кроме того, в модель, предсказывающую радикальные формы протестного поведения, вошла незначимость для личности такой ценности, как безопасность (тоже имеет отрицательный коэффициент).

Значимыми предикторами «мирного протеста» стали определённые негативные эмоции в отношении политики, такие как презрение и страх (табл. 4). Кроме того, в модель, предсказывающую умеренные, конвенциональные формы протестного поведения, вошли личностные ценности, такие как «безопасность», «свобода и творчество», «захватывающая жизнь». Также предиктором является неудовлетворённость политикой государства, но в бо-

лее смягчённой формулировке («скорее не удовлетворён»).

С отрицательными коэффициентами в модель вошли: неготовность участвовать в митингах, неподдержание их, безразличное отношение, а также поддержание, но неготовность идти на них. Иначе говоря, готовность к участию в митингах может рассматриваться в качестве маркера мирного протеста.

В отношении политики страх можно интерпретировать как маркер, позволяющий предсказать выбор более мягких, мирных форм протеста. Также страх, что вполне логично, коррелирует с важностью ценности безопасности. Эти причины в совокупности влияют на выбор респондентами, испытывающими недовольство теми или иными социальными проблемами, умеренных, конвенциональных форм протеста.

Полученные результаты с некоторыми особенностями, прежде всего ценностными, повторяются и для каждого из поколений в отдельности.

Заключение

Выполненная нами реконструкция структурно-содержательных элементов протестного сознания позволила выявить категории оценивания протеста, определить маркеры привлекательности и непривлекательности протестных акций и атрибутов. Описаны актуальные для групп молодёжи поколения Y и поколения Z интегральные оси оценивания различных форм протестной активности. Данные шкалы опосредуют формирование отношения молодёжи к протесту.

Созданная нами модель протестного сознания имеет два уровня. Сопоставление данных, полученных с помощью разных методов, позволяет утверждать, что протестное сознание, а также протестное поведение формируются на двух уровнях: рациональном, осознанном, и более глубинном, основанном на эмоциях. Можно сказать, что в формировании протестного поведения участвуют два механизма: рациональной оценки и аффективной реакции.

Как представляется, человек в обычной для него ситуации и группа пытаются решать свои задачи в социальных рамках, руководствуясь здравым смыслом и разумом. Однако возникающая иногда длительная невозможность решения проблем порождает депривацию. Чем более критической становится ситуация и чем меньше возможностей для решения проблем рациональным путём, тем вероятнее включение более глубинных, основанных на эмоциях механизмов реагирования.

Одним из структурирующих протестное сознание факторов оказались ценности молодёжи. Ценностный фактор является связующим звеном между рациональным и бессознательным уровнями протестного сознания.

Знание категориальной структуры протестного сознания молодёжи, понимание структуры и механизмов формирования протестного поведения позволяют моделировать ситуации генезиса и развития протестов, осуществлять прогноз и оценку социальной динамики.

Данное направление анализа требует, безусловно, дальнейшей работы. Перспективным представляется исследование региональных, гендерных и возрастных особенностей разных форм протеста, выявление предикторов разных форм протестного поведения у каждой из выборок.

Рекомендации

Как показало данное исследование, молодёжь разных поколений в существующем контексте не стремится к крайним формам протеста, таким как бунт и восстание, и не считает их оптимальными.

Как представляется, участие молодёжи в митингах, в том числе несанкционированных, на данном этапе не несёт большой угрозы. Их можно рассматривать как своего рода естественную для молодёжи форму выражения мнений и накопившихся эмоций.

Как показал анализ семантики протестного сознания, привлекательность протеста связана с атрибутикой интеллектуальности, честности, свободы и справедливости. Поэтому фокус ответных мер государства имеет смысл делать не на жёстком силовом противодействии протесту, а на «интеллектуальных» формах работы как с протестующими, так и с молодёжью разных поколений в целом.

Можно рекомендовать органам государственной власти обратить внимание на возможности, предоставляемые такой формой политической активности, как петиция, например в виде онлайн-голосований. Она соответствует ценностям молодёжи, оценивается положительно.

В работе с молодёжной аудиторией следует учитывать особенности ценностной сферы молодёжи. Для обоих поколений, как показали полученные в ходе настоящего исследования данные, среди всех ценностей наиболее важны безопасность, справедливость, свобода и творчество.

Любая работа с молодёжной аудиторией требует понимания и уважения её ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюхина В.А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 30–34.
2. Гаранин О.Ю. Протестная активность молодёжи в условиях политической модернизации современной России: Автореф... дис. канд. полит. наук. Краснодар, 2010.
3. Салахутдинова Р.Х. Факторы формирования протестного поведения молодёжи в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 4. Сер. 12. Вып. 4. С. 167–173.
4. Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152.
5. Красин Ю.А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 92–99.
6. Соломатина Е.Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2014. № 1. С. 103–107.
7. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
8. Шестопад Е.Б., Нестерова С.В. и др. Образы кандидатов в президенты 2012 в массовом сознании // Власть. 2012. № 3. С. 186–190.
9. Зверев А.Л., Палитай И.С., Рогозарь А.И., Смутькина Н.В. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. 2016. № 3. С. 40–54.
10. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation // Sociometry. 1959. Vol. 22. № 4. P. 280–296.
11. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // Psychological Bulletin. 2008. № 134. P. 504–535.
12. Van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // Current Sociology. 2013. Vol. 61, № 5–6. P. 886–905.
13. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический подход в реконструкции политического менталитета: методы и примеры исследований // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 1. С. 50–64.
14. Петренко В.Ф., Гладких Н.Ю., Митина О.В. Психосемантический анализ восприятия политических лидеров (на материале выборки студентов из Южной Кореи) // Вестник Московского университета. 2016. Серия 14. Психология. № 2. С. 64–87.
15. Марин Е.Б. Молодёжные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 63–82.
16. Марин Е.Б., Осмачко Н.В. Динамика протестных настроений студенческой молодёжи в региональном контексте: на примере Приморского края // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 20–35. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-5-20-35.
17. Марин Е.Б. Представление о социальном протесте у молодёжи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 62–92. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699.
18. Марин Е.Б. Образы протестных лидеров в представлении российской молодёжи // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 115–127.

ENGLISH

Semantics of Protest Consciousness and Forms of Protest Activity among Russian Youth

Egor Borisovich Marin – Candidate of Science (History), assistant professor at the Department of History, Political Science and Government and Legal Disciplines, G.I. Nevelskoy Maritime State University; assistant professor at the Department of Psychology and Education, Far Eastern Federal University; assistant professor at Vladivostok State University of Economics and Service, head of the project 'Semantics of Protest Consciousness and Forms of Protest Activity among Russian Youth in the Context of New Threats to Security of the Russian Federation' (20-011-31518).

E-mail: egor-marin@yandex.ru

The paper presents the results of a study aimed at building a psychosemantic model of collective (generational) protest consciousness of the Russian youth generations Y and Z.

The author conducted an empirical-experimental study of protest consciousness of generations Y and Z.

The categorical structure of the protest consciousness of two generations of young people is described in the paper, and the most important categories of protest consciousness are identified. The analysis shows that there are three main vectors of protest thinking in both generations: 'honesty and intellectuality', 'hypocrisy and egoism' and 'strength and aggressiveness'. The paper outlines markers of the attractiveness/unattractiveness of protest phenomena and protest leaders.

Characteristics that distinguish each of the main forms of protest in the consciousness of the studied groups of young people were described. Based on a combination of methods both rational and unrecognized components of various protest forms have been identified. The study revealed value-semantic and affective components of the perception of the key forms of protest activity among two generations of young people.

The author described types of protest mentality, including two models: peaceful and radical protest.

Knowledge of the categorical structure of young people's protest consciousness, understanding the structure and content of implicit subjective assessment scales of different forms of youth protest allow to model situations of protest origins and development, to forecast and evaluate social dynamics.

Keywords: perception, protest, political consciousness, psychosemantics, Far East, Moscow, Generation Y, Generation Z

REFERENCES

1. Artyukhina V.A. Osmyslenie sotsial'nogo protesta v sovremennoy sotsiologii: analiz osnovnykh podkhodov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 11. S. 30–34 (in Russian).
2. Garanin O.Yu. Protestnaya aktivnost' molodyozhi v usloviyakh politicheskoy modernizatsii sovremennoy Rossii: Avtoref... dis. kand. polit. nauk. Krasnodar, 2010 (in Russian).
3. Salakhutdinova R.Kh. Faktory formirovaniya protestnogo povedeniya molodyozhi v sovremennoy Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. № 4. Ser. 12. Vyp. 4. S. 167–173 (in Russian).

4. Baranova G.V. Metodika analiza protestnoy aktivnosti naseleniya Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2012. № 10. S. 143–152 (in Russian).
5. Krasin Yu.A. Fenomen ulichnykh protestov i koleya rossiyskogo vybora // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2012. № 3. S. 92–99 (in Russian).
6. Solomatina E.N. Sotsial'nye protesty v sovremennom mire: sotsiologicheskiy analiz // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. Seriya «Sotsial'nye nauki». № 1. S. 103–107 (in Russian).
7. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokoleniy: empiricheskiy analiz // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 3. S. 15–33 (in Russian).
8. Shestopal E.B., Nesterova S.V. i dr. Obrazy kandidatov v prezidenty 2012 v massovom soznanii // Vlast'. 2012. № 3. S. 186–190 (in Russian).
9. Zverev A.L., Palitay I.S., Rogozar' A.I., Smul'kina N.V. Osoennosti politicheskogo vospriyatiya v sovremennykh rossiyskikh usloviyakh // Polis. 2016. № 3. S. 40–54 (in Russian).
10. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation // Sociometry. 1959. Vol. 22. № 4. P.280–296 (in Russian).
11. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // Psychological Bulletin. 2008. № 134. P. 504–535.
12. Van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // Current Sociology. 2013. Vol. 61, № 5–6. P. 886–905.
13. Petrenko V.F., Mitina O.V. Psikhosemanticheskiy podkhod v rekonstruktsii politicheskogo mentaliteta: metody i primery issledovaniy // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. 2017. T. 87. № 1. S. 50–64 (in Russian).
14. Petrenko V.F., Gladkikh N.Yu., Mitina O.V. Psikhosemanticheskiy analiz vospriyatiya politicheskikh liderov (na materiale vyborki studentov iz Yuzhnoy Korei) // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2016. Seriya 14. Psikhologiya. № 2. S. 64–87 (in Russian).
15. Marin E.B. Molodyozhnye protestnye nastroyeniya v Primorskom krae (na primere studenchestva) // Vestnik Instituta sotsiologii. 2018. T. 9. № 3. S. 63–82 (in Russian).
16. Marin E.B., Osmachko N.V. Dinamika protestnykh nastroyeniy studencheskoy molodyozhi v regional'nom kontekste: na primere Primorskogo kraya // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2020. T. 10. № 5. S. 20–35. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-5-20-35 (in Russian).
17. Marin E.B. Predstavlenie o sotsial'nom proteste u molodyozhi rossiyskogo Dal'nego Vostoka // Vestnik Instituta sotsiologii. 2021. T. 12. № 1. С. 62–92. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699 (in Russian).
18. Marin E.B. Obrazy protestnykh liderov v predstavlenii rossiyskoy molodyozhi // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2020. T. 10. № 5. С. 115–127 (in Russian).

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2021, № 5 (107)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 24.10.2022. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20,5. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 1776-22

Отпечатано в типографии ООО «Тверской Печатный Двор»
Россия, 170518, Тверская обл., Калининский р-он, с Никольское, д. 26